

Перед нами книга, рассказ самой Клавдии Алексеевны о прожитой жизни, сохраненный в аудиозаписи.

Прочитав ее, мы познакомимся с человеком неординарным, человеком с высоким духом, простой христианкой, имеющей всего четыре класса образования, но умудренной Богом. Она, не считаясь с собой, совершала труд для Бога и людей во имя Его.

В ее доме находили приют дети, чьи родители отбывали срок заключения за верность Господу. Двери многих тюрем открывались перед ней чудесным образом, и она несла утешение и помощь страдающим за дело Божье. По силам и сверх сил она содействовала работе печатных точек издательства, доставляя бумагу, краску и продукты, а при необходимости в своем доме и даже на рабочем складе надежно укрывала людей, находящихся на нелегальном положении, и литературу, предназначенную для распространения.

По желанию Клавдии Алексеевны некоторые имена в книге изменены.

Конечно, книга не отображает полную картину ее жизни, приведены лишь отдельные фрагменты, которые открывают перед читателем жизнь человека, крепко любящего своего Спасителя и служащего Ему.

*Ты был убежищем бедного,
убежищем нищего в тесное для него время,
защитой от бури, тенью от зноя...
Ис. 25:4*

Это были 30-е годы, трудное время было. Я из семьи верующих, нас девять человек детей, я — четвертая. Мои сестры и брат были крещены в детстве в православии, я была первой, кого не крестили в детстве. Жили мы в деревне Голопузовка, по-другому Хутор-Березовка (Липецкая область). Спроси кого: «Где Хутор-Березовка?» — никто не знает, другое село покажут. А спроси: «Где Голопузовка?» — которая за сто километров, за двести, — знают. Стали к нам в деревню братья верующие приезжать, собрания собирать, очень много народу уверовало, уверовала и наша семья. Папа, мама крещение приняли. И так было хорошо, все собирались, радовались, пели, как умели, по-деревенски. Но недолго пришлось радоваться. Когда стало очень много верующих, властям это не понравилось, и начались гонения, собрания стали разгонять.

Я хоть и маленькая была, но хорошо помню, как отца нашего, тетю, которая с нами жила, и других, человек пять их было, забрали в тюрьму. Не знаю, был ли суд, но срок дали. Кого потом отпустили, кого оштрафовали, кого лишили права голоса. Землю у нас отрезали, сказали: «Земли для вас нет!»

Пенсии, пособия тогда не давали, работать было негде, а если в деревне жить, да еще и без земли, — жить нечем. В это смутное время из уверовавших в нашей деревне больше половины отказались от веры. Один закурил, другой пошел выпить, третий еще что-то. Сделали вид, что они неверующие...

И вот, помню, поем: «Страшно бушует житейское море...» Действительно, оно страшно бушевало. Голод, хлеба нет. Корову забрали. Хотя бы молоко было, но и молока нет, детям дать нечего. Похлебку забелить нечем. Ели траву, лебеду рвали, щавель, лишь бы что-то поесть. Пол в доме был земляной. Когда ждали гостей, которые приходили к нам на собрание, мы посыпали пол песком, а зимой, чтобы было теплее, накидывали солому. Летом мы обувались в коты, так называли тапки, сшитые из грубой материи, а зимой ходили в чунях. Но чаще ходили просто босые. К вечеру мама, бывало, варила нам похлебку: хлеба крошит, травы, какой найдет, масла постного ложку добавит — и зовет нас: «Будем сейчас молиться и ужинать!» Мы собирались вокруг стола, молились и ели. Она часто пела:

Только немножко нам
Осталось еще идти
По узким тернистым тропам
И бремя Христа нести.

У нее голос громкий был, и она часто пела именно этот псалом, мы его уже наизусть выучили.

— Только немножко нам... — поет мама.

— Мама, когда это «только немножко» кончится? Все немножко да немножко, а у нас все так же и так же...

— Придет время, все изменится!

Шел то ли 1935, то ли 1936 год. Я была слабенькая, часто болела. Отец и тетя в тюрьме, а маме присудили с семьей выехать на Соловки. Стали готовить подводу, а родственники приходят, голосят:

— Что ты делаешь? И как же ты поедешь с детьми?

Мама отвечала:

— Со Христом везде хорошо!

Довезли нас до станции, а поезд, на котором мы должны были ехать, не пришел, и нас вернули домой. Дом наш, он и сейчас стоит, как напоминание о тех годах, и, если кто приезжает из друзей, идут посмотреть на этот дом как на достопримечательность. Здесь начиналось дело Божье.

У мамы был брат неверующий, который жил тогда на Украине. У нее всего один брат был, они сироты, их еще раньше раскулачили. А теперь маму еще и земли лишили за веру. Приезжает мамин брат и говорит: «Что вы тут живете, хлеба не видите? Приезжайте на Украину, там жить можно!»

Отца к этому времени выпустили, и мы переехали в город Краматорск Донецкой области. Гам был хлеб. Мама устроилась на овощную базу овощи перебирать. Ей тогда еще и тридцати лет не было. Принесет она помидоров корзину: «Ой, детки, ешьте, ешьте!» А нам больше ничего и не надо — бегаем вокруг нее, радуемся.

Жили мы в землянке около дороги, свалка какая-то рядом была, но нам казалось это центром всего лучшего, раем. Одна комната, пол земляной, сверху смазывали его глиной. Места на полу всем хватало. Нас шестеро детей на то время было и родители. И нам не тесно было. Хорошо, очень хорошо было. Мне казалось, что у нас дворец. Было что покушать: мама супа наварит с макаронами, да еще растительным маслом заправит, и хлеба досыта, булочек и френзолечек, по куску сахара даст.

Отец работал на заводе. Кем он работал, не помню, да и его самого плохо помню, дома он мало бывал.

Мимо нас шла дорога, по которой в определенные дни в кандалах проводили заключенных. По ту и другую сторону дороги поля были засеяны подсолнухами. Охрана ехала верхом на лошадях, рядом бежали собаки, а по дороге шли заключенные.

Мама откуда-то всегда знала, в какие дни и часы их будут вести, и в это время она была дома, готовила сумочку: сахар туда положит, кусок сала, сухарей, все такое нужное соберет. Я пробую поднять этот сумарёк — поднимаю. Выходила она на дорогу, стояла и ждала: «Сейчас будут заключенных вести...» Думаю: «Ну на что они ей нужны?» Почему-то из детей она брала с собой только меня, в школу я еще тогда не ходила.

И вот, идет отряд, собаки бегают, верхом охрана с шашками, с винтовками. Заключенные рука к руке прикованы, один с другим связаны. Голос у мамы громкий, она и кричит: «Дети Авраама есть? Дети Авраама есть?» Шеренга проходит, проходит... Никто не отзывается. Значит, детей Авраама нет. Вижу, она переживает, что не получается передачу передать. Стоит, смотрит и снова: «Дети Авраама есть?» На этот раз поднимается рука. Одна прикована, а другую можно поднять. И она дает мне этот сумарёк и говорит:

— Беги, не бойся, собаки тебя не тронут!

С лошадей кричат:

— Куда бежишь?!

— Там есть дети Авраама! Беги, беги! — кричит мама мне вслед.

Бегу, отдаю крайнему в свободную руку, а он — дальше, и так один другому, третьему передают, помогают, и передача доходит именно тому сыну Авраама. Когда этот сумарёк придет к нему, он руку поднимает: принял, плачет... Я не знаю, как мама меня отпускала, но так мы делали очень-очень часто.

Наступил 1937 год, гонения усилились. Детей Авраама в шеренгах, проходящих в кандалах на железнодорожный вокзал мимо нашей землянки, становилось все больше. Их гнали пешком из тюрьмы для дальнейшей пересылки.

Я спрашивала маму:

— Почему ты передаешь только детям Авраама? Другие что, не хотят есть? Почему ты ждешь, пока руку поднимут? Ведь можно любому отдать и идти домой.

— Деточка, потом поймешь, потом расскажу, после... — А сама плачет, слезы текут.

Мама очень ревностная была, когда кто в уныние впадет или у кого что случится, любила помочь. Тогда на узников и на их семьи мало кто обращал внимания — сытые ли они, голодные ли. Каждый переживал: «Лишь бы меня не забрали». А если тебя забрали, выдерживай как хочешь. Закон был: если пойдешь проведать семью узника — в те же списки попадешь. Если и не посадят, то как-то по-другому накажут. В мои детские годы мама научила меня любить узников.

Наступил 1941 год. Война. Тетю к этому времени уже освободили. Немцы подходили быстро, бомбили Киев, а там уже и Донецкая область близко. Те, кто приехал из нашей деревни, решили бежать обратно в Россию пешком. Соседка наша, ей было двадцать с лишним лет, просит мою маму: «С ребенком ехать будет лучше, отпусти ее со мной. И мне будет легче, и тебе легче — на одну меньше, а там вы подьедете».

Мама внимательно так посмотрела, посмотрела на меня и согласилась. А мне сказали ехать, значит, ехать. Они на телегу собрали вещи и всей семьей двинулись в путь. Вереницы беженцев на телегах, с тачками, с пожитками и малыми детьми тянулись по дорогам, среди них и я. Немцы нас не застали в Донецкой области, но было слышно, что настигают и молодежь забирают в Германию в трудлагеря. Мама осталась со старшими, с ними она и должна была везти свою тачку. А я добиралась с соседкой. Бывало, кто подвезет, где помогут, где что подадут. Трудно было, но доехали. Прибыли в Голопузовку, а там никого из родственников нет, только тетя

была одна неверующая, муж у нее очень жестокий. Он инвалид, поэтому на войну его не взяли. Куда деваться, где жить? Мамы моей нет, им путь преградили немцы, они остались там, а я оказалась здесь. А та соседка, с которой я ехала, со своей семьей живет. Поэтому я осталась у тети, но у нее своя семья, ее муж сильно ругал меня, что я ем их хлеб. Вот тут я горя и вкусила. Думала: «Господи! Что же мне делать?»

Услышал Бог, и приехала ко мне тетя из Воронежа, папина сестра, увидела, что я одна, а хата наша пустая, и осталась со мной в этом доме жить. Она меня очень сильно любила, и одевала, и готовила для меня, и всячески обо мне заботилась. Жили мы в основном за счет картошки, но хоть не голодали уже как прежде.

Мама все не приезжала, они на территории, занятой немцами, а война подобралась и к Голопузовке. Начались жестокие бои, и всю деревню эвакуировали в Рязанскую область. Эти обстоятельства уже не доставляли мне столько беспокойства, потому что тетя меня не оставляла. В товарной поезде с другими беженцами мы приехали в Рязанскую область на место распределения. Там нас уже ждали подводы, которые встречали беженцев и развозили их по заранее подготовленным квартирам и домам. Смотрим, всех забирают, увозят, а нас никто не берет. В то время у меня болезнь была: по рукам шли нарывы, и я не знала, отчего это и как вылечить. И тетя не знала, как мне помочь, только одела меня так, чтобы болячек не было видно. Она мне говорит: «Не знаю, может, из-за рук нас не берут, но они не видны. Почему нас никто не берет?»

Тут главная женщина, которая всех распределяла, обращается к нам: «Не волнуйтесь, вы поедете со мной». И привезла нас в свою семью. Муж ее валял валенки для фронта, а она работала председателем ревизионной комиссии. Встретили они нас очень гостеприимно, приготовили ужин, как пир на весь мир, истопили баню. А тетя и говорит им про меня:

— У нее больные руки, мы сразу вам об этом говорим, только вы не подумайте, что это заразное. Я все буду делать за нее и руки ей лечить, смазывать.

Хозяева, несмотря на мою болезнь, отнеслись к нам очень хорошо, оказалось, что они верующие, но отступившие. Тетя стала им помогать за скотиной ухаживать и по хозяйству все делала. Своих детей у них не было, и они стали меня обувать, одевать, валенки свалили, пальто сшили.

А здесь жили очень многие из нашей деревни, и ходили они как нищие: кто во что одет, обут, кто в лаптях в зимнее время. А я в валенках, да и одета как барыня.

Наши хозяева стали просить тетю оставить меня у них навсегда, они готовы были меня удочерить:

— Война кончится, мы ее учиться после школы в институт отдадим, она нам очень нравится.

— Она же не мой ребенок, я не могу распорядиться оставить ее. А если мать найдется, что я ей скажу? Все не так просто, — ответила им на это тетя.

Я все это слышу... Но я очень люблю маму. Думаю: «Я согласна ходить передавать детям Авраама передачи, я согласна хоть что делать, только бы с мамой быть».

Через некоторое время сообщают, что немцы отступили, и мама с детьми приехала в Голопузовку, только папы нет. И вот мы услышали, что одна наша землячка решила вернуться домой, засеять огород, чтобы было чем жить. Хоть война еще и не закончилась, но в нашей местности стало спокойней. Я уже повзрослела, мне было лет тринадцать-четырнадцать, и ехать я не боялась, рвалась к маме, к своей родной семье. И вот соседка, а она из верующих, собирается туда ехать. А когда остальных эвакуированных будут возвращать обратно — неизвестно. Ждать мне было уже невозможно, сильно я скучала. Тетя моя и говорит хозяевам:

- Вы не обижайтесь, к маме она хочет, и не удержишь ее ничем. Не нужны ей ни валенки, ни пальто, ничего не надо!

- Поеду домой, домой к маме! - сказала я им.

Так я с ними и простилась.

Война замирилась, нашелся отец, собралась вся семья, я стала ходить в школу.

Помню, приехал к нам в деревню Болгов Андрей Тимофеевич. Он хороший проповедник был, с детьми занимался, много нам внимания уделял. Бывало, утром встретит у колодца и спросит: «Что ты сегодня в Библии прочитала?» И я ему пересказываю. Я очень любила Библию читать. Целый час мог он меня слушать. Подсказывал, что еще надо прочитать, как нужно поступать, говорил, что важно слушать старших, что самое главное — это Господа любить.

Как-то Андрей Тимофеевич услышал, что мама меня ругает, что я много керосина сожгла, когда читала Библию, и принес нам керосин и говорит: «За Библию ее не ругай. Пусть читает».

К детям он относился с таким же вниманием, как и ко взрослым. Соберет нас человек десять и говорит: «Идем на собрание в Набережное».

Там уже собрания были. В субботу утром выходили и к вечеру приходили в село Набережное. Хлеба не было, а идти сорок километров. По дороге Андрей Тимофеевич заводил нас в село Тербуны и покупал нам вяленую кильку. Мы пока шли, и с головами, и с хвостами ее съедали, так мы были рады этой кильке. Хорошо ею наедались, а потом хотелось пить. Воды напьемся, и нам на целый день хватало.

В Набережном тоже было еще голодно, но к нашему приходу, как к приходу каких-то важных гостей, старались приготовить хлебе молоком. Проводили собрание, молились, стихи рассказывали, пели. Он очень поощрял нас к служению, участию. А в воскресенье после собрания мы шли обратно к себе в Голопузовку, но уже без кильки.

В деревне начался очень сильный голод. На полях вокруг деревни после сбора урожая оста вались редкие колосья, но их не разрешали собирать, и, если сторож, который на лошади объезжал поля, увидит тебя, он мог и кнутом ударить. Колоски, которые оставались после сбора урожая, все равно затопчут, но мы не имели права их собирать.

Голод усиливался, и я ходила собирать подальше от дома, хоть там и людей плохих хватало, и собак злых, бывало, и волков встретишь. Я в то время еще не знала, как выглядят волки, и когда их встречала, думала, что это собаки. Близко они ко мне подходили, и не раз, бывало, даже зубами скрипели, близко встанут около меня, но ни разу не тронули. Я уже на них и внимания не обращала, они всегда так стояли и просто смотрели, а мне-то главное — колосьев собрать. Порой они около меня даже играли между собой. Как-то пошла со мной за колосьями мама, и они опять вышли. Она, как только увидела их, начала кричать, а я говорю:

— Мама, что случилось?

— Они тут часто бывают?

— Они всегда тут бывают, но меня не трогают, я их тоже не трогаю.

— Деточка, больше ты никогда сюда не пойдешь! Это волки. Сам Бог тебя, милая, хранил.

Как-то я возвращалась поздно с колосьями и слышу: «У нас здесь поздно не ходят... Не ходи здесь!»

Я не видела, кто это сказал мне, а сама думаю: «Еще и не поздно». Могла и пораньше уйти, но я старалась как можно больше набрать. Иду, смотрю — я с дороги сбилась, и вот тут меня волки окружили со всех сторон и стали ко мне приближаться, слышу, как они скрипят зубами.

— Господи, Ты ведь силен и волков смирить, и на дорогу меня вывести верную. Господи! Не оставь, помоги! Ты силен! — помолилась я Богу.

А молиться я научилась с детства. Смотрю, они стали отдаляться от меня, а навстречу мне кто-то едет верхом на лошади и говорит:

— Стой, стрелять буду!

— Я заблудилась и не знаю, как выйти, — объясняю ему.

— И я заблудился. А как это тебя волки не тронули? Я на лошади и то еле ушел. Со мной еще жеребенок был, но они его растерзали. Как же ты жива осталась?

— Они ушли...

— Садись, да только куда тебя посадить?

— На лошадь мне не сесть.

— Ну, пошли пешком.

Спустился он с лошади и пошел со мной пешком. Проводил до самого дома и всю дорогу удивлялся:

— Жеребенка волки съели, а тебя не тронули...

* * *

Жить было совсем не на что, работать негде. Голод. Одна забота у всех: где достать хлеба, чем прокормиться? А тетя мне напоминает: «Если бы ты осталась под Рязанью, они бы тебя обеспечили, ты бы в институте училась». Потом я уехала с ней в Воронеж и год прожила там, работая няней в семье. В школу пойти доучиться уже не удалось. У меня всего четыре класса образования, перешла в пятый. Учиться мне нравилось, особенно любила математику. Книг и тетрадей у нас не было, писали на полях газет. Учебники были только у одного мальчишка из моего класса, но он говорил: «Если за меня урок сделаешь, решишь все задачи, дам тебе книгу, а не сделаешь, не получишь ничего». Я урок делала сначала ему, а потом себе.

Как-то раз шел сильный дождь, а до школы идти пять километров. Пока дошла до соседей, промокла насквозь, и коты мои совсем испортились. Соседка увидела меня и говорит: «Клашенька, милая, я тебе галоши дам».

Я надела галоши с ее валенок, иду и думаю, какие же они у меня хорошие. Мне казалось, это самые настоящие лаковые туфли и лучше их не может быть. Но мне дали их только дойти до школы и прийти обратно. А потом я должна вернуть их, а коты свои забрать. И я думаю: «Господи, дай мне возможность когда-нибудь за это рассчитаться, что я сходила в галошах в школу!» Это было в меня вложено с детства — чтобы не оставаться в долгу. Прошло время, и Бог мне дал то, о чем я просила. Я смогла рассчитаться за эти галоши сторицей, так что соседка говорила:

— Чем я могу заплатить тебе за то, что ты мне дала?

— Ничего не надо, я давала обет, что, если Бог мне даст чем рассчитаться с вами за галоши, я это сделаю.

Надо было помогать отцу, он работал пастухом, и, вернувшись из Воронежа, мы со старшей сестрой стали у него подпасками. Четыре часа утра, солнце встает — мы уже на ногах, и так до захода солнца. И в жару, и в

дождь, и в будни, и в праздники — мы все время с этим скотом. У меня лицо белое, и от солнца кожа сильно слезала. В то время среди верующих считалось, и нас так учили, что мазать лицо чем-либо, пусть даже сметаной, — грех. Неловко мне было с таким лицом ходить в собрание, и я все молилась: «Господи! Неужели Ты не усмотришь мне какую-то работу, только бы не пастухом?» Мне казалось, что эта работа самая тяжелая. Бывало, я где-нибудь прикорну, да и усну, а папа увидит — ругает. А сестра всегда жалела меня и заступалась: «Кого же ты ругаешь? Так рано вставать, весь день за скотом бегать — разве ей это по силам?» Зима пришла, скот уже не выгоняют, работы нет.

Голод был сильный, есть нечего, и нужно было где-то работать. Стало слышно, что вербуют на текстильную фабрику и на погрузку барж зерном для отправки в крупные города, расположенные в относительной близости от нас. Двое старших из семьи устроились разгружать баржи с зерном и углем. Работа у них была тяжелая.

Чтобы устроиться на работу, нужно иметь пас порт, а мне по возрасту еще рано было его получать. Значит, надо мне добавить года, а для этого нужны свидетели. Нашлись двое, они постарше меня были, как раз года на два. Пошли мы в паспортный отдел, а там посмотрели на моих свидетелей и говорят: «Ну, какие же вы свидетели, вы — ровесники. Вам самим то еще рано, а вы как свидетели пришли...». Но паспорт мне все-таки выдали, возраст добавили на пару лет.

В Московской области в Егорьевске в общежитии жила троюродная с ветра, она как раз работала на текстильной фабрике по вербовке, к ней я и приехала со своей подругой Полиной, которую уговорила на это дело. Приехали мы с сумарьками за плечами, в которых и было-то несколько яблок да по куску хлеба. Сестра нам советовала устроиться в одно, в другое место. Мы ходили-ходили, а прописки нет, и нас нигде не принимали. Но она вселяла в нас надежду, что если мы где-то сможем договориться, чтобы нас взяли на работу и директор это подтвердит, то нас пропишут и общежитие.

Пришли мы на текстильную фабрику с Полиной. Она высокая ростом, красивая, и я рядом — маленькая, худенькая и с двумя прибавленными |одами в паспорте. Директор на нас посмотрел и говорит мне:

— Тебе дома еще надо было сидеть, кашу манную есть, а ты приехала на работу устраиваться, да еще на текстильную фабрику.

— Я не знаю, что такое манная каша, я ее никогда не ела. Мы с таким трудом сюда доехали, да и обратно ехать не на что, — расплакалась я.

Директор попался добрый, посмотрел на меня сочувственно и говорит:

— Знаю, не от радости ты уехала из дома. Не плачь, приму вас обеих на работу, сам в цех отведу, и в общежитии вас пропишут, и место дадут.

И повел он нас сразу на рабочие места, в цеха к мастерам. Фабрика эта считалась лучшей в городе — ткацко-меховая. Ткачихи там хорошо зарабатывали, потому что все изделия шли на фронт, там и стахановские цеха были.

Полину сразу без оговорок поставили к мастеру, а меня директор долго вел через цеха. Идем, кругом станки гудят. Привел к начальнику одного цеха и говорит:

— Барин, я тебе ученицу привел. К какой ткачихе поставишь в ученицы?

А тот, как увидел меня, ответил:

— У меня дети, у меня семья, я от метража получаю, кого ты мне привел? Какая из нее ткачиха будет? Нам план надо выполнять. Не приму!

Директор постоял около него, подумал и говорит:

— Барин, или заявление пиши на увольнение, или сейчас же устрой!

Поставили меня к ткачихе в стахановский цех. На работу я приходила пораньше и уходила попозже. Ткачиха меня хорошо обучала, да еще и подбадривала:

— Будешь хорошо работать, не переживай! Вот только я заметила, что директор раньше редко цеха обходил, а как ты появилась здесь, часто стал навещать.

— А он, бывало, подойдет, остановится около меня, стоит, смотрит, как я работаю, и улыбается. А я думаю: «Когда же он пойдет дальше? Хоть бы нитки при нем не оборвались». Волнуюсь, чтобы что-то не пошло не так, но у меня все гладко прялось, все хорошо получалось, Бог миловал.

Он у ткачихи спрашивал про меня:

— Как она работает?

— Хорошо, все хорошо.

Против директора-то кто пойдет? Все же видели, что он меня устроил. А позже моя мастер меня спрашивала:

— Скажи честно, он тебе родственник?

— Ну, какой он мне родственник! Нет, конечно.

Положено было проходить обучение шесть месяцев, но уже через два месяца ткачиха говорит начальнику цеха:

— Ей можно уже самостоятельно работать.

Всем по четыре станка давали, а мне хотели только один дать, а потом второй добавить, но директор настоял:

— Нет, ей надо четыре станка дать.

Платили мне в то время двести шестьдесят рублей, это считалось очень хорошим заработком. А от количества станков и выработка была больше, и зарплата выше, потому что платили от сделанного метража. Когда директор меня устраивал, он, кроме паспорта, попросил метрики. А возраст у меня изменен был только в паспорте, в свидетельстве о рождении я не меняла. Поэтому он знал, что я еще несовершеннолетняя.

Он мастеру и говорит:

— Слушай, а она несовершеннолетняя. Ты знаешь, что она шесть часов должна работать, а потом сложить челноки и уйти домой.

Мастер отвечает:

— Ну, это ее дело. Я препятствовать не стану.

Но я своим правом не пользовалась, ни в коем случае, работала, как все, по восемь часов и больше. У меня метраж идет, я хорошо зарабатываю, да и мастеру хорошо, что норму выполняем.

У Полины трудней складывалось, толи у нее работа не ладилась, то ли мастер ее невзлюбила. Как-то она мне и говорит:

— Я смотрю, тебя из учеников перевели через два месяца, а меня хоть бы через полгода перевели...

Я, ка и могла, ее утешала.

Когда я первый раз получила большую получку, я сразу все деньги выслала домой. Потом, сколько работала там, высылала домой и деньги, и посылки, потому что знала, какая там нужда, что им ни одеть, ни обувь нечего. Я себе ничего не оставляла, все им старалась помочь. Сестра моя любила копить деньги, все замуж готовилась. Я замуж не готовилась, возьмет меня кто или нет, я об этом не беспокоилась, я только все семье помогала. Проработала я там пять лет. По дому скучала очень сильно.

В Егорьевске собраний не было, я нашла только двух бабушек. Там незадолго до того верующих разогнали и в газете о Храпове написали, что его посадили. И сильно там верующих критиковали. А в Москве молитвенный дом был открыт.

И вот как-то повезли наш цех в Москву знакомиться с новыми товарищами. Я подумала: «Пусть стахановцы знакомятся, мне нужно более важное дело сделать». Я знала, что по четвергам бывает собрание и хотела на него попасть. Знала адрес на Маловузовском переулке, потихоньку отделилась и пошла на собрание.

Когда они собрались ехать домой, смотрят, а меня нет. Директор из себя выходит: «Куда она делась? Москва есть Москва. За один дом, за другой — и заблудится». И, наверное, пожалел, что взял меня. Собрание окончилось, я дорогу запомнила, куда надо возвращаться, приехала обратно. Директор подходит ко мне:

— Ты где была? Заблудилась?

— Нет.

А надо правду говорить.

— Где ты была? Все люди стоят, ждут, ищут, а тебя нет нигде!

Я ему и говорю:

— Простите, пожалуйста, я на собрание ходила, я верующая.

— Сказала бы мне, я бы тебя завез туда и оставил.

На этом все и закончилось, он меня больше не ругал.

Все в отпуск ходили по графику, кому, когда достанется, кому летом, кому зимой, а мне всегда давали летом. Некоторые сотрудники стали говорить:

— Почему ей всегда летом, а остальным, когда придется?

— Она скучает по матери, по семье, неужели вы не понимаете? — отвечает им директор. — У вас дети дома, и ваши дети так не работают.

Мой директор, я думаю, был все-таки хоть немного, но верующий. Он всегда старался меня поощрить, как-то помочь.

В один из отпусков мы с Полиной ехали домой, а чемоданы у меня всегда были очень тяжелые, да еще сумка, и начала я роптать: «Полин, если бы сейчас кто-нибудь забрал мой чемодан, вырвал из рук, я не стала бы горевать, потому что сил уже нет тащить его».

Метров пять прошла — какой-то человек берет из моих рук один чемодан, второй и уходит... Я остаюсь с одной сумкой в руках. Полина мне говорит: «Ты обещала не горевать!»

Я ему вслед посмотрела и иду. Перед этим мы обсуждали, какой у нас вагон и долго ли еще идти по перрону и нести чемоданы.

А тут мне легко стало, чемоданов нет. Иду с Полиной, она меня утешает, как может, а я уже не слышу, что она говорит, а думаю о том, что я целый год собирала гостинцы домой, приготовила каждому подарок, из вещей,

все такое необходимое... И вдруг у меня ничего нет, и винить не кого, я же только что этого хотела. А тут не один чемодан, а оба забрали. Идем, настроения разговаривать у меня нет, а она мне говорит:

— Я в поезде чем-нибудь с гобой поделюсь.

Идем. Смотрим, а этот человек стоит около нашего вагона с моими чемоданами и спрашивает:

— Я правильно остановился?

— Очень правильно... — еле выговариваю и на него смотрю.

— Разве можно такие тяжелые вещи носить? Нужно носильщика нанимать. Смотрю, согнулась под ношей, чемоданы больше нее, и она их еле-еле несет.

У Полины ноша всегда полегче, они жили в деревне, родители побогаче были, а мы жили бедно, и мне хотелось побольше привезти. Полина смеется и спрашивает его:

— Ты хоть один чемодан ей вернешь?

— Я ей оба верну!

Зашел в поезд, спросил, какие места, поставил вещи и обращается ко мне:

— Ты меня совсем не узнаешь?

— А когда я тебя видела? Я тебя никогда не видела.

— Мы вместе ехали автобусом, с работы нас возили в Коломну. В той поездке была за чем-то очередь, и ты стояла в очереди. А то, за чем стояли, заканчивалось, и твои знакомые пропускали тебя без очереди, но ты не пошла. А я в это время стоял и наблюдал за тобой.

Я вспомнила этот случай. Меня тогда звали девчонки знакомые:

— Иди, встань впереди нас и бери.

А он сзади стоял и говорит мне:

— Почему ты не идешь? Тебя же зовут.

— Если я возьму, вдруг не хватит кому-то из впереди стоящих.

— Но тебя же зовут.

— Ну мало ли что зовут... Чего не желаете себе, того не желайте и другим людям.

— Где ты этому научилась?

— Этому меня мой Учитель научил. Он только хорошему учит.

— Интересно было бы с твоим Учителем познакомиться.

— С моим Учителем очень просто познакомиться.

Слово за слово разговорились. А он, видимо, знаком был с верующими. После того я его больше никогда не видела. Сейчас он ехал в Москву по каким-то делам, увидел меня и узнал. Слышал ли он наш разговор о том, что, если у меня отберут чемодан, я даже и не заплачу, не знаю. Чемоданы он донес, посадил нас в поезд. А я все думаю, как милость Божья кругом меня сопровождает.

Когда Сталин умер, жизнь в деревне стала налаживаться, голод закончился. Тогда я решила поехать домой. И мама меня звала: «Дуся уехала, Полина уехала, все разъехались, приезжай, отдохни дома. Ты раньше всех уехала и много помогала».

И вот иду я увольняться, а меня не хотят увольнять. Но потом все же подписали мое заявление. Директор мне на прощание сказал: «Если будет трудно, возвращайся, тебе работа будет всегда, и жилье предоставим». Полина узнала, что я увольняюсь, и тоже заявление написала. Так мы оттуда и уехали.

Приехала я к маме, мы стали ходить в собрание. Там встал вопрос о рождении Христа: стали говорить, что Иосиф был отцом Христу по плоти. Кто с этим не соглашался, тех отлучали. В Набережном такого не было, и у нас в Голопузовке на этой почве раскол произошел. А я как читаю и Библии: «Се, Дева во чреве приимет...» — так и понимаю. Отлучили меня, много я плакала об этом. Молиться со мной нельзя, и маме запрещали, но она говорила: «Я не могу с ней не молиться».

Стали мы отдельно собираться, сначала только два-три человека. Потом к нам стали из Набережного приезжать, поддерживали нас, они все были согласны с нами, но открыто об этом не говорили. Как служитель сказал, значит, так и должно быть.

Кроме этого, стали еще говорить, что чернокожие не спасены. Я говорю на это служителю: «Ты же сам любишь петь: „Так пела негрityнка Сарра с восторгом детской простоты“. Сарра пела, она же негрityнка была, ну как же они не спасены? „По всем народам благовествуйте“, — заповедано». Потом еще стали распространять, как будто Церковь уже восхищена, а мы все остались.

Через некоторое время сестры мои — одна член церкви, другая неверующая — звонят мне из Ростова-на-Дону: «Приезжай к нам, посмотри, как мы тут живем». Выслали мне деньги на дорогу. Я решила поехать. Побывала у них на собрании, там как в раю, так мне понравилось собрание, молодежи очень много. Это была зарегистрированная община. Как же я без такого собрания пять лет в Егорьевске жила. Только раз в год ездила домой в Голопузовку, там ходила на собрание и все». Евангелие я постоянно читала, оно у меня все время на тумбочке лежало.

Моя неверующая сестра говорит мне:

- Оставайся тут, ты без собраний нажилась, оставайся с нами.
- У меня нет прописки в Ростове.
- Пойдем устраиваться на работу, если тебе с работы дадут разрешение на прописку, то останешься.

А она была замужем за неверующим. Во время войны она была в немецких концлагерях, их там оставляли жить, но она не согласилась, вернулась до мой, потому что скучала по родным.

Пришли мы с ней устраиваться на работу, меня принимают сразу и дают разрешение на прописку. Я расстроенная, плачу. Она мне говорит:

— Радоваться надо, а ты плачешь. Завтра жена работу пойдешь, пропишут тебя, и будешь здесь жить, будешь на собрание ходить.

Так я в Ростове-на-Дону и осталась, жила я там очень долго. Я хотела присоединиться к церкви, но сначала обо мне хотели узнать, может, я отлученная или еще что. Пресвитеру я сразу сказала, что отлученная, и сказала за что. Он в Голопузовку письмо написал, ему ответили, и он мне тогда сказал, что по-хорошему нужно туда приехать и всех, распространяющих это лжеучение, отлучить. Меня приняли в эту общину.

В Ростове-на-Дону я вышла замуж за руководителя молодежи. Он был очень энергичный, красивый, образованный, учился в политехническом институте, был человеком грамотным.

У меня и в мыслях не было за него выходить, и вдруг он сделал мне предложение. Не могу сказать, что с большой радостью выходила замуж, я очень плакала. Тогда нас не учили так молиться, чтобы Господь усмотрел мужа или чтобы познать волю Божью в этом вопросе. Время было послевоенное, очень много молодых братьев погибло на фронте, в церкви было больше сестер. Он сначала к пресвитеру пошел, пресвитер одобрил, и долго ждать не пришлось, я дала согласие. Брак прошел.

В армии он служил в контрразведке. А я и не понимала, что такое контрразведка. Служил и служил, ну и ладно. На второй или третий день, как мы поженились — мы одни тогда дома были — приходит какой-то незнакомый мужчина с газетой в руках:

— Здравствуйте! Я — Луна, - заявляет.

Видно, что муж его не знает, растерялся. Мужчина говорит:

— Ты что, забыл? Ты с моим племянником служил, мы должны были встретиться. Пойдем с тобой поговорим.

— «Я —Луна», что это еще за «Луна»? Это какая-то шифровка. «Никуда он не пойдет», —говорю я ему. — «Если он пойдет, то и я с ним пойду».

— «Кто она тебе?» —спрашивает он моего мужа.

— Жена.

И тогда он ко мне уже вежливее обращается:

— Нам надо с ним вдвоем поговорить. Он сейчас быстро вернется.

— А я против этого!

Он опять с мужем стал разговаривать очень строго. Тогда муж уже как будто что-то вспомнил, сообразил, как мне ответить. Он сказал мне, что где-то кто-то перешел границу и им надо все это обсудить.

— Клава, я очень быстро, — сказал он и ушел.

Я в то время работала в три смены на трикотажной фабрике, вязала кофты. Жили мы с мужем очень хорошо, я никогда от него грубого слова не слышала. Детей у нас не было и год, и два, и три. С трикотажной фабрики он сказал мне уволиться: «Хватит для нас того, что я зарабатываю».

Вскоре его сестра Ира вышла замуж. Мы в то время жили в квартире мужа. Я говорю ему: «Ире негде жить. Давай перейдем в наш дом, а она перейдет сюда».

У меня с сестрой в Ростове-на-Дону домик был, мы купили его вдвоем. Накопили на маленький домик: флигель, кухня и зал — нам больше и не нужно было. Третья сестра, которая с нами жила, не стала складываться на покупку дома, она сказала: «Я выйду замуж, мне это не надо». Живем вместе, платим мы вдвоем. И получилось, что она замуж не вышла, а я вышла. После моей свадьбы сестры остались там жить вдвоем, и домик числился документально за мной.

Мы с мужем переехали в этот домик, со всеми жили дружно. Через время он говорит: «Давай начинать строиться, домик ведь маленький». И так мы построили большой дом: четыре комнаты у нас и две — у сестры моей. Наш старый домик мы сломали.

Как-то его мать говорит мне: «Объявление висит, что в магазин требуются переборщики. Может, пойти тебе поработать хоть немного, хотя бы себе овощей взять». Я устроилась переборщицей в магазин, а там и перебирать, и носить приходилось, даже муж приходил мне помогать.

Когда я устраивалась на работу, то не сказала, что беременна (я тогда ждала первого ребенка). Поработала какое-то время и решила уволиться. Пишу заявление на увольнение, а директор мне говорит:

— Почему ты увольняешься? Ты только три месяца проработала.

— Я и устраивалась, чтобы месяца три проработать, взять себе овощей, каких мне надо, а потом откровенно сказать вам, что мне нужно в декрет идти.

— Тем более увольняться нельзя.

Ну, думаю, я таких директоров не видела. Он порвал мое заявление и говорит:

— Ты думаешь я со своей зарплаты буду платить? Не вздумай уходить! Работай и в декрет пойдешь.

Я доработала, потом в декрет пошла. А декрет тогда был — месяц до родов, месяц после. Родилась Ириночка в январе 1960 года, здоровый ребенок, муж ее очень любил.

В 1961 году происходит разделение в церкви, а муж руководит молодежью, в хоре поет, человек видный, но, смотрю, он быстро к отделившимся примкнул. Я его спрашиваю:

— Как ты так быстро определился? Надо же сначала узнать причину разделения.

— В этом братья сами разберутся, - отвечает. — Ты куда ходишь, туда и ходи, а братья разберутся.

— Как это так получается, я в одно собрание иду, а ты в другое?

— Ну, везде Богу молятся, — объясняет он мне.

Смотрю, после этого он в группе отделившихся очень быстро оказался среди руководящих. Я осталась в регистрации. А я так не могу, я должна узнать, почему разделились. Пока я выясняла, муж, такой ревностный, говорит:

— Ничего, потом соединятся, все пройдет, а ты куда ходишь, туда и ходи.

Муж как-то приходит и говорит:

— Знаешь, в нашем доме собраний не будет, я расписку дал.

— В твоём не будет, а в моём будет. Я расписку не давала.

Он ходит к отделившимся, я к зарегистрированным, но, между нами, все тихо-мирно. За все время совместной жизни ни разу мы с ним не поругались, не поссорились, семь лет я с ним прожила. Все идет хорошо, но чувствую, что он второго ребенка не очень хочет.

— «Рано», — говорит.

— «Сколько Бог даст, столько будет», — отвечаю.

Как-то ночью Бог отнял у меня сон. К тому времени у нас был уже второй ребенок. Васе тогда был ровно месяц, я была в декрете.

Я всегда доверяла мужу, знала, что он никогда меня не обманет, если он что-то говорит, то только правду, неправды нет в нем. И, если бы мне сто человек сказали, что он кого-то обманул, я бы не поверила. Такой святой человек разве может обмануть? Я никогда в жизни не заглядывала в карманы мужа, никогда не считала его деньги, я ему полностью доверяла.

И вот Бог отнял у меня сон. Дети спят, и он спит. Я встала, вышла из спальни, подошла к его одежде, и рука моя сама потянулась прямо в его карман. Зачем, почему? Не знаю. Вынимаю лист исписанный. Сажусь на диван в другой комнате, начинаю читать, а там донесение: «Там-то, там-то будет совещание... Соберутся трое...» А гонения уже начались, из верующих уже троих посадили.

Читаю и вспоминаю, как однажды у нас были вместе пресвитер, мой муж и еще один брат. Тогда пресвитер сказал:

— Кто-то у нас доносит. Ты, конечно, нет. Я — нет. Мы это точно знаем. Неужели тот все доносит?

— Наверное, он. Надо за ним проследить, — отвечает мой муж.

Я это слышала, но не обратила особого внимания. Я в собрание к отделенным не хожу. А они там свои дела разбирают, значит, не они доносят, а доносит другой брат.

Читаю, а там полное донесение от мужа. Думаю: «Нет, не может быть, чтобы это он». Снова перечитываю: почерк его, подпись его, кому пишет — и знала, слышала об этом человеке, который отделившихся гнал. Я разрыдалась над этим письмом, я так плакала, что муж проснулся.

— Клава, Клава, что с тобой? — спросил он с такой нежностью, с любовью.

Он подошел ко мне и увидел у меня в руках это письмо.

— Кто тебе разрешил по моим карманам лазить?

— Знаешь, я никогда не лазила, сегодня меня поднял Бог. Он отнял у меня сон, времени было два часа

ночи, я не могла уснуть. Как Он меня привел к этому карману, я тоже не знаю, но это только рука Божья. Ты понимаешь, что это означает? Это предательство, за которое нет прощения, это как предательство Иуды, который потом пошел и повесился. Единственное, что нужно делать, пока сердце бьется в груди, — это каяться, молиться, поститься, просить прощения у Бога и утех, о ком здесь написано.

— Еще раз спрашиваю: кто тебе дал право лазить по моим карманам?

— Я тебе и ответила, кто мне дал право. Он все права имеет. Он надо мной имел полное право. Дети спят, ты спишь, а Он меня сна лишил, поднял...

Я сижу и рыдаю. Он говорит:

— Знаешь, единственное, что я тебе скажу, что может повлиять на твою жизнь к лучшему, — ты никому об этом не скажешь, никому! Ты живи, ходи в собрание, а в мои дела не вмешивайся, и я не буду вмешиваться в твою жизнь. Жизнь твоя не изменится, будет хорошей, как и прежде, будем воспитывать детей.

— И как будет дальше? Ты будешь этим делом заниматься, а я буду тебя покрывать? Это одно и то же — предательство. Участь в вечности будет одинаковая — ни больше, ни меньше.

— Тогда знай: ты останешься одна, дети останутся без отца, а дальше может быть еще хуже. Или ты ничего не скажешь, или же ты лишишься всего.

— Я лишусь всего, но я не лишусь Бога.

Вместе с тем письмом я вынула сберкнижку, а на ней пять тысяч. Это были огромные деньги, а у нас на строительство не хватало.

Позже я спрашивала его:

— Почему ты на мне женился, а не на ком-то другом?

— С другой у меня не было бы продвижения в церкви, — ответил он.

Мне стало очень тяжело, я понимала, что не могу одна нести это, и решила поехать него матери, рассказать ей все. Это была его мачеха, а родная мать его бросила. Но я с ней была очень дружна, она была верующая. Приехала я к ней и рассказала все. Она меня обняла и говорит:

— Милая ты моя, я кое-что замечала и раньше. Я сейчас вспоминаю, что какой-то человек, этот «Луна», с газеткой приходил. Я тогда не придавала этому значения.

— Мама, а почему ты мне раньше об этом не сказала? Ты должна была сказать: не выходи за него, он связан с подозрительным человеком. Я тогда не понимала ничего, он ученый, учился в институте, а я неграмотный человек, всего четыре класса образования. Что же теперь делать?

Она мне только ответила:

— Таких, как он, в собрании много. И если ты расскажешь, он соберется и уйдет, он слов на ветер не бросает. Ты молодая, останешься без мужа, дети останутся без отца.

— Я не знаю, много таких в церкви или нет, я знаю одного, за остальных я не отвечаю.

Думаю: «Что же мне делать? Прийти от матери и все, замолчать? По пути заехала к пресвитеру отделившихся и все рассказала.

— Ничего не могу скрыть, я просто не нахожу себе места.

Он помолился и говорит:

— Спасибо, что сказала. Мы вместе с ним ищем человека, кто предает, а, оказывается, предает он. Что же теперь делать?

После этого пресвитер приходит к нам домой еще с одним служителем и говорит моему мужу:

— Нам надо побеседовать с тобой.

Но он беседовать с ними отказался:

— Своими грязными руками в моей чистой душе не копайтесь! Вон отсюда!

□ни посидели, посмотрели друг на друга и ушли. Пресвитер только сказал мне:

— Силы тебе много надо.

Муж начал собирать свои вещи. Я сказала ему:

Подумай о детях, обо всем... Лучше быть совсем неверующим, чем предателем. Нужно все-таки покаяться, чтобы спасена была душа.

- Это тебе цветочки, а ягодки будут впереди.

- Мой Бог меня не оставит.

Он поднялся и ушел. Как мне теперь сказать родителям, что муж меня просил? Все считали, что лучше моего мужа нет; что лучше, чем мы живем, никто не живет. Он и детей воспитывал, и со мной хорошо обращался, а теперь сказать, что он меня бросил?

Сестра Дуся, которая рядом жила, тоже верующая, из зарегистрированной церкви, она хорошо относилась и ко всем из отделенных. Она как-то спрашивает меня:

— Клава, а где твой муж?

— В командировке.

А сама думаю: «В командировке, в командировке... даже на бутылку молока не оставил денег, сберкнижку забрал, все забрал». У меня ничего не осталось, одни дети остались, Васе был месяц. У меня пропало молоко, руки стали черные от кровоизлияния. Думаю, хорошо, что не в голову пошло. Молюсь: «Господи, научи, что мне дальше делать?»

Приезжаю на работу и директору говорю:

— Меня муж, наверно, бросил...

— Как бросил? Такие мужья разве бросают? Клава, ты что?

Он его хорошо знал. Знал, как он ко мне относился, как на работу ко мне приходил, чтобы помочь.

— Да, вот так, у меня нет денег. Я не знаю, что делать. Скоро декретный отпуск закончится, и я должна на работу выйти. Не знаю, как мне работать, еще должна знать, куда ребенка деть.

Директор подумал, что у меня с головой ненормально.

— У нас разномыслие из-за того, что он стал неверен Богу, — объяснила я ему.

— Ты не волнуйся, я тебе дам зарплату за три месяца вперед, а ты потом отработаешь, — сказал он мне.

Дал он мне зарплату, а мне не на три месяца, а на полгода ее хватило. И все время с работы приезжали люди: то картошку мне привезут, то капусту, то еще какие-нибудь овощи — и спрашивали:

— Чем-нибудь мы можем тебе помочь? Может, постирать нужно?

Директор все время их посылал узнать, в каком я состоянии, нормальная ли еще. На работе он сказал, что Клава тяжело больна, ее надо проведывать. А сам боялся, не случится ли что с моей головой. А моя голова работала нормально, только руки почернели, думала, что работать не смогу.

Опять иду к директору, он говорит:

— Клава, на работу выходить надо. Ты, может, сама погорячилась, неправильно поступила?

— Я не знаю, правильно или неправильно поступила, но я поступила по совести, по зову моего сердца, так, как мне Бог сказал.

— А теперь Бог что тебе говорит?

— А теперь Бог говорит, надо как-то начинать работать. А руки-то черные.

Позже я узнала, что отец директора говорил ему, чтобы он помогал мне. И директор предложил мне:

— Знаешь что, выходи на работу, надевай перчатки, чтобы не видны были руки. У нас сейчас разгружают картошку, будешь не перебирать, а торговать.

— Я проторгуюсь, я обвешивать не умею, эта работа вроде не моя, я же отборщица.

— Клава, выходи, будешь торговать на больших весах. Люди будут накладывать картошку в мешки, а потом становиться в очередь на весы, а ты будешь взвешивать и деньги с них брать.

— У меня будет недостача, я обвешивать не умею, не смогу, не буду.

— Все равно становись и стой, двое рабочих будут помогать взвешивать, чтобы люди не уходили без веса.

Отработала я день, прихожу, вынимаю из кармана все деньги, что натрговала. Не знаю, сколько у меня товара было и сколько осталось, там машина за машиной шли. Осенью разбирают хорошо. Сторожа там остались, а я наутро опять пришла.

Отдаю деньги директору, а он часть возвращает:

— Это лишнее.

Я ему все отдаю, а он снова говорит:

— Клава, это лишнее.

Десятку, двадцать рублей даст, а в то время это были хорошие деньги. Молоко вместе с бутылкой стоило двадцать восемь копеек, а без бутылки, в свою емкость, всего двадцать копеек за литр. Хлеб дешевый был, и на хлеб, и на молоко — на все мне хватало. Директор, бывало, спросит:

— Тебе картошка нужна? А то тебе мотороллер отвезет, сама не носи. Я думаю: «Я и сама принесу десяток штук, хватит мне». Потом смотрю, мотороллер везет мне и помидоры, и картошку, и огурцы. Говорят:

— Болтянский прислал, сказал, ты сама считаешься с ним.

Прихожу к нему, говорю:

— Мне на мотороллере привезли, я не знаю сколько.

— Я знаю, все в порядке

Вот так я и жила, выживала, просто Бог располагал сердца. Я работаю, руки действуют даже врача удивляли, что они действуют.

Детей не с кем было оставить. В ясли, в садик их очень трудно было устроить. Ирину брала с собой, сажала на ящичек, и она целый день у меня сидела в уголке смирно-смирно. Натянутый навес — там товар, а рядом палатка — там она и сидела. Я ее займу игрой какой или еще чем. Директор посмотрит на нее и говорит: «Ирина, пойдем, ты мне поможешь». Она идет ему помогать, он ей счета даст, рисовать даст. Смотрю, Ирина возвращается, рыбу несет вяленую, большую.

— «Где ты ее взяла?» — спрашиваю ее.

- А это я заработала, — и открывает ручонку, а там десятка лежит.

- У тебя работа хорошая, лучше моей, сразу оплачивается.

Васе было три-четыре месяца, его я не могла взять с собой на работу, оставляла дома одного на целый день. Про мужа всем говорила, что он все еще в командировке. Мамы рядом не было, она жила в Голопузовке. Сестры не помогали ни одна, ни другая, как будто я им не нужна стала. У нас родные очень дружные, но в тот трудный момент все как будто отвернулись от меня, забыли обо мне, как будто им запретили со мной общаться или сказали: «Все, нет ее у вас».

У отделившихся я еще не числилась. Пресвитер их знал о случившемся, да и многие уже знали, но долгое время ко мне никто не приходил, ни братья, ни сестры. Муж — предатель, значит, и я негодный человек, соучастник в этом деле. Муж бросил, и все бросили. Всеми забыты, но мы не забыты Тобой!

В перерыве я ездила домой, прикармливала Васеньку жиденькой манной кашей, киселем. Соседку просила: «Тетя Настя, попоите его, пожалуйста». Не знаю, как он выжил. Целыми днями лежал в кровати один. Каждый день, возвращаясь с работы, я не знала, застану ли его живым, не перевернулся ли он в кровати, не задохнулся ли. Потом, котла он уже научился разговаривать, часто повторял: «Я лежу, болею, сам себя жалею». В кровати своей лежит, только эти слова и твердит.

Потом родные, сестра, два брата, переехали за сорок километров от Ростова-на-Дону, и мама сразу взяла Васю, которому было уже семь месяцев. Одно время он у них жил. Но потом отец привез мне его обратно и очень ругал меня, что я с мужем разошлась. Говорил мне:

— Такого мужа оставить! Ты во всем должна была ему подчиняться, во всем, так написано, а ты оказалась грамотнее всех.

После того как отец Васю привез, мама быстренько его обратно забрала и сказала:

— Доченька, крепись, Бог тебя не оставит, только крепись. Вася пока у нас будет.

Он у них даже первый класс школы закончил.

* * *

Вдруг другая беда пришла. Прошло времени немало — муж подает в суд, чтобы отобрать детей. Начинаются допросы, следствия, ходят домой, ходят по соседям, вызовы каждый день к следователю. Из РайОНО приезжали, спрашивали соседей, как я воспитываю детей, в религиозной ли духе. Один раз комиссия пришла с директором шкоды, зачем он пришел, не знаю, дети-то у меня еще маленькие (Ирине не было еще четырех лет, а Васе не было двух). Они говорят мне:

- Есть точные данные, что ты в подвале воспитываешь детей.

— У меня четыре комнаты большие, воспитывай их, как хочешь, никто мне не мешает. И чего бы я их в подвал-то провела? Я их и в доме могу воспитывать.

А подвалу меня был очень большой. Он подо всем домом был, мы его поштукатурили, побелили уже после ухода мужа.

— Ну хорошо, а то дело-то готовят к суду, а мы твоих детей спасти хотим.

Начали меня к прокурору вызывать. Следствие идет. А моему директору приказали дать на меня самую плохую характеристику.

Вызывает меня директор к себе, говорит:

- Клава, я знаю, что тебе жить очень трудно и тебе готовится суд, чтобы детей отобрать. Просят меня дать на тебя недобрую характеристику. При всем моем уважении к тебе я обязан ее дать.

У меня сердце сжалось, я ему говорю:

— Юрий Михайлович, какую хотите, такую и давайте характеристику. Требуют от вас — дайте. А если есть у вас сознательность какая-то, то можете дать такую, которая соответствует действительности. И у меня есть душа, и у вас есть душа, и над всеми Бог.

— Ты знаешь, за мужа твоего будет КГБ, за него будет обком партии, за него будет прокуратура и РайОНО.

— А за меня будет один Бог, — я заплакала и вышла из кабинета.

Он мне вслед:

— Я вынужден дать.

— Вынуждены — давайте. Что я еще могу сказать?

А сама молнось: «Господи, защити моих детей!»

И мои родные стали помогать прятать детей. А прятали мы их не по верующим и не по родным, а отвезли их к одному партийному человеку, он из нашей деревни был. Не знаю, может, он какой-то дальний родственник. Он с женой жил, детей у них не было. Сестра привезла детей к нему и говорит:

— Суд будет, чтобы отобрать детей, как их защитить?

— У меня оставляй, жена будет смотреть.

А жене сказал:

— Без меня дверь никому не открывай, а если при мне придут, я их всех с третьего этажа повыкидываю.

Накануне суда меня опять вызывают к прокурору, а я перед этим молюсь: «Господи, Ты видишь, у меня ноги не идут, и силы больше нет даже смотреть на этого прокурора, а он опять меня вызывает. Пойди, Господи, со мной».

Захожу к прокурору, здороваюсь, он говорит:

- Ты в собрании когда была?
- Вчера была.
- Тебе справочка нужна, что я тебя от работы оторвал?
- Не надо, они привыкли, что меня часто вызывают, ничего мне не нужно.
- Ну иди.

Слава Тебе, Господи, как Ты смягчил его сердце. Он меня не ругал, только спросил, когда я в собрании была. А я как раз вчера и была у отделившихся, просила, чтобы помолились о Божьей защите.

На суд приехали и из Новочеркасска, и из Ростова-на-Дону, и из отделившихся, и из зарегистрированных — собрался полный зал верующих. И мужа вызвали, это же он судится, чтобы отобрать детей. А я, пока шла в суд, молилась: «Господи, хотя бы Ты мне прокурора Пегаса заменил на какого-нибудь другого, не знаю, кто лучше, но уж очень Пегас мне насолил». Но дело ведет Пегас, никуда не денешься. Захожу в зал, смотрю, Пегас на месте.

Вдруг заходит курьер, обращается к нему и говорит:

- Здесь дело гражданское, а вас вызывают на уголовное, срочно. Вместо вас вести это дело будет Петров.

Я думаю: «Господи! Ты уже вступился за нас, какая же это милость, суд сейчас будет нормальный». Я сижу и благодарю, благодарю Бога.

Пегас передал что-то Петрову, он полистал, головой кивает. И суд начался.

- Так, подсудимая сидит на месте. А обвинитель где?

Обвинитель встал, он же не виновен, поэтому сидел в рядах, а не на скамье подсудимых. Прокурор ему говорит:

- Пока суд не закончился, ты пойдй рядом сядь. Мы же не знаем еще, как суд поведет дело, за кем будет победа, за кем будут дети, поэтому ты сиди рядом, чтобы люди тебя видели.

Прокурор спрашивает меня:

- Так ты, пока шла сюда, молилась?
- Обязательно молилась!
- И за тебя люди молились?
- Молились!
- И сколько чело век?
- Я не считала, но очень много.
- Так что, детей не отберем?

— Нет конечно! Кто касается меня, касается зеницы ока Бога моего. Нет-нет, только через мой труп можете детей забрать. Можете суд и не начинать, но это уже дело ваше.

Так он начале юмором. А потом говорит:

- Ладно, приступаем к делу.

И сразу к моему мужу обращается:

— Вот ты понял, что Бога нет, — это хорошо. В партию вступил — это очень-очень хорошо. А почему ты не подумал об этом раньше, до того, как ее взял? Ты ее в жены брал не из партийного зала, а из дома молитвы, и сам был там. Она сидела на задней скамейке, а ты в первых рядах в хоре пел. Почему ты взял ее? Ты сделал ее на всю жизнь несчастной. И дети остались. Ты еще не знаешь, они без матери или без отца останутся. Мы будем сейчас разбирать это дело.

Муж сразу поник от строгого тона прокурора. А я вижу, прокурор ведет дело в мою защиту. И стали выступать, характеристики зачитывать. Тут сосед наш выступил:

— От меня записку возьмите, тут вся улица подписалась, она работает от темна до темна. Она не видит ни дня, ни ночи. Она приходит готовит, стирает, она все делает. И как у этой матери детей отобрать? Мы все против. Если у этой матери отобрать детей, то у всех надо детей отобрать.

Потом человек из РайОНО выступает и говорит:

- Да, мы много ходили по соседям, ходили не по верующим, ходили по партийным, отзывы о ней самые положительные, и поэтому разбирайтесь с судом сами. Сосед вот записку принес, и мы по-другому сказать не можем. Мы же тоже с этими соседями разговаривали.

Дальше читают характеристику с работы: «Работает двенадцать часов в день, а если нужно, и больше, хотя дети малолетние. Она находит время, чтобы купить им молока, кашу сварить. И по работе никаких претензий нет.

На любую работу направь — она пойдет. Как рабочей, и доверить все можно, и с работой справляется».

Характеристика исключительно хорошая. Все головой кивают. А прокурор говорит мужу:

— А если суд присудит детей тебе, куда ты их денешь?

Он к тому времени уже женился, взял женщину, у которой уже было двое детей, девочку она оставила отцу, мальчика взяла себе.

— Значит, тут тоже можно поделить, — объясняет муж, - одного ребенка оставить, другого я заберу.

— А ты думаешь, эта женщина будет лучше смотреть за твоим ребенком? — спрашивает прокурор.

— Она за своим будет смотреть. И она своего второго оставила, как там смотрят за ним, еще надо проверить. Это не так просто.

— Можно в детдом отдать.

— «Ты там еще не был», — сказал судья. — А стоило бы тебе там побыть, и потом уже говорить.

Тут уже видят, что прокурор склоняет к тому, чтобы не отбирать детей, а муж слово дает, что он воспитает их в коммунистическом духе, а я не воспитаю. И еще он сказал про меня:

— Она темная, забитая, неграмотная женщина, ни в октябрята, ни пионеры не дает вступать детям.

Тут стали говорить:

— У нее надо спросить, как она их будет воспитывать.

— Он совершенно правильно сказал, — ответила я. — Я неграмотная, всего лишь отборщица, образования у меня нет, только начальное. Мои дети еще совсем маленькие, старшей нет четырех лет, а второму нет двух лет. Я не разрешаю им в октябрята, в пионеры вступать? Вот я приведу их в РайОНО, или где там принимают, и скажу: «Примите моих детей пионеры!» И что они мне ответят? Они друг другу скажут: «Позовите врача проверить ее, она в своем уме или нет, что привела сюда детей-то их?» Вам говорит грамотный человек, очень умный, что я не разрешаю им вступать в пионеры. Такая я забитая, ну вот такая я есть, такая есть.

— А как ты думаешь воспитывать детей? — задают мне вопрос.

— Как думаю воспитывать детей? Бог дал человеку свободную волю, чтобы человек избрал добровольно, кому он хочет служить: Богу или дьяволу.

— Так что, все неверующие дьяволу служат?

— Ну, а кому? Где я не так выразилась, извините. И поэтому мои дети будут воспитываться со свободной волей, они сами выберут, кому служить: Богу или дьяволу. Если они верующими будут, над ними насилия не будет, они будут Ему добровольно служить.

— А что ты им скажешь про то, что Гагарин летал в космос, а Бога там не видел. Как ты это им объяснишь?

— Очень просто объясню, как сама понимаю: «Он поднялся немного выше облаков, полетал-полетал и на землю вернулся». Вот и все объяснение. А «чистые сердцем Бога узрят». Куда уж там Гагарину до Бога? Так и объясню детям, как сама понимаю.

Потом люди в зале начали кричать:

— Приехал детей забрать! А на их содержание не платит, а детей чем-то кормить надо!

Алименты тогда я еще не получала.

Тут муж и говорит:

- Я передаю детям подарки, а она их не принимает.

Судья обращается ко мне:

- Ты не имеешь права от отца не принимать подарки для детей. Он- отец. Ладно, тебе он сейчас не муж, но им он всегда будет отцом. Ты подарки принимать обязана.

— Я бы, конечно, не сказала сейчас о подарках ничего. Но раз этого коснулось, я обязана сказать. У моей дочки кукла наравне с ней, мне ее подарили. И он прислал кусочек материала — даже этой кукле на платье не хватит, на фартучек, может, и хватит.

Тут из зала его мать вмешалась:

— Тот кусочек был еще меньше, а этот я у себя нашла, он побольше его и отнесла.

— Это не я, это жена покупала, — сказал он.

— Она насмехалась над твоими детьми, а ты и не обратил внимания. Это насмешка. И ты говоришь, что она не принимает подарки. Какие подарки? Она не дала посмеяться над детьми, — говорит судья.

— Хоть в отпуск пусть разрешает взять их с собой.

— Если она разрешит и с ними что-то случится, мы будем судить ее, потому что суд постановил, что дети должны быть с матерью. Свидания она обязана давать, когда у нее будет время, на два часа в ее присутствии! так как дети маленькие. Без матери свидания не разрешаем. Тебя это устраивает? Все!

Тут, конечно, весь зал пришел в движение:

— Слава Богу! Слава Богу!

Верующих в зале было много. Суд закончился.

* * *

Пришла я после суда на работу, думаю: «Сейчас же попрошу отпуск, хоть на немножко. Если опять выйти на работу, я просто не выдержу. Даже если полы мыть, я не смогу».

Зашла я в кабинет директора, а он говорит:

— Клава, я все время судье звонил, узнать, как ты себя чувствуешь. Судья мне сказал, что ты бодря, отвечаешь хорошо. Вот я подготовил тебе документы на отпуск.

— Как хорошо! Я как раз об этом хотела попросить.

Я отдала Васю маме, а с Ириной поехала к тете в Воронеж. Отдохнула, приехала, и тут начались еще более интересные события.

Выхожу на работу, а директор мне говорит:

— Подожди, не приступай к работе, зайди ко мне в кабинет.

Директор мой, Болтянский Юрий Михайлович, еврей, у него кругом связи, к нему идут и прокуроры, и следователи, и из милиции, и из больницы — просят продукты достать. Он доставал им не только овощи и фрукты, но и всякие деликатесы.

Говорит мне:

— Клава, ты знаешь что?

— Что? Не знаю.

— Мне твой Бог сказал, чтобы я тебе помог.

— Вот какой у меня Бог хороший. И со мной разговаривает, и с моим начальником.

— Я подумал: чем я тебе помогу? Ну, дам я тебе триста-четыреста рублей, но они закончатся. А у тебя должен быть стабильный доход.

— Ну как получится, — отвечаю ему, а сама думаю: «У меня таких денег никогда не было, получала я копейки, а у меня еще двое детей. Наверно уволить хочет, чтобы я где-то устроилась на более высокооплачиваемую работу».

А он продолжает:

— С сегодняшнего дня я тебя перевожу в заместители директора.

Очень много я слышала насмешек в свой адрес, но, чтобы так надо мной насмехались, — такого еще не было. На меня и кричали, и смеялись надо мной, но, чтобы неграмотного, темного, забитого человека перевести в заместители директора — это уже совсем не дело. Спрашиваю:

— Мне не приступать к работе или что?

— К своей работе не приступай. А вот второй стол — это твоя работа будет.

— Не будет это моей работой! Я неграмотная. Нет, нет и нет! — тут я заплакала.

День прошел, на следующий день я опять на свою работу возвращаюсь — перебираю и отбираю. Директор опять зовет, говорит мне:

— Садись! Будешь здесь сидеть. Я буду твою работу делать!

Я день просидела — убежала, два — убежала. А потом думаю: «Сколько же так можно?»

Директор говорит:

— Я понимаю, тебе здесь со мной работать не очень удобно. Я тебе сделаю отдельный кабинет.

Сделал мне кабинет отдельный, а полы там — бетон и линолеум. Братья из церкви пришли, увидели и говорят:

— Она здесь целый день сидит, дайте нам доски, мы постелем полы.

Директор спрашивает у меня:

— Что у тебя за ребята такие? Может быть, они мне везде смогут пол постелить?

— Это хорошие ребята.

А братьям сказала:

— Не придумывайте, ничего мне не надо!

Но они убрали линолеум, а директор позвонил чтобы доски привезли. Доски постелили, линолеум застелили и говорят: «Вот теперь сиди».

Магазин у нас считался большим, рабочих мест было более пятидесяти. И вот директор объявляет собрание. Когда собрались все, он говорит.

— Что вы все бегаете и зовете ее: «Тетя Клава! Тетя Клава!» Она вам не «тетя Клава», а Клавдия Алексеевна.

С сегодняшнего дня она у меня работает заместителем.

Вот так я стала там работать. А сама иду на работу и думаю:

— Как работать? Что сейчас директор скажет? Что ему ответить? Какой я заместитель? Никакой!

Я вижу, как он работает, сколько больших людей к нему приходит. И я буду среди них? Думаю: «Господи, как мне быть среди них, как избавиться от этого? Помоги!»

Как-то идем вместе с Ириной, смотрю, у нее ноги заплетаются, еле поднимает их. Я ей говорю:

— Ирина, поднимай ноги, иди хорошо.

— Mamочка, я хорошо иду!

— Нет, ты плохо идешь!

Думаю, что-то ненормальное с ней. А идем мимо детской поликлиники. Заходим в поликлинику к врачу. Врач ее осмотрела и говорит:

— Это детская болезнь, которая редко встречается. Скорую сейчас вызовем и положим ее в больницу.

Я плачу, молюсь: «Господи, это испытание сверх сил. На работе не лап дится, ребенок заболел, не знаю чем, и в больницу кладут».

А врач сказала:

— Предполагаю, что это хорей. Это когда отнимаются руки, ноги, пропадает речь, глаза бегают, но это со временем может так быть, сейчас у нее этого нет. Но предполагаю, что это все-таки хорей.

Диагноз этот подтвердился. Ирине тогда было года четыре, не больше. Еще четырех, наверное, не было. У нее отнялись руки, ноги, а перед этим она слышала, что врач говорил. Видит, что я плачу, и меня утешает:

— Мамочка, ты не плачь. Меня полечат, я приду, я буду хорошая, не буду ножками заплетаться, и ты меня не будешь ругать.

Меня с ней не кладут, я рыдаю. Какая мне работа, мне с ребенком нужно быть. Прихожу на работу, говорю директору:

— Никакой мне такой работы не надо, ни кабинета, ничего. Где-нибудь туалеты чистить — это для меня. Я должна знать, что с ребенком будет.

— На этой работе ты будешь иметь время, — говорит директор, — а там у тебя не будет времени. Там ты будешь постоянно занята. У тебя есть долги? Говори мне откровенно!

— Пока нет, но сейчас придется занимать.

В больнице узнали, что я работаю в магазине, не важно кем я там работаю: уборщица, отборщица, переборщица — они не спрашивают. Одному малину принеси, другому черешню, третьему мясо купи. Покупала на рынке, в своем магазине не брала, и несла в больницу, и никто не спрашивал, сколько стоит. Взятки тогда не брали, строго было, а вот продукты заказывали.

Ирина уже совсем не говорит, у нее стал выпадать язык, меня к ней не пускают. Она у окна плачет. Я стою около больницы до одиннадцати ночи.

На работу схожу, помолюсь, поплачу в своем кабинете, там мне никто не мешает, у меня есть ключи. Молюсь: «Господи, Ты видишь, что это испытание сверх моих сил, значит, что-то где-то я неправильно сделала». Молюсь сама и попросила отделившихся, чтобы в собрании помолились, хотя сама еще ходила в зарегистрированную. Приходит ко мне один брат-служитель от отделившихся и говорит:

— Знаешь, всякая болезнь и испытание бывают за грех.

— Я не возражаю и ничуть себя не оправдываю. Я много падаю на пути, но Господь меня поднимает. Где я виновна? Я уже свою жизнь проверяла, молилась перед Богом. А если вы со стороны что-то видите, подскажите, я согласна исповедать, попросить прощения у Бога, у людей, лишь бы Бог меня простил и помиловал. У меня ребенок погибает или калекой останется.

— Это за грех!

«Господи, что же мне делать?» — мысленно вопию.

Из больницы обычно иду в рощу, проходя мимо своего дома. От нас через три дома — роща. У меня там одно дерево было, под которым я постоянно молилась.

Прихожу на работу, директор снова сажает меня на место заместителя. Я говорю:

— Поверьте, Юрий Михайлович, у меня сейчас очень большое горе...

— И при этом горе нужны деньги.

— Деньги тоже не помогут.

— И без денег ничего не сделаешь. Ты будешь получать зарплату заместителя директора. Это уже приказом проведено.

— Это я буду как бы воровать эти деньги. Они не мои. Поймите меня правильно, пожалуйста!

— Я работаю за тебя. Я работаю и директором, и заместителем, а получаешь деньги ты.

— Значит, я буду вам должна.

И он назначает меня на эту должность на то время, пока я не выплачу долги.

Иосиф Бондаренко был известен в Советском Союзе как проповедник. Он сидел в тюрьме за Слово Божье, потом был на нелегальном положении. Он был одаренным, талантливым, имел высшее образование. Все восхищались его беседами, проповедями. Когда он бывал в собраниях, мне говорили: «Вот бы ты послушала его...» А мне очень хотелось не только послушать его, а встретиться с ним, побеседовать о том, правильно ли я поступила, что рассказала о предательстве мужа? Меня папа ругал, что я неправильно поступила. Сестры от меня отвернулись, говорили: «Сама себе жизнь такой трудной сделала, может, потому ребенок и болеет». Поэтому я хотела с ним побеседовать. А они говорят:

— Ишь, чего захотела, с Иосифом беседовать!

— Христос приходил ко всем плачущим, страждущим. А вы поставили его выше Христа? Чего я захотела? Я же не прошу помощи, не прошу денег, ничего не прошу. Беседы прошу.

Но мне не дали возможности с ним побеседовать. Моя сестра, Лида, мне говорит:

— Вот есть брат Петр, он недавно из тюрьмы освобожден. Давай я его позову.

— Лида, с Иосифом, мне сказали, нельзя. Ничего мне теперь уже не надо. У меня будет один Христос, и пусть Он меня учит.

Я долго не появлялась в собрании. Когда это заметили, братья из зарегистрированной церкви прислали ко мне двух сестер. Они пришли и говорят:

— Нас братья прислали сказать тебе, что ты — погибшая!

— Сестры, мне Христос этого не говорил.

— А братья сказали.

— Если братья пошлют вас с таким же посланием к кому-то другому, пожалуйста, сестры, не ходите! Христос погибел не желал. Вы даже не спросили, почему братья считают меня погибшей. Да, я давно не была в собрании, так как весь день с утра до вечера на работе, а вечером еду в больницу. В больнице я бываю неопределенное время, стою под окном у ребенка. А ночью я стираю, делаю работу по хозяйству. Если бы кто-то пришел и просто спросил: «Клава, почему ты не ходишь в собрание? Давай мы тебе чем-нибудь поможем, вместе помолимся, подменим...»

Отделенные ко мне не ходят, тут дело такое — муж предатель. Зарегистрированные говорят, что я погибшая, потому что в собрание долго не хожу. Со всех сторон негодный человек!

— Сестры, если можете, давайте вместе помолимся, - предложила я им. - А эту вашу весть, которую вы принесли, я не принимаю. Я не думаю, что я погибшая. Если я упаду Господь меня поднимет. Если мне испытание такое, то Он мне поможет. Но Он меня не оставит.

Мы помолились. Одна сестра с этого дня перестала ходить в зарегистрированную церковь, ушла к отделившимся, покаялась там. А вторая, хотя и ходила в зарегистрированную, но доброжелательно относилась ко мне, при встрече приветствовала и интересовалась, как я живу.

Ирина лежит в больнице месяц, второй. Потом уже из КГБ стали вмешиваться. Им нужна моя расписка, что я с отделившимися не буду никакого дела иметь. Они мне предложили:

— Хочешь, мы поможем тебе? У нас от этой болезни есть лекарство. Напиши заявление, что ты не будешь посещать отделившихся.

Хотели вызвать отца к больному ребенку. Единственное, что хорошего он для меня тогда сделал, — попросил их оставить меня в покое: «Для нее достаточно того, что есть». Наверное, подумал, что навяжут еще ему больного ребенка. Но это я от себя добавляю. Что они там ему сказали, не знаю, но он не приехал, только дал им расписку и позвонил, чтобы оставили меня в покое.

В больнице сказали, что у Ирины будут брать пункцию позвоночника. А я слышала, что после этого человек может стать калекой. Я пошла к одному верующему брату, он работал хирургом в этой детской больнице. Он говорит:

— Нужно ехать к профессору, меня они не послушают. Мы с тобой поедем ночью к нему домой, но там нужны деньги.

— Все, что нужно будет, делайте, не ожидая моего согласия. Потом мне просто скажете и все, — ответила я ему.

И этот профессор сказал, что до обхода врачей он будет в этой больнице, и мне заранее сказал: «Утром и ты приходи». А у него больница не одна. И вот перед обходом врачей этот профессор пришел туда. Я тоже пришла. И я задаю вопрос при врачах:

— А пункцию у нее обязательно надо брать?

Профессор говорит:

— Какую пункцию? Ребенок ни руками, ни ногами не может двигать, еще и пункцию у нее брать. Откуда ты это взяла?

— Как откуда взяла? Мне вчера врачи сказали, что будут пункцию брать.

Он дежурных врачей спрашивает:

— Так, кто из вас сказал? Кто из вас на дежурстве был?

А им деваться некуда, они ему подчиняются. Отвечают:

— Ну, мы думали, так лучше будет.

— Без моего разрешения к этому ребенку никто не подходит! Лечить буду я.

Я по благодарила Бога. Хотя бы пункцию брать не будут, и то хорошо.

Прихожу на работу директор спрашивает:

— Как там дела?

— Да вот пункцию хотели взять, я не дала согласия.

— Как правильно ты сделала, ребенок мог бы калекой остаться. И так! неизвестно, что будет, но все-таки...

А тот брат, который приходил и говорил, что Ирина за мой грех болеет еще раз приходил, пока она была в

больнице, и говорил:

— Давай помолимся, чтобы Бог Ирину забрал. Она калекой останется, что ты с ней будешь делать?

— Арсений, не приходи ко мне больше! Бог дал мне это дитя. И какой она будет, такую я и буду воспитывать.

А этого я у Бога не буду просить, это сверх моих сил! Я буду просить, чтобы Он ее исцелил, а дальше дело будет Божье, как Он хочет.

После разговора с ним, на второй день, пришла я к Ирине, а ей уже легче, стала возвращаться речь. А перед этим Вася попадает в эту больницу с таким же диагнозом. Рядом лежит. У него болезнь протекала немного легче, он разговаривал. Такой терпеливый был, Ирину очень любил. Ему что-нибудь принесешь, а он все готов был отдать Ирине, лишь бы ей стало полегче:

— Мама, это Ирине. Ирине очень плохо, это Ирине.

— Сыночек, но ты тоже болеешь.

— Нет, мам, нет. Мне хорошо.

Ему тогда было года два, Ирине — четыре. Вася пролежал меньше, он быстрее на улучшение пошел, его раньше выписали. А Ирина пролежала два месяца. Прихожу к ней однажды, и Ирина заговорила:

— Мамочка, я тебя могу ручками обнять!

— Моя ты деточка, я сегодня же заберу тебя домой! Тебя Господь исцелил!

Врачи говорят:

— Пусть она еще недельку здесь побудет!

— Нет-нет! Хватит! Я ее сегодня забираю домой.

— Ты должна выступить и рассказать, что в больнице хорошо лечат, от такой болезни ее вылечили! И врачей должна поблагодарить и сказать, что надежда была только на них. Обязательно должна рассказать!

— Хорошо. Я расскажу, как дочка заболела и как выздоровела. Скажу правду, не буду ни унижать врачей, ни возвышать. Эту болезнь допустил Бог, никто другой. И болезнь эта, как сказали врачи, очень редкая. Состояние ее все ухудшалось и ухудшалось. Врач к сказали, что у них есть лекарство, но я должна письменно пообещать, что не буду ходить в собрание. Единственное что нужно было от меня — подпись. Даже если бы ребенок умер и мне бы предстояло умереть, все равно бы ничего не подписала. Кто ее положил, Тот ее и поднял. И вот теперь она и ходит, и говорит, и руки, и ноги действуют, и с разумом все нормально. И что я могу сказать, кто это сделал? Это сделал Бог! Я так и скажу!

— Не нужно так говорить.

Когда я забрала Ирину домой, она говорит:

— Ой, мамочка, ты больше меня в больницу не отдашь?

— Доченька, ты дома, благодари Бога, будем вместе молиться, все будет хорошо.

Через время я хотела Ирину отдать в садик, но мне сказали подать на алименты, чтобы справка была, что я одинокая. Это я сделала. И какие же алименты я получала — одиннадцать рублей на двоих детей в месяц. А иногда приходило три рубля на двоих детей. Я не жаловалась: как идет, так идет, а квиточки эти складывала.

Директор мне говорит: «Клава, куда ты не уйдешь, работаешь — и работай, молишься — молись, я тебе не запрещаю». Когда мне нужно было, я закрывалась в кабинете, и тогда он не разрешал никому стучать: «Она занята, работает, откроет, когда надо». У меня там и Библия была, там я могла и помолиться.

После всего этого мне нужно было что-то с работой решать, по-настоящему работать. Села я на свое место, а работать не умею. В школе я учила только арифметику, считала я хорошо, даже на счетах умела. Сажу на работе, директор отчеты делает и мне говорит:

— Перепиши все, что там есть. Перепиши и где-то отними, прибавь. Я не буду передавать это в бухгалтерию, просто посмотрю, как ты сделаешь.

Я перепишу, он посмотрит и говорит:

— А ты все правильно сделала!

— Я просто переписала, там все было сделано, а я всего-навсего переписала, да и почерк у меня неважный.

— На почерк там никто не смотрит.

Один раз перепишу, другой, третий, потом дает еще один и говорит:

— Этот отчет пойдет в бухгалтерию, но не переживай, если ошибки будут, то они не твои, это я ошибся, если что.

Думаю: «Это пойдет в бухгалтерию... Как не переживать?»

Сделала, он передал и потом говорит:

— Все прошло отлично!

Один, два раза сделала. Потом он мне дает товарные отчеты. А по товарам у нас остаток был очень

большой, магазин считался большим, только рабочих мест — пятьдесят, это много считалось. И по точкам стояли, где товар отпускали, и две смены в магазине — двадцать четыре человека стояло: двенадцать и двенадцать. Магазин огромный, товара много, отчеты большие. Я ему говорю:

— Это мне не потянуть.

— Потянешь. Этот товарный отчет я порву, сделай мне его на другом бланке и все.

«Что же мне делать? И зачем мне это? — думаю. — Вот пойти бы мне перебирать — это моя работа, пусть зарплата небольшая». Один отчет сделала, второй отчет сделала, а в третий раз он говорит: «Я возьму выходной, а отчет сделаешь ты и сдашь в бухгалтерию». Он познакомил меня с бухгалтером, и она меня успокоила: «Не переживай, Клава, если что, я сама исправлю».

Тогда я стала отчеты уже сама делать, и все хорошо получалось. Проработала я какое-то время, получала зарплату заместителя — зарплата большая, и притом ненормированный рабочий день, дополнительно оплата идет. А задерживаться на работе почему приходилось? Приходит вагон с картофелем или еще с чем-то, его нельзя задерживать, нужно разгружать, рабочие разгружают, и я там должна быть. Я хоть в своем кабинете сижу, но все равно мне дадут отчет: сколько приняли, сколько разгрузили. Я все это на учет беру.

Как-то директору говорю:

— Я уже с долгами рассчиталась, никому не должна, и мне деньги не нужны, можете меня убрать с этой работы.

А директор спрашивает:

— Тебе деньги не нужны?

— Нет, не нужны.

Как-то пришел к нему другой директор, и он ему говорит:

— Павел Федорович, ты встречал людей, которым деньги не нужны?

— Нет.

— А вот у меня есть такой человек.

— Я таких не встречал.

— Клав, ты пригласи нас в гости!

— Нет, я таких гостей не готова встречать, нет-нет.

— А мы приедем.

И вот заявляются ко мне домой, заходят в комнату, а там пусто, только стоят кровати детская и взрослая, больше никакой мебели нет. В доме много недоделок. Прихожую надо доделать, и крыша протекает. Если дождик идет, все течет, банки нужно подставлять везде. Они прошлись по всем комнатам.

Директор говорит:

— Да, бывает, людям деньги не нужны... Ты от своих слов не отказываешься?

— Нет, я с долгами рассчиталась, а зарплату моей хватит для детей и для меня.

— Я тебе пришлю то, что не обходимо в доме.

Привезли к нам в дом две кровати деревянные, пианино, шифоньер, кресла. Кресло-кровати штуки четыре, как будто он знал, что в моем доме часто будет ночевать много народа. Обставили дом, и обставили небедно. Он говорит: «Это все в кредит, за все будешь платить ты. Я буду вычитать с твоей зарплатой».

Я знала, что не имею права работать на должности заместителя директора, так как у меня всего лишь начальное образование — пятый класс неполный. Но Бог оказал мне милость, дал мне способность и знания, директор очень быстро меня научил, и я справлялась с работой уже без ошибок.

И вот как-то я работу уже закончила, захожу в его кабинет. Директора сидят, между собой разговаривают, вспоминают свое детство, юность, где они институты кончали. И старший директор обращается ко мне:

— А ты, Клава, какой институт кончала?

— Мой институт повыше, чем тот, который директор кончал, — Голопузовский, — ответила я спокойно, с улыбкой.

Тогда он спрашивает моего непосредственного директора:

— Слушай, Юра, а где такой институт?

— Да ты слушай ее, она тебе еще что-нибудь наговорит.

И ко мне обращается:

— Сходи, принеси нам покушать, попить.

Он сказал, что принести, если что недозволенное, он никогда меня не просил. Я им принесла из столовой покушать, он говорит:

— Ты меня подведешь когда-нибудь.

— Нет, я правду ответила. Голопузовский институт я прошла точно. Колоски собирала, картошку мерзлую подбирала, у нас тогда отрезали огород, нужда была беспросветная.

В то время я еще не определилась, к кому ходить в собрание. Помню, пришла к отделившимся, и брат один проповедовал. Мне так эта проповедь запомнилась: «Дойду ли до неба? Такой трудный путь у человека...» Думаю: «Это прямо про меня: дойду ли я до неба? Я и падаю, и ошибаюсь, и в собрание редко хожу, ну, никудашная... Дойду ли, Господи, дойду ли?» На проповедника я как-то не обратила внимания, а проповедь его осталась в памяти.

Отделившиеся часто обращались ко мне за помощью, когда нужно было достать продукты к какому-нибудь общению. Я им загружала на мотороллер или в машину, и им доставляли, куда они говорили.

Я не была членом их церкви, но, если им надо было кого-то спрятать, они приводили ко мне. Дом у нас был большой, хотя и недостроенный. И я всех принимала, дом мой был открыт для всех.

Как сейчас помню, в 1965 году в Ростове-на-Дону, прямо на берегу Дона, было большое общение. Это общение вел Иосиф Бондаренко, я там не была. Руководитель молодежи приходит ко мне и спрашивает:

- Клава, ты сможешь принять у себя верующих на ночлег?
- Смогу!
- А сколько сможешь?
- А сколько надо?
- Человек пятнадцать примешь на ночлег?
- Да, приму.

Через некоторое время опять приходит:

- А если добавлю еще, можно?
- Можно.

Добавлял, добавлял. Я думала, может, он ко мне Иосифа приведет ночевать, а он ко мне привел не Иосифа, а М. И. Хорева. Я его тогда еще не знала. Брат все приводил и приводил ко мне верующих. Ни на кроватях, ни на столе, ни под столом не было места — все занято. Один брат посчитал количество человек по обуви и говорит:

- Сто один человек поместился в этом доме.
- А Иосифа там нет? — спрашиваю.
- Нет. Иосифа здесь нет.

Готовлю на завтрак компот, бутерброды с колбасой. Двор был асфальтированный, во дворе стояли длинные сколоченные столы, лавки. И всех позвали туда кушать. Гости удивились, что всех накормили. Все поели и ушли. И, слава Богу, все ушли довольные, благодарили, молодежи очень много было. А я опять дома осталась с детьми. Потом на работу пошла.

Однажды в пять часов утра к нам домой приехала милиция и говорят: «Мы приехали арестовать Лидию Алексеевну». Нашу Лиду по отчеству называют, а ей девятнадцать лет, она у нас младшая. Мурашки по телу. Я вышла. Лида вышла следом и говорит мне: «Ты только не волнуйся».

- Лида, — говорят, — мы за тобой приехали!
- Хорошо, я сейчас выйду.

Я говорю:

- Вы немножко подождите, мы сейчас помолимся, путь ей нелегкий предстоит.
- Мы сейчас отвезем ее, и она быстро вернется!
- Нет, вы подождите, пока мы помолимся, и потом она выйдет, у вас времени достаточно.

В пять часов утра приехали! Это я как сейчас помню. Помолившись, мы распрощались. Оказалось, в этот день арестовали девять верующих.

Брата одного арестовали прямо на работе, надели наручники. Он главным инженером работал, и судили его потом по статье за тунеядство.

Я не знала, что моя сестра Лида участвовала в печати синькой (тогда еще нельзя было легально печатать).

Знала только, что она на заводе работала, с детьми занималась, дома она мало бывала.

Она и Дуся жили с нами в одном доме. Дуся по характеру была не очень сильная, расплакалась. На работу пойти в этот день она не смогла, у нее разболелась голова, перевязала голову платком. Старшие сестры приехали, но ничем помочь не могут. И те не пошли на работу. А я думаю: «Как я не пойду? Мне необходимо идти на работу!» Пришла на работу и сразу сказала директору:

- Лиду арестовали, в пять утра приехали за ней, из дома забрали.
- Ну, что тебе сказать? Вы знаете, на что идете, а раз знаете, значит, надо это принимать.

Отработала я кое-как день, директор говорит:

- Можешь сегодня пораньше идти домой, если что-то не закончишь, я доделаю.

Прихожу домой — Дуся больная, лежит с температурой, голова у нее перевязана, сестры около нее сидят. Врача вызывали — ничего сделать не смогли, ничего не помогает. Дуся просит:

— Клава, ну дай мне хоть какую-нибудь таблетку, ну дай, пожалуйста!

— Дусенька, миленькая, ничего же у меня нет.

Я как-то редко болела, таблетками почти не пользовалась.

— Клава, ну посмотри, может, что-нибудь у тебя есть.

Я посмотрела, нашла таблетки пурген. Этими таблетками пользовались, когда надо было отбелить белье. Тогда машинок стиральных не было, а прокипятишь белье с таблетками, и оно белое. А по медицинским показаниям — это слабительное. Думаю: «Что же делать? Она так сильно просит». Зашла в спальню, помолилась, взяла эти таблетки и, не говоря, что это, дала ей выпить. Пятнадцать минут проходит — развязывают ей голову, она говорит:

— Не болит! Не только голова, ничего не болит! Клава, дай мне этих таблеток! Дай мне, пожалуйста, у меня уже ничего не болит.

— Дуся, я тебе этих таблеток больше не дам! Они для тебя не подойдут.

— Они очень дорогие?

Я знала, что это за таблетки — молитва и больше ничего. Я со слезами просила Бога, чтобы Он ей помог: «Господи! Ты видишь, как она страдает, помоги ее, чтобы прошла эта боль».

И у нее отошло, но она после этого не давала мне покоя:

— Дай мне этих таблеток, чтобы иногда ими пользоваться! Ну что тебе жалко?

— Дуся, тебе сказать правду?

— Конечно, скажи, я буду ими пользоваться, я одинокая, никого нет, за любые деньги могу их купить.

— Эти таблетки — молитва, а тебе я дала пурген...

— Что же ты наделала? Ну что же ты наделала?

— Я-то наделала, чтобы ты встала. Ты встала? Встала! Благодарю Бога

— Я теперь всем буду рассказывать, что у Клавы таблетки нельзя брать она может дать что топало.

— Дуся, что хочешь, то и говори, но тебя поднял Бог! Врач была, сестры около тебя были, другие таблетки у тебя были, но ты все равно лежала, умирала. Нельзя нам умирать, мы должны узнать, где наша сестра Лида и что нам делать. Мы должны взять себя в руки, не паниковать, мы сами этот путь избрали и знаем, что это путь гонений.

Потом Дуся спрашивает меня:

— А как к тебе отнеслись на работе, когда узнали, что Лиду арестовали?

— Отлично отнеслись, сказали: «Вы ведь знаете, на что идете».

Я очень боялась в первый раз идти в тюрьму нести передачу. Свидания пока не дают, а передачи принимают — до суда раз в месяц можно передавать. Сразу же на второй день разрешили передать. И вот Дуся пошла, не я. Она неопытная, не знала, что нужно передавать, купила вишни, как раз она свежая пошла, еще что-то из фруктов, овощи какие-то. И вот она стоит, передает, а сзади стоит женщина, принесла передачу своему мужу — инженеру Павлу Дмитриевичу, нашему арестованному брату. Она посмотрела, что Дуся передала и говорит:

— Что ты делаешь? Ты куда передаешь? В больницу? Ты же в тюрьму передаешь! У тебя следующую передачу примут через месяц, если еще суда не будет. А после суда будет очень ограниченно и снова только через месяц примут.

— Что же я наделала? — расплакалась Дуся. — Теперь уже не вернуть. Что же мне делать?

— Ну, успокойся, Бог усмотрит все.

И вот она вернулась оттуда и зовет меня в тюрьму, говорит: «Пойдем со мной, может, примут еще раз!» Как же я боялась идти в тюрьму, мне казалось, что раз я к тюрьме подошла, значит, я преступник, ведь здесь одни преступники, а среди них наши верующие девять человек сидят. Она меня уговаривает, рассказывая, что там и директора, и много торговых работников передают передачи своим.

Пришла я на работу. Директор спрашивает:

— Что ты такая невеселая?

— Дуся у нас начудила. Передачу передала, а ничего дельного не положила.

— Завтра ты пойдешь!

— Я боюсь.

— Вот и пойдешь знакомиться с тюрьмой.

Потом он куда-то позвонил. Смотрю, пакет у меня лежит, в нем сухая колбаса, сало и другие продукты.

- Неси. Там то, что нужно! — говорит мне.

Я пришла домой и говорю сестре: «Дуся, пойдем в тюрьму передачу передавать!» Пришли мы раньше времени, нажали на звонок. Надзиратель взял у нас пакет, даже не посмотрев, что там. Лида потом сказала, что пакет неоткрытый принес.

А директор мне потом говорит: «Не переживайте, передачи я помогу вам передавать, но вот освободить я ее не смогу».

С этого времени я стала к Лиде в тюрьму ходить почти каждый день, ходила после работы. Надзиратель звал ее убирать его кабинет, и в это время, пока она убиралась, мы разговаривали с ней через открытую форточку. Все, что надо, я ей в эту форточку передавала. Так мы общались с ней почти каждый день.

Следствие по делу наших верующих шло месяцев пять. Показывали по телевизору, передавали по радио: «Обнаружили шайку шпионов, связанных с Америкой. И у них там провода такие...» А «проводами» были веревки бельевые. Весь город гудел: «Шайку шпионов обнаружили!»

Судебный процесс был показательный. Все места заняли комсомольцы. партийные, верующим места нет, вход только по пропускам. А близким родственникам давали пропуска только тем, кто записан в личном деле обвиняемого. Меня Лида не записала в личное дело, она говорила: «Не хочу, чтобы к тебе с обыском приходили. Не хочу, чтобы тебя терзали». Она просто меня пожалела. А для меня это было намного хуже: вся наша родня идет, а меня не пропускают, я как будто не из их семьи.

Прихожу я на работу и говорю директору:

- Суд будет, и суд будет долгий, а меня не пропускают. Там вход по пропускам.
- Сколько тебе пропусков нужно?
- Хотя бы один.

Он позвонил в прокуратуру и сказал, чтобы мне дали пропуск.

Я пришла, и точно такой же вопрос прокурор задал:

- Сколько тебе пропусков?
- Да штук пять надо.

Он мне пять и дал. И я прошла в зал суда по пропуску.

Одного пожилого брата, ему тогда было за семьдесят, судили как директора типографии.

- Ну, директор типографии, рассказывай, как и что ты там делал?
- Какой я директор типографии? Сделал деревянный козлик, закрыл его листом каким-то, и они там работали. Сделал мастерок, сделал стол, где им работать, и все — это вся моя работа.

Он был отцом руководителя молодежи. Дочку его забрали, а Коля, сын его, в это время в армии служил, от присяги отказался, и его тоже за это судили.

Суд шел восемь дней. Судья был очень хороший, расположенный к верующим.

Лиде дали год, Зине — год, Кате - год. Пожилого брата, «директор; типографии», отпустили прямо из зала суда. Павлу Дмитриевичу — три года за то, что он с высшим образованием. Так и сказали: «За высшее образование!» Остальным дали по два года.

Одна женщина говорит:

- Мне плохо, мне плохо!

Ее спрашивают:

- Что такое?
- Восемь дней суд шел, и так мало им дали!

Инженер подал кассацию. А раз подал кассацию, значит, на всех еще два месяца выиграли. Всех арестованных верующих еще продержат в Ростове-на-Дону. Все шло хорошо. Мы могли передавать передачи. Лида в тюрьме даже поправилась, пока шло следствие. Покушать ей передавали в любое время, не пять килограммов в месяц, как положено по правилам тюрьмы, а каждый день свеженькое. Мы ей одежду передали, она была одета прилично.

Даже надзиратель передавал ей передачу. Пришел он на работу, и Лида почему-то у него попросила виноград. А винограда на базаре не найти в это время, если только привозной мог быть. Это сейчас из других стран везут, а тогда этого не было.

Надзиратель мне говорит:

- Мне одни люди сало привезли из деревни, чтобы я пропустил их на свидание или передачу передал. Такое хорошее сало, а я татарин, не ем сало. Вот, ты ей сало и сухари передай!

Я Лиде и говорю:

- Возьми сало и сухари!
- Я сала не хочу.
- А винограда нет.

Я ушла, а этот надзиратель попросил кого-то зайти на большой рынок и если есть виноград, то купить его по любой цене. И он ей принес это виноград.

Как-то раз я пришла к Лиде, а она говорит: «Клава, завтра на этап». Ее отправляют в Потьму (Мордовия) на полгода. Там лагеря тяжелые. Начальник тюрьмы ей сказал: «Осужденные на срок до трех лет должны сидеть в своей области, но этот приказ, чтобы отправить вас в самые тяжелые лагеря, — не от нас».

Я принесла передачу ей, как обычно, на семерых-восьмерых (она обычно разносила по камерам, пока уборку

делала), но для этапа маловато. Сахару много принесла, в дорогу всем хватит. И не только сахар, я много чего передавала. Но в дорогу и другие продукты нужны. Что делать, где взять продукты? Завтра на этап. А когда на этап повезут: утром или вечером, пока неизвестно.

Иду в гастроном, вижу — свет горит. Время двенадцать часов ночи. У них ревизия. Мне говорят:

- Ревизия, мы ничего не можем сделать.

- Дайте мне с ревизором поговорить, — прошу их.

А я же заместителем работала, меня уже знают люди. Я и говорю:

- У меня сестра сидит, ее завтра на этап отправляют, мне нужны продукты.

Он дает приказ продавцам:

- Все, что у вас в запасе, и все, что она скажет, все ей дайте. А мы в список внесем. Дефицит какой нужен — дайте.

Дали мне шоколад. Не шоколадки, а шоколад кусковой, чистый. Его нигде не достанешь. Колбасы твердой дали. Я еле домой донесла. Всего набрала. А дальше думаю: «Как в тюрьму пронести, передать?»

На такси у меня не было привычки ездить, добиралась как могла — трамваями, автобусами. Приехала я домой, а уже ночь. Говорю Дусе: Завтра Лиду на этап отправляют, надо какими-то путями ей передачу передать.

А она начала голосить. Я говорю:

Ну что голосить? Теперь нужно молиться, чтобы Бог силы ей дал.

Утром понесла передачу, сестра Зина пошла со мной. Пришли рано. Я стучу, а надзиратель говорит:

— Лиду на этап не отправляют, я списки смотрел, ее в списках нет.

— Есть она в списках на этап!

— Ну, я-то знаю больше, чем ты.

— Больше ты знаешь или меньше, но на этап она едет.

— Ладно, я еще сейчас уточню.

Уточняет - на этап она едет. Все три сестры, которых судили, едут на пап. Он говорит:

— Начальник тюрьмы уже здесь, он очень строгий, не знаю, получится ли передать передачу...

А мы пришли рано-рано. И уже очередь большая стоит на передачи. Он говорит:

— Нельзя.

— Ты знаешь, если даже грешник, который покается, может на небо попасть, то тем более передачу можно принять. Ну, пожалуйста!

— За тобой целый хвост потянется. Если тебя пустить, тогда остальные скажут: «Ее пустили, а нас?»

Потом открывает дверь и говорит:

— Иди, носи сама.

Я посмотрела вперед, замки на дверях камеры... и как-то страшно стало. Я говорю:

— Отнеси, пожалуйста, сам! Я туда не пойду.

— Боишься? — улыбнулся он и взял пакет.

— Все, что там положено, все должно дойти до Лиды, — говорю ему. - С тобой расчет будет другой, а оттуда брать ничего нельзя.

— Ну, неужели я не знаю этого?

Передал всю передачу. Сестры после говорили: «Весь этап мы ели и других кормили. У Лиды мы все забрали, иначе она быстро бы все раздала, она раздавать умеет. Самой бы ничего не осталось. А так мы ей понемногу выдавали».

Вечером вывозят их на этап. Часть молодежи к тюрьме пришла, другие — на вокзал. На перроне запели: «Земля бесплодная, бескрайние просторы...» Пели громко. Нас спрашивали: «Откуда вы, баптисты, знаете, когда ваших на этап отправляют?» В тюрьме все делали так, чтобы никто не узнал об этапировании заключенных, чтобы им не передавал передачи. Вот так мы жили.

В Ростове-на-Дону намечалось совещание служителей у отделившихся. Должны были приехать и Крючков Г. К., и Винс Г. П.

Мне сказали, что на совещание нужны продукты. Я все выполнила, им отвезла. И вдруг один брат, хороший наш друг, спрашивает: «Можно к тебе одного брата привезу? Пусть он у тебя переночует». Я согласилась. Привез. Я первый раз его вижу, приветствую, подаю кушать. Он такой худющий, глаза впалые. Недавно из тюрьмы. Думаю: «Какой изможденный брат. А у него, наверное, где-то детишки, жена ждут его. А он скитается, ездит, Слово Божье проповедует».

Потом спрашиваю его: «Вы на совещание приехали?» Молчит. Еще раз спрашиваю погромче. Молчит. «Ну, глухой, — думаю, — не отвечает. Его, наверное, там били, отбили ему все, вот ничего и не слышит. А если не слышит, значит, нужно еще громче говорить».

Потом он побеседовал с кем-то и стал ложиться спать. А я, как говорится, -«язык мой — враг мой», ему и

говорю:

- Ложитесь, спите спокойно. Совещание будет недалеко, мы вас проводим.

Молчал-молчал, а потом спрашивает:

- А вы что, знаете где?

- Да, да, спокойно спите.

Утром хватились провожать — некого провожать, нет брата. Я думаю: «Глухой-глухой, а среди ночи ушел».

Приходит он к братьям и говорит: «Братья, совещания у нас здесь не будет. Регистрированные знают место проведения совещания». Значит надо братьям срочно уезжать. Совещание сорвано, братьев оповестили, все уехали.

Проходит какое-то время. Смотрю, а он с братом, который его привез, приходит ко мне на работу за продуктами для совещания. Я спрашиваю:

- А что, совещание уже закончилось?

Он опять молчит. А тот брат отвечает (ему-то там не надо было быть):

- Да, закончилось, наверное. Решили изменить место проведения.

- А к кому пошли? У кого же дом-то такой, чтобы всех вместить?

- Уехали на север.

- На север? А в какой город?

Но мне город не назвали.

И собираю сумку. У меня твердая колбаса есть, яблоки, рыба. Вот, думаю, брат поедет на север. Совещание там будет. Он их там всех покормит.

Открываю сейф, вынимаю деньги. У меня там было двадцать пять рублей. Тогда это были большие деньги. Билет на поезде от Ростова-на-Дону до Москвы в хорошем вагоне стоил десять рублей. Он смотрит на меня и все берет. А я, не взвешивая, беру колбасу, яблоки... Все самое лучшее из продуктов находится в моем кабинете. В общем, много я наложила, он все взял. Проводила, он поехал, догнал братьев.

Оказывается, ехать было совсем недалеко — в Харцызск, это часа три, не больше. Привез, все выложил. Братья и говорят: «Деликатесы привез. Это хорошо». Все покушали, а он ни до чего не дотронулся. Он воспринял это как идоложертвенное: деньги из кассы взяты, продукты не взвешенные — значит, украла. Ворованное — идоложертвенное.

Я ему потом сказала:

Как ты мог подумать, что я дам тебе ворованное? Я из кассы могу взять не только двадцать пять рублей — тысячу могу взять. Но через два часа, в крайнем случае, должна положить обратно. У меня в любое время может быть ревизия. Пусть я не материально ответственная, но я больше переживаю за того, кто материально ответственный, кто мне доверил.

А продукты, которые я взяла, — мной купленные. Они уже лежали оплаченные. Это я свое отдала, то, что мне надо было домой отвезти.

— Теперь-то я понимаю. А тогда подумал, что это идоложертвенное, как можно взять такое?

— А братья, значит, пусть едят идоложертвенное? Если ты так считал, тебе надо было тогда не брать или выбросить. А я-то с какой радостью давала...

Я ему рассказала о своей жизни и о том, как я сильно хотела видеть Иосифа. Позже я увиделась с Иосифом, и мы с ним стали друзьями, я ему рассказала, как мне говорили: «Ишь чего захотела — с Иосифом побеседовать!» Иосиф на это мне ответил:

— Как это мне не сказали, что ты хочешь со мной встретиться? Я б в любое время к тебе пришел.

Я рассказала ему про своего мужа, как он оставил меня:

— Я думаю, он мог бы жениться на ком угодно. Он на вид красивый ученый, стал доцентом, а уже потом доктором наук. И в то время он мог бы взять любую. Сестер было много.

— Он взял бы любую, — сказал Иосиф, — и они потихоньку работали бы на пару. А Бог этого не допустил. Он сделал так, чтобы ты увидела, кто он есть, а тебе дал силы остаться одной с детьми.

Но это было потом.

А после того, как я передала продукты для совещания, иду вечером в собрание к отделившимся, на сердце радость от того, что я могла помочь братьям. Подхожу, меня встречает их старший и говорит:

— Не приходи к нам. Что ты натворила и в какой убыток ввела!

— Я ничего не понимаю.

— Ты совещание сорвала!

— Но как я сорвала?

— Ты рассказала, где оно будет проходить!

— Я рассказала только тому, кто приехал на совещание, чтобы он не переживал. Сказала, что оно будет проходить от нас недалеко, минут пятнадцать ходьбы. Я же не кому-то постороннему рассказала.

— Мы не хотим иметь с тобой никакого дела!

И я пошла обратно, плачу... Ну ладно, случилось, так случилось, что делать?

Проходит время, примерно неделя, заявляется ко мне на работу это «глухой» брат, один, приветствуется. Уже слышит, разговаривает, а я не хочу его видеть. Из-за него сорвалось совещание, мне показали, сколько билеты стоили, сколько всего потрачено. Я согласна была все это покрыть, по все равно на меня обижаются и не хотят со мной разговаривать. Он спрашивает:

— Ты на работе еще долго будешь?

— Сколько надо, столько буду.

Думаю: «Уже не глухой, хорошо слышит».

- А можно тебя подождать?

- Можешь, если хочешь. А можно и сейчас спросить, если что нужно. Настроение у меня плохое. Он подождал, пока я закончила работу, отчиталась, всех отпустила. Я магазин на сигнализацию сдавала в милицию, поэтому уходила последней. Когда я освободилась, он спрашивает:

- А можем мы до твоего дома пешком пойти?

- Ничего себе, семь-восемь километров идти пешком?! Автобус-то пятнадцать-двадцать минут едет, а пешком-то полтора часа нужно идти.

- Ты очень устала?

А как я устала, если на работе сижу весь день? Я согласилась, и мы пошли пешком. Он всю дорогу меня допрашивал:

- Кто тебе сказал, что совещание будет в этом доме? Это очень важно.

- Важно, что ты сорвал совещание, а то, что ты хочешь от меня узнать, не узнаешь ни за что!

— Это очень важно... Ну хорошо, мы тебя знаем, ты ходишь в зарегистрированное собрание, а если зарегистрированные узнали бы, пойми меня правильно, могли бы накрыть всех.

- Да, у зарегистрированных я бы вышла вперед и объявила все! Ну и что, что зарегистрированные? Да я, скорее, в тюрьму сама бы села, чем кого-то выдала.

Недружелюбно я с ним тогда поговорила.

Он зашел к нам и остался ночевать. Немножко мы с ним познакомились, и с этого дня он стал чаще к нам приезжать и останавливаться в нашем доме. Он беседовал с молодежью из зарегистрированной церкви, разъяснял причины деления в церквях. А мне говорит:

- А ты так и ходи в зарегистрированную, мы видим, что у тебя дух правильный, настрой правильный, а что ходишь в зарегистрированную, это даже хорошо.

На то время так было безопаснее.

Ко мне часто приходили дети служителей. Как-то спрашивают одного из них:

— Ваня, где ты был?

— У тети Клавы.

— Что вы там делаете?

— Беседуем, поем.

— А кто беседу проводит?

— Тети Клавин брат.

Как ни допытывали, желая узнать, что за брат, дети не называли его имени. И у меня потом спрашивают в собрании:

— Как твоих братьев зовут?

— Если интересно, то познакомьтесь с ними. Они неверующие, один из них - партийный.

А сын Вася и говорит:

- Споем «По тернистому пути».

Его спрашивают:

- Кто тебя научил?

- Дядя Коля.

Вася-то говорил о пресвитере нашем, но можно было подумать про Колю, моего родного брата.

После очередного братского общения ко мне пришли ночевать братья. Они сказали, что еще должен приехать брат Яков Григорьевич. Я его тогда еще не знала. Ночь. Братья ложились спать, а его все не была. Я сижу, жду Якова Григорьевича.

У нас дом номер тридцать три, а рядом еще один дом под таким номером — под одним номером два дома. С соседями мы дружно жили,

И вот кто-то заходит к нам, весь замерзший, и уже стал расшнуровывать ботинки. И говорит:

— Ой, хорошо в тепле, наконец-то!

— А кто вы?

- Яша! Вот приехал.
- А я Клава. Я не знаю никакого Яшу, поэтому вы меня извините, ищите того, кого вам надо.
- А рядом дом какой?
- Номер тридцать три.

Он ушел, я захожу в комнату, говорю:

- Дмитрий Васильевич, приехал не Яков Григорьевич, а какой-то Яша, я его отправила на улицу.
- Как ты могла отправить его на улицу?

Дмитрий Васильевич, как был босиком, выскочил за дверь:

- Яков Григорьевич!

Он оглянулся, увидел своих, вернулся. Объяты, приветствие, радость.

Дмитрий Васильевич мне говорит:

- Как ты могла это сделать?
- Очень просто, он сказал, что он Яша, а мне не Яша нужен, мне нужен Яков Григорьевич.

У нас на работе как-то лекция была на религиозную тему. Лектор говорил, что баптисты люди негодные, в жертву своих детей приносят.

- В Ростове живет большая семья, Бублики. В этой семье родители принесли в жертву своих детей.

Что тут было, из зала стали кричать:

- Надо их всех расстрелять! Как такое может быть — в жертву детей принести? Разве можно таким людям жить на земле, чтобы они по нашей земле ходили и нашим воздухом дышали?

Я думаю: «Что же мне делать? Промолчать невозможно».

- Подождите, а можно вопрос?

- Да, пожалуйста!

- Вы назвали фамилию тех, кто в жертву детей принес. Я эту семью очень хорошо знаю. Вот сейчас берите любых людей отсюда как свидетелей, и давайте поедем вместе с вами в эту семью и узнаем, сколько детей и кого они в жертву принесли.

А люди, которые сначала шумели, что таких надо с лица земли стереть, чтобы они нашим воздухом не дышали, по нашей земле не ходили, сразу притихли. Говорю:

— Земля — Божья, воздух — Божий, по вашей земле никто не ходил, вы сами по чужой ходите! С какой лекцией вы к нам пришли? Все неправда!

Он уже понимает, что лекция у него не получается, не знает, что делать, тут директор ему на выручку идет, говорит:

- Да, задала она вопрос, но, может, на него не стоит отвечать? Вы потом зайдите ко мне в кабинет.

Директор должен был расписаться, что лекция прошла. А у лектора уже руки дрожат, ведь он явную неправду сказал, и имена назвал, кто и жертву принес и кого. Я рабочим прямо говорю:

- Поедем вместе со мной, семья большая. Вот их мальчик ходит, тачки возит, ему за это дадут вилок капусты, помидорчиков наложат, он с радостью везет все это домой. Да, у них семья большая, но они все приучены к труду, все здоровы, слава Богу. На них мило посмотреть!

Тогда лектор говорит:

- Лекция закончена, можно расходиться.

И пошел к директору. О чем они в кабинете говорили, я не знаю, но этот лектор больше к нам не приходил.

Однажды на работе отмечали праздник Восьмое марта. В то время это был большой праздник, устраивали праздничный обед, женщинам дарили подарки. К тому времени я уже лет десять проработала на этой работе, а всего я проработала там двадцать лет. Начальство было довольно моей работой. И вот они собираются и рассуждают, что мне подарить:

— Что подарим Клаве? Она же верующая. Надо ей подарить такой подарок, которым она была бы очень довольна.

Подарок мы ей должны сделать действительно хороший, — добавляет директор, — чтобы она поняла, что мы ценим ее труд.

В этот день всем вручили подарочки — чашечки-бокальчики и еще что-то. Зовут меня, чтобы подарок вручить. Директор выразил мне благодарность за хорошую работу, секретарь тоже выступила с благодарственной речью.

— Клава, а тебе мы дарим цветной телевизор, пусть дети твои смотрят, дети у тебя хорошие, и чтобы ты, придя домой, могла отдохнуть у этого телевизора, который только-только выпущен.

Подарок хороший — цветной телевизор. А в то время у всех телевизоры были черно-белые, цветные вообще

редко были, и достать трудно и дорогие они были. Кто-то сказал:

— Я еще не имею такого телевизора, а тебе его дарят. В первую очередь у меня этот телевизор должен быть.

Я посмотрела на всех и говорю:

— Я очень благодарна за ваше внимание, что вы так оценили мой труд, хотя он не стоит того, как вы его оценили, но я благодарна вам. Однако телевизор я не приму, оставьте его себе, кто хочет.

— Как не примешь? Такой подарок от коллектива! Вдруг директор торга узнает. Это подарок недешевый, вместе решили подарить его тебе.

— Клава, ну ты что? — убеждал меня директор. — Такой подарок не взять, что ты придумала?

— Я долго не думала, но взять, я вам говорю точно, не возьму!

— Тогда тебе не будет вообще подарка!

— И не надо.

Думаю: «Подарили им чашечки... большая беда, что мне чашечки эти не достанутся. Ничего мне не надо».

А со мной там работала моя сестра, ее уволили с завода, устроиться она нигде не могла, и директор мой взял ее отборщицей. Так вот она мне потихоньку и говорит:

— Ну, возьми!

— Ни в коем случае, если даже во дворе поставят, я его выброшу!

— Возьми, я поставлю его в своей комнате, и мы с детьми будем смотреть. Я им ничего лишнего не покажу, только мультфильмы или еще что, в общем, найду, что показать детям.

— Ни в коей случае! В своей комнате ты хозяйка, но в наш дом это телевизор не войдет, так как он уже со двора полетит!

Она замолчала, в сторонку отошла.

Директор и рабочие опять упрашивают, одна сотрудница потихоньку говорит мне:

— Возьми, я у тебя его куплю. Я знаю, сколько он стоит, я больше з плачу!

— Я этот подарок не возьму! Покупай его у того, кто мне его купил, я и деньги не возьму! Ничего не возьму, все!

У меня в доме телевизора никогда не было, меня это совсем не интересовало, правда, иногда детям хочется посмотреть, дети есть дети, к соседям забегали посмотреть. А такое бывает, что приобретают телевизор ради детей, лишь бы они дома были... У некоторых зарегистрированных верующих телевизор был. Но у меня в мыслях не было приобрести телевизор, чтобы дети к соседям не ходили. Я понимала, что должна воспитывать детей так, чтобы они сами не хотели его смотреть.

На Восьмое марта, на Первое мая, на Седьмое ноября съезжались верующие на общения, и милиция никогда в эти праздники не разгоняла.

Говорю директору:

— Сделайте мне подарок, отпустите меня пораньше! У нас сегодня будет большое собрание! Это и будет мне подарком.

Все засмеялись. Пора расходиться, а директор говорит:

Подожди! Еще не закончили!

Я думала, что опять будут упрашивать взять телевизор. Потом я заметила в углу еще одну коробку. Директор открывает эту упаковку, а там новенький холодильник «ЗИЛ»! В то время «ЗИЛ» считался самым хорошим, и его нигде нельзя было достать. Такого холодильника почти ни у кого не было. Чтобы его достать, люди записывались в очередь, и, может, через два-три года получалось его купить.

А вот этот подарок примешь? — спрашивает директор.

- С удовольствием, даже заплачу! Скажите, сколько он стоит?

- Нисколько не стоит! Это тебе подарок! Поздравляем!

— За этот подарок я вам очень благодарна, и, если вас моя работа устраивает, я буду стараться еще лучше работать, а за него я согласна заплатить. Это вещь, которая нужна в доме.

Холодильник в этот же день отвезли ко мне домой.

Когда все разошлись, директор мне сказал:

— Ты знаешь, когда все тебя упрашивали принять тот подарок, я так переживал, что ты его возьмешь.

— А зачем же вы меня уговаривали взять?

— Я начальник твой, я обязан тебя упрашивать. А перед этим у нас разговор был, и я им сказал, что ты верующая, что ты не возьмешь телевизор. А начальство мне сказала: «Вот и испытаем, какая она верующая. Еще никто не отказывался от таких подарков. Если она действительно верующая, то не возьмет!»

— Ради своей веры я согласилась лишиться мужа и остаться одной с детьми, а он мне дороже телевизора

был. А телевизор бы ваш взяла?!

— Я понял! И я знал, что ты не возьмешь! Но в то время, когда тебя уговаривали, надо было устоять, и я рад, что ты не взяла.

Напротив моей работы останавливался автобус, который привозил на работу наших верующих, арестованных на пятнадцать суток. Их сопровождала одна женщина, она была очень злая. А я принесла им сумку с едой к автобусу. Они на целый день едут, а еды-то у них нет. Принесла продукты и думаю, как передать. Спросила у одного брата, как зовут эту женщину.

— Кобра! — ответил он.

Я подошла к ней и говорю:

— Коброчка, милая, здравствуйте! Вы такая добрая, разрешите, пожалуйста, передать.

Она как стояла, так руки и опустила, и глаз не поднимает, и ничего не отвечает. Один брат выскочил из автобуса, сумки схватил и говорит

— Тетя Клава, беги скорее!

Я думаю, зачем бежать? Все спокойно, все хорошо, и я ушла. Я и не знала в то время, что это название змеи, у нас такие не водились.

Потом, когда мы об этом вспоминали, смеялись, они говорили: «Мы думали, тебя заберут».

Но меня никто не забрал, а «Коброчка» больше ни разу там не появилась. Она как надзиратель была. Братья потом говорили, что она за весь тот день ни разу ни на кого не накричала, похоже было, что она весь день проплакала.

* * *

Нахожусь на работе. Звонит телефон: «Тетя Клава, мы дом продали едем к вам. Билет взяли из Новосибирска. Встречайте!»

А во время гонений не все прямым текстом говорили. И я думаю «Это, наверное, или литературу везут, или бумагу». Я поняла, что нужно выйти к поезду вовремя, забрать, что передадут, и уехать. Время, номер поезда и вагон мне сказали. Кто едет, не знаю. Предположили, что поезд идет трое суток. Обратилась к брату, который имел машину:

— Всеволод, вот такой звонок поступил, не знаю, что передадут, одну бумажку или тяжелые сумки. Надо встретить.

— Ну, конечно, встретим.

Три часа ночи. Едем встречать. Я брату говорю:

— Ты только не просмотри, может, кого из верующих узнаешь.

Смотрели-смотрели, никого нет. Заходим на вокзал, спрашиваем про поезд из Новосибирска.

— «Этот придет следующей ночью», — говорят.

Приезжаем на следующую ночь. Опять выезжаем в три часа ночи. Подходит поезд, и, еще остановиться не успев, кричат из окна: «Тетя Клава! Тетя Клава! Вот и не пришлось долго искать. Смотрю, выходят три девочки: старшей лет восемнадцать, меньшая дошкольного возраста. Я их не знаю, а они так себя ведут, как будто знают меня. Думаю, раз называют меня «тетя Клава», то идем к машине. Едем ко мне домой. У меня было много вопросов: почему они продали дом, насовсем ли ко мне приехали или проездом, и где их родители. Но я, чтобы их не испугать тем, что я их и не ждала и не знаю их, решила ничего не расспрашивать.

Проходит несколько дней. Как-то на кухне я чищу морковь, шинкую капусту, готовлю обед. Нина, старшая из девочек, смотрит и говорит:

- Тетя Клава, вот мы так с мамой начистили моркови, нашинковали капусты и легли спать. Я с ней рядом лежала, и ночью почувствовала, что мама стала холодная. Она умерла в ту ночь...

Теперь мне понятно, что матери нет... А где отец?

А она продолжает:

- А вы помните, мы были у вас, Миша еще на пианино играл?

- Разве вы у меня были когда-то?

- Да, мы на похороны ездили к папе в Краснодар и к вам заезжали. После освобождения из тюрьмы он тяжело заболел, у него обнаружили рак мозга.

Значит, и папа умер. Они сироты. Теперь я все поняла. Как их не принять? Надо принимать.

Позже я узнала, как они решили ко мне приехать. Павел Фролович Захаров, отец этих детей, и Дмитрий Васильевич Миняков дали друг другу обещание, что если кого-то из них арестуют или убьют, то они будут заботиться о семье другого, не оставят без попечения.

Когда Д. В. Миняков узнал, что они остались сиротами, сказал им:

- Поезжайте к тете Клаве в Ростов-на-Дону, она вас примет. Купите дом поближе и будете жить рядом с ней».

А я этого не знала, и сообщить мне о своих планах он не успел. Они быстренько продали дом и приехали сюда насовсем. Старшая девочка оформила на всех опеку. Стали они жить у меня, привыкли. Вдруг приезжает Дмитрий Васильевич, увидел их и обрадовался: «Они уже здесь!»

Позже Нина спрашивала:

- Тетя Клава, а вы разве не знали, что мы едем к вам?
- Не знала, представления не имела, и вас-то я не знала.
- Разве мы вот так поехали, если бы знали, что человек нас и не ждет?

Народу-то у меня всегда в доме много было, и то, что они тогда были у меня проездом, я как-то и не запомнила. Одни приезжают, другие уезжают. Все братья знали, как у меня дверь открывается, где ключ лежит, однажды председатель исполкома пришел и говорит:

- Слушай, почему ключ не на месте?
- Во! Оказывается, и вы знаете, — отвечаю ему.

И так они остались у меня жить. Жили месяц, два, полгода. Немного позже подъехал их брат Миша. Он оканчивал техникум, поэтому не смог приехать сразу со всеми. Надо искать им дом. А они сказали: «Только рядом с вами, мы дальше не хотим.

В Новосибирске дом они продали за пять тысяч, а в Ростове-на-Дону на эти деньги ничего хорошего не купишь. Деньги от продажи они сберегли, на питание из этого ничего не тратили. Стали им братья дом искать, за такие деньги смогли найти только в плохом районе города, там затапливает водой. Я братьям говорю: «Вы можете поселить туда своих детей, но только не этих. Они сироты. Не знают города. Еще здесь не освоились. Их надо прописывать, искать работу для старшей, младших – отправлять в школу. Как-то надо устраивать, но только не в тот район. Ни в коем случае!»

Приезжает Д. В. Миняков, и они с братьями решили никуда больше не ходить, не искать, а купить самый ближайший дом. Смотрим, на соседней улице продается дом, они его сразу купили. Хотя эти дети и перешли туда жить, но еще в течение года мы вместе завтракали, обедали у нас в доме, как одна семья. И долго еще, если Нину кто спросит, можно ли к ним приехать, она отвечала: «У тети Клавы спросите, можно к нам или нет».

У Михаила Лаврентьевича Сигарева было восемь детей-сирот. Его жена умерла, когда он находился в узах. После ареста Михаила Лаврентьевича в 1972 году, суд постановил отобрать детей и поместить их в интернат. С детьми осталась только старенькая бабушка, его мать. Она, спасая детей, уехала с ними из Сибири в Лабинск, Краснодарский край.

Лена старшая, ей было пятнадцать лет, младшей — годик. Сереже было тринадцать лет, он один мальчик у них был, остальные семь — девочки. Дети были один другого меньше. Вот с такими детьми приехала бабушка в наши края. Мы с сестрами по бюллетеням узнали об этом и поехали проведать бабушку. Приехали. Хатку, где они остановились, мы нашли, бабушки дома нет. Там была сестра Михаила Лаврентьевича, Лена. Она была с детьми, а бабушка уехала на свидание к сыну. Самую младшую бабушка взяла с собой, а с остальными осталась Лена. Она говорит нам: «Вы хоть на одну ночь останьтесь, мне домой уже надо. Я обычно приезжаю на два-три часа». И просит нас остаться с детьми, чтобы ей домой съездить. У одного брата была машина, он ее подвозил. И мы остались, детей спать уложили и сами легли. Все вроде спят. Слышу, одна девочка плачет, четыре годиков ребенку. Подхожу, спрашиваю:

- Как тебя зовут?
- Маша.
- Ты чего плачешь?
- Я боюсь.
- А чего ты боишься?
- Волков.

- А чего их бояться? Они хорошие бывают, а тем более мы в доме. Мы помолились, никаких волков тут нет, не бойся, — приласкала я ее. Как же она расплакалась, она рыдала, как будто у нее великое горе.

- Машенька, ну что ты так плачешь? Ну миленькая, что ты плачешь?

- Меня никто давно-давно так не ласкал, ты меня обняла, ты меня приласкала, ты меня поцеловала!

У меня чуть сердце не разорвалось. Я так и осталась с ней. Приезжает Лена на утро, я ей говорю:

- Лена, мы сейчас уезжаем, отдай мне эту девочку, я ее привезу по первому вашему требованию. Бабушке скажешь, что верующие забрали. Вот сейчас мы уедем, и я представляю, как она будет рыдать.

- Пойми меня правильно, она же не мой ребенок, бабушка приедет, и скажет: «Ты побыла немного и уже начала

раздавать детей».

- Она так плакала ночью, я просто не могу спокойно уехать.

- Если ты так переживаешь, побудьте до вечера. Вечером приходит поезд, бабушка приедет со свидания.

Что делать? Остались до вечера, дети все крутятся около нас. Меньше Маши есть еще, а самой меньшей Любочке, которую бабушка взяла второй годик пошел. Приезжает бабушка, мы расспросили, как она побывала на свидании. Она сказала, что все хорошо, очень рада, что мы приехали проведать их. Я говорю:

- Бабушка, отдай мне эту девочку. Когда скажете ее привезти, я привезу, обещаю, только отпустите, ей нужно успокоиться.

А девочка прямо не отходит от меня. Бабушка мне и говорит:

- Милая ты моя, если бы ты не Машу попросила. Я с Машей могу сладить, я бессильна сладить с мальчиком и со старшими девочками, они убегают то в кино, то на телевизор к соседям, то еще куда-нибудь, они сильно рвутся то туда, то сюда.

Одна девочка, ей лет десять было, от бабушки не отходила, она как хозяйюшка там, все знает, что нужно делать.

Я говорю: «Бабушка, давайте я старших возьму и Машу со мной отпустите, я не могу ее не взять сейчас». Она согласилась. А дети как услышали, все стали проситься. Я забрала, сколько в машину влезло – пять детей. Маленьких на руки взяла.

Галя, сестра, которая со мной была, жила в городе Шахты, она с детьми занималась, за это срок отсидела. Она знает, как обращаться с детьми. И говорит: «Дети побудут немножко у тети Клавы, потом и у меня побудут». А они привыкли ко мне и не хотят уходить от меня.

Говорю старшему мальчику:

— Сережа, ты у меня останешься жить.

— Я не против, но ведь у бабушки еще не спрашивали.

Побыли о ни у меня два месяца, к школе я их отвезла.

Пока он там с бабушкой жил, слушаться совсем перестал, отрастил волосы. Бабушка его мне говорит:

— Клава, давай спасать Сережку, он никого не слушает и понимать не хочет. Он уходит из дома, а город большой, я не могу за ним усмотреть.

— А чем я могу помочь?

— Тебя он слушался.

— А вы откуда знаете?

— Дети рассказывают.

— Соедините меня с ним! Поговорим по телефону.

Тогда редко, у кого был дома телефон, это мне или на работе нужно говорить, или на переговорной заказывать.

Когда мы снова созвонились, я говорю Сереже:

— Сережа, я тебя приглашаю ко мне, ты должен приехать.

— Я должен приехать к тебе?

— Обязательно! Я буду тебя ждать, два дня на дорогу тебе даю, день тебе, чтобы с кем-то попрощаться, и ты будешь здесь.

— А ты будешь строго со мной обращаться?

— Как надо!

Приехал. К тому времени ему было уже лет пятнадцать-шестнадцать. Такой лохматый весь. Я говорю ему:

— Сережа, а что ты не подстригся?

— Это я не подстриженный? Я подстригся, ты меня раньше не видела.

Недалеко от нас жили Захаровы, которые переехали к нам из Новосибирска. Я говорю Мише:

— Сережа очень скучает по Сибири, они приехали оттуда, там его мама похоронили, там и ваша мать похоронена. Убеди его поехать в Сибирь проведать могилки матерей. Побудете там в собрании, а потом вернетесь. Потом я Сережу устрою на работу как несовершеннолетнего, найду, где примут.

Потом Сереже говорю:

— Вот поедешь проведать могилку матери, потом вернешься и все, будешь тут жить.

— А ты меня не обманешь?

— Нет, конечно! Оплачу дорогу, а потом ты приедешь назад.

Потом он ходил к нам на собрание, покался, пел в хоре.

В 1977 году освободился Михаил Лаврентьевич, его отец, и слышно, что едет домой через Ростов-на-Дону. Заедет он сюда или сразу поедет туда, так как встреча там, мы не знали. И вот отец Сережи заехал к нам, сидит с нами, общаемся. Сережа обычно, прежде чем куда-то уйти, старался что-то дома полезное сделать, почистить

хорошо половики, подмести, чтобы в доме порядок был, а потом уже шел на улицу. И сейчас Сережа у меня просится куда-то:

- Тетя Клава, отпусти, я пойду.

А и забыла, что здесь его отец и говорю:

- Нет, Сережа, даже и речи быть не может. Я видела, что ты чистил, убирал, но отпустить я тебя не отпущу, не пойдешь.

Он опять походит-походит и снова ко мне:

- Тетя Клава, ну отпустите!

- Нет-нет! Сереж, я тебе сказала нет, значит, нет!

Отец здесь же сидит, все это видит, я ему и говорю:

- Миша, вы простите меня, я забыла, что папа рядом сидит, а я команду: «Нет и нет!» Отец должен командовать, а не я — отпустить или не отпустить.

- Ничего-ничего, все нормально.

Потом заходит один молодой брат и говорит:

- Тетя Клава, отпустите Сережу, нам надо поехать отвезти братские листки.

- В одиннадцать он будет дома?

- Будет!

- Все! Отпускаю. С братьями я его отпускаю.

Перед отъездом Михаил Лаврентьевич говорит мне:

Оставь Сережу до армии у себя, я с ним не справлюсь. Вот он первый раз попросил, а во второй раз я бы его отпустил, и он бы ушел, не знаю куда. Я смотрел, как ты настойчиво ему говоришь «нет», и как он тебя слушает, самовольно не ушел. Все спрашивает у тебя, а ко мне не обращается, обращается к тебе.

- Ну, хорошо, до армии пусть здесь живет, уже недолго осталось.

И отец ему говорит:

- Сереж, ты до армии будешь тут жить.

- Как скажешь, так и будет.

Он мне всю зарплату отдавал, пока жил у меня, всю, что зарабатывал. Я его и обувала, и одевала, и кормила, а зарплату его не тратила, складывала. И вот на проводы Сережи в армию приехали: отец, бабушка и все дети.

- Сережа, — говорю, — эти деньги ты отдай папе, это твои деньги, заработанные за все время, которое ты здесь жил.

— А на что я жил?

— Сережа, ты голодный или раздетый был?

— Нет.

— Отдай деньги, заработанные тобой, папе и все.

Он ему отдает. А отец спрашивает:

— Как так, Сережа, а чем ты жил'?

— Папа, это мои заработанные деньги, сказали вам отдать.

— Разве я имею право эти деньги взять?

Я говорю:

— Имеешь право, эти деньги твой сын заработал. Не мой сын, а твой. Поэтому имеешь право. Голодным твой сын не был, раздетым не был. Все в порядке. А у вас сейчас нужды много, дети маленькие.

Сережа ушел в армию, писал, что присягу не принял, служил хорошо, присылал фотографии.

* * *

Дети еще учились в школе. Как-то ко мне домой приходит директор школы и с ним целая свита учителей.

Стали мне выговаривать, что сына плохо воспитала. Спрашиваю их:

— А почему вы ни разу не вызвали меня, записку не написали? Я его каждый раз спрашиваю: «Как у тебя, сыночек, дела в школе?» Он мне всегда говорит: «Хорошо, все хорошо».

— Да мы его целый день в углу продержали, добивались, чтобы сказал, кто к вам ездит, а он только одно отвечает: «Я, Василий, учусь в девятом классе». И все. Хоть убей, ничего не скажет, — проговорились они.

— Так вы от ребенка этого добивались? Он к вам учиться приходит, а вы его на целый день в угол?! Разве можно ребенка к вам в школу пускать? С сегодняшнего дня он к вам больше не пойдет!

В этот раз директор извинился, но такое часто повторялось. И в других классах он в углу простаивал. Он был молчаливый-молчаливый. Целый день в углу его продержат, он простоит и мне не пожалуется. И дочери приходилось защищаться вовремя учебы. В комсомол не вступила, учеба дальше никуда не пошла. Учиться детям верующих трудно было.

* * *

В мой дом часто приезжали братья, сестры, здесь проходили первые встречи с желающими трудиться, а потом их отправляли на служение, где по милости Божьей они трудились.

Мне были известны нужды издательства: очень трудно было достать бумагу, а краску— вообще невозможно, поэтому жгли сапоги и из сажи делали краску. Я тогда не знала, для чего они это делают. У меня один брат жил, он был ответственным за печать. Когда я его спрашивала, для чего это нужно, он отвечал мне:

— Нужно, тетя Клава, нужно.

— Ну, жги.

А потом уже сказал мне, для чего это нужно. И говорит:

- Где ее, эту краску, взять? Ее невозможно найти.

- А может все-таки подумать?

- Подумай, подумай!

Пришлось подумать.

Бог поставил меня на такое место, где я могла доставать людям нужные продукты в то время, когда в стране был дефицит. Если в нашем магазине нет — в другом закажем. А директор у меня был очень добрый, сама бы я ничего не достала, а к нему обращаюсь, он поможет, у него знакомств полно. Он еврей, своим евреям позвонит — все, что нужно, привезут.

И вот нас попросила достать что-то из продуктов одна неверующая девушка, она работала в типографии. Когда мы исполнили ее просьбу, она спросила меня:

- А может, тебе, тетя Клава, что-то нужно?

- Конечно, нужно. Ты в типографии работаешь, а что ты там делаешь?

- А что тебя интересует?

- Ты от краски далеко находишься?

- Близко.

Она думала, что мне для детей что-то нужно или белую краску, чтобы окна покрасить. Я говорю:

- Нет, Таня, мне белую не надо. Ты не можешь достать мне черную?

- На что она тебе нужна?

И она не раз доставляла нам краску. Когда не было черной, мы брали и других цветов. За одну пол-литровую баночку братья Бога благодарили, что удалось ее достать. Это не сажа, которую надо собирать.

Сначала эту краску нужно было увезти на Кавказ, потом разными путями, чтобы «хвостов» не было, доставить в Прибалтику. Некоторых сестер печатников, которые работали в Прибалтике, я знала.

На работу ко мне ходить было доступно и часто приходили верующие. Как-то две сестры пришли ко мне на работу и говорят:

- За нами погоня, мы попались.

- Ну какая за вами погоня? Пришли, живы, слава Богу!

- Нет, это не все, за нами погоня, слежка.

Я придумала, куда их отправить. В этом нам помог один брат из зарегистрированных, который не раз помогал. Сестры были в безопасности. Потом я им говорю:

- Уже можно дальше ехать.

- Что нам будет от Георгия Петровича за эту слежку?

Они очень боялись Г. П. Винса.

- Что вам от него будет? Вы скажите, что тетя Клава за вас отчитается.

Мне жалко было их, молоденькие сестры. Им, кроме краски, надо было взять пластины металлические, которые требовались в типографии. Их тоже надо было доставать, но в другом городе, и они тяжелые по весу. Теперь с этим грузом надо проводить их в дорогу, а они боятся ехать, боятся, что в Ростове-на-Дону их сразу арестуют. Думаю: «Как их отправить?» И тут заезжает ко мне один брат из Воронежа, мы с ним земляки, рядом жили в деревне, вместе колоски собирали, вместе трудились еще в детстве. Потом он переехал в Воронеж, работал на большей машине. Он любил Господа, много делал для отделившегося братству. Я ему говорю:

— Знаешь, Сережа, у меня к тебе или просьба, или приказ. Что ты примешь?

— Приказ!

— Есть две сестры, у них сумки тяжелые. Посади их к себе в машину! довези до вокзала (называю ему станцию). На этой станции возьми им

билет, куда они тебе скажут. В случае чего, эти сумки — твои, не их. Что тебе будет за эти вещи, не знаю, но они — твои.

Он посадил сестер в машину, вид у них унылый был, видно, за ним! погоня была хорошая, и говорит им: «Ничего не бойтесь, все будет в порядке, я довезу вас до места, не унывайте». Он довез их до нужной станции, купил им что-то на дорогу, пожелал счастливого пути. Мне потом сообщил: «Все в порядке. Погода хорошая была, летная».

Они доехали хорошо. А потом, когда Георгию Петровичу сказали, что где-то они что-то потеряли, когда уходили от погони, он сказал им: «Ну, бывает иногда. Но слава Богу, что вы себя не потеряли, нашли, куда пойти, и все необходимое привезли».

Они там работали, а мы стали получать Евангелия и другую литературу. Казалось, что никогда не обеспечишь всех желающих иметь Библию! что Библий нет и не будет. Достать Библию очень трудно было. Я сама покупала Библию за большие деньги, да и то старенькую. Не один месяц я за нее работала. Я потом ее не продала, а подарила. И эту великую работу, этот великий груз Бог благословил. Россия стала получать литературу, Слово Божье, Евангелия. Благодарили Бога кругом, везде.

О работниках издательства никто не должен был знать. Если, где встречались с ними, то не знали, что они оттуда, где печатают Евангелия. Конспирация была отличная, люди были дружные, церкви были дружные. Но предатели в церкви всегда были, хватало их и в то время, хотя не сразу их обнаруживали.

Как-то мне говорят, что нужно подыскать место для еще одной печатной точки где-то поближе к нам. Семья с двумя маленькими детками с удовольствием согласилась их принять. Потихоньку сказали, куда бумагу доставить, краску и все остальное. Эта точка уже была готова к запуску. Ответственным за эту новую точку был Иван Петрович Плещ.

Однажды, когда я была на работе, один брат сообщил, что арестовали работников типографии. Это для нас был большой удар. Хотя я знала, что вторая точка уже работает. Еще я об этом сильно переживала потому, что многие из этих работников были прописаны у моих родных. Их арестовали, а значит паспорта, прописку — все проверят и сразу придут к нам с обыском. Я по возможности сообщила об этом сестрам, прошу у них извинения, что не объяснила, кто они и чем занимались. И вот тогда молитвы пошли, горе, слезы.

КГБ торжествует: покончили с типографией! И вдруг, неожиданно для них, выходит Братский листок со срочным сообщением: «Будем усиленно молиться, арестованы такие-то и такие-то печатники издательства. Не унывайте, Господь будет продолжать Свой труд. Слово Божье у нас есть и будет по милости Божьей». Тут же власти встрепенулись: «Как такое может быть? Только одну точку забрали, о второй еще не успели узнать. И Братский листок уже отпечатан».

А эта новая типография была километров за шестьдесят от Ростова-на Дону, но и в Молдавии еще точка была. Георгий Петрович к этому делу очень серьезно относился. Работников надо было обеспечивать всем необходимым, бумагу завозить. Туда нужно было ездить, узнавать, как чувствуют себя новые печатники. Они были мне знакомы, и как-то раз на Пасху я решила их проведать. Приехали мы туда с одним братом, привезли им розы, пообщались с ними около получаса. За это время розы полностью завяли. Такой там был воздух от краски, и в таких трудных условиях они работали. Окна открыть не могли, чтобы не было слышно шума работающих машин. Работали они там жертвенно, с полной самоотдачей и безропотно.

Однажды в типографию нужно было отвезти бумагу. Везти можно только ночью, а у нас машин в то время почти не было. В нашей церкви только у двоих братьев машины были: у одного «Волга», у другого — «Победа». Они были родными братьями, жили в одном доме. Дом большой, на два хозяина. Старший брат Вениамин был неженатый, а младший Всеволод имел большую семью.

Старший брат, прежде чем согласиться куда-то ехать, столько вопросов задаст, куда и зачем ехать, и соглашался он с условием: «Если остановят, ты отвечаешь. Я тебя просто подобрал где-то по дороге». И вот он согласился везти бумагу в типографию под Новочеркасском, это недалеко от нас. Едем мы с ним и договариваемся, я ему говорю:

- Если остановит милиция, то груз — мой, виновата я.

- Да, - говорит, - вот-вот, тогда мне придется растить твоих детей.

Приезжаем на эту точку, доехали благополучно, никто нас не остановил. На улице ночь. Пошел слабый дождик. У нас стук в дверь был условный: как мы постучим, по нашему стуку нам откроют. Я стала выходить из машины, а он говорит: «Дождь идет, я пойду постучу, а ты сиди».

Ну, хорошо, пошел стучать Веня. На стук открывается дверь и вдруг ему дают по голове большой четырехгранной дубиной. Никто даже не спросил: «Кто там?» Залило его всего кровью, голова пробита, у него потом на всю жизнь остался шрам. Скорую помощь вызвать нельзя. Жена брата, хозяина дома, — медсестра. И у

меня полная сумочка с бинтами широкими и с йодом, потому что часто приходилось ездить, а в дороге всякое бывает. Стали бинтами заматывать его голову, потом перевязали материалом каким-то, чтобы как-то остановить кровь.

Из тех, кто там трудился, никто не вышел, они не знали, в чем дело. Они и не должны вмешиваться, он их не знает в лицо, ну и они не знают, что случилось.

Бумагу разгрузили, а он лежит. Уезжать надо оттуда обязательно, чтобы утром не возникло подозрения, откуда эта машина взялась. Что делать, кто поведет машину? Он пришел в себя и говорит:

— Ты сядешь за руль и поведешь машину.

— Я же ни разу за руль не садилась.

— Садись за руль и поедем.

— Я не могу, тем более вдруг остановит ГАИ, спросит: «Откуда ты человека забинтованного везешь?»

Стукнула где-нибудь по дороге?»

А посты ГАИ тогда часто встречались, чуть проедешь — опять ГАИ. Притом женщины в то время не ездили за рулем. И машин было мало. Как буду вести машину? У меня просто мороз по коже. А уезжать надо. Помолитесь, села за руль, и поехали. Еду, молюсь: «Господи, машина Твоя, груз возили Твой, ушибли человека — Твой он, моего тут ничего нет, веди эту машину, доведи ее до дома, пожалуйста, доведи». Ведет. Хорошо ведет. Проехали Новочеркасск. Немножко вроде отлегло, но все равно над доехать до Ростова-на-Дону, до дома. Молюсь-молюсь: «Господи, Господи! Ты еще не оставлял и не оставишь, до конца не оставишь».

И вот машина доехала до моего дома, остановилась. Я поблагодарила Бога: «Господи! Какое чудо Ты сотворил, Ты привез». Километров шестьдесят, может, немного больше проехали. Один город проехали, да еще до Ростова-на-Дону. потом до дома надо было доехать, слава Богу!

Я спрашиваю:

— Венечка, как ты себя чувствуешь? Ты живой?

— Живой!

У меня дома были две сестры, Нина и Люба. Братья меня попросили, чтобы они у меня жили, немножко помогали, так как я работала, а надо было встречать, провожать гостей, а народу, бывало, много.

Сестры помогли ему выйти из машины, довели его до кровати. А теперь надо как-то увезти машину к его дому. Я пошла к его родному брату.

- Всеволод, приди, забери от меня машину! — говорю ему.

- А Веня где?

- Ты пока маме ничего не говори, ты машину от меня забери и все.

- А его что, арестовали?

- Все в порядке, никто никого не арестовывал, никто никого не останавливал, мы приехали.

- А он жив, здоров?

- Жив, и дальше не задавай вопросов.

- Если вы до вашего дома доехали, не могли доехать прямо до нас?

- Нет, не могли. Всеволод, ты приди и забери машину!

- Заберу, заберу. Конечно, не переживай, заберу.

Пришли к нам.

- Ну, а Вениамина смогу увидеть?

- Конечно, но он плохо себя чувствует, его ударили по голове, сильно ударили.

Всеволод зашел, помолится. Веня говорит ему:

- Оставь меня здесь.

- Веня, оставайся, за тобой есть кому присмотреть. Тут Нина, Люба. Но тебе сейчас надо врача обязательно. Без врача тут дело не обойдется. Пробита голова, крови очень много потерял.

Я говорю:

- За врача я отвечаю, ты не вызывай. Я Черных вызову, он верующий человек и все, что нужно, сделает, он не потребует объяснения.

На следующий день приехал наш знакомый врач-хирург, осмотрел больного, наложил швы на рану, сделал перевязку и говорит:

Тревожить его нельзя, у него сильное сотрясение. В больницу его везти нельзя.

Веня лежит довольный, за ним ухаживают. Он где-то еще и подшутит. Конечно, боли были сильные, он долго лежал.

Потом брат, который его ударил, приехал ко мне на работу и просил прощения за случившееся. Я говорю:

- Мне-то не больно, я на работе нахожусь, хотя в сердце у меня больно. Володя, я не понимаю, как ты мог? Дубина четырехгранная была. Ты даже не спросил, кто там постучал. Даже если бы милиция была, то все равно надо спросить. Но ты даже не спросил.

- Я виноват. Я думал, снова индюшек воруют.

- Ты за индюшек готов был человека убить! Убил бы...

- Он живой?

- Живой, живой... Но к нему ты не пойдешь, и где он лежит, я тебе тоже не скажу.

— Так он дома?

— Володя, не спрашивай. Конечно, он не на улице, а дома.

Он сильно переживал, сокрушался, плакал и молился, прощения просил. Я говорю:

— Этот удар предназначался мне, я должна была идти стучать в дверь, а он мне сказал, что дождик идет, поэтому пойдет постучит сам. И получилось так.

Позже Веня мне говорил:

— Я шутя говорил, что если остановит милиция, то груз — твой, и если будут арестовывать, то тебя, а не меня. Я бы все равно этого не сделал. Ну, нужна бумага — привезем, куда везем — это могли бы сказать, а у что это груз твой, а не мой, я бы не сказал.

— Когда на кровати лежишь, конечно, ты бы не сказал.

Потом, Бог дал, все зажило, но разговоры пошли всякие. Говорили, что на Веню разбойники напали, когда он подрабатывал на машине. Он, бывало, раньше подвозил кого-то, подрабатывал. У меня спрашивают:

— Ты слышала, что с Веней случилось? На него разбойники напали!

Потом Веня выздоровел, снова трудиться приходилось, он не отказывался.

Однажды нам сообщили, что власти обнаружили вторую печатную точку и арестовали четырех сестер. Их задержали прямо на том месте, где они трудились. Брат, который с ними трудился, в то время там отсутствовал, но вот-вот должен был подъехать. Эту точку хотели переоборудовать в лабораторию, она уже долго работала, на тот момент оттуда много чего уже вывезли. Так как это было недалеко от Ростова-на-Дону, они попали в ростовскую тюрьму.

Всем собранием мы пошли в прокуратуру. К этому времени я уже была членом отделенной церкви. Мне церковь наша нравилась, все были такие дружные! Но как их отпустят, когда их взяли почти на месте «преступления». Пришли и говорим: «Мы никуда не уйдем, пока вы их не выпустите! Они не преступники, они такие же, как мы. Они делали только то, что поручено им было церковью». Мы стояли там ночь или больше. Всем было удивительно: их выпустили!

Одного брата, члена ростовской церкви, взяли в армию. Простой брат, молоденький, Сережей его звали. Проводили его в армию, а писем долго нет. Что за причина, никто не знает. Вдруг записка пришла от медсестры из психбольницы, она сообщила, что его туда поместили. Каким-то путем эта медсестра смогла сообщить. Видно, жалко ей стало его: он мальчишка здоровый, а его в психбольницу поместили и били его там. Они добивались, чтобы он присягу принял. Мы поехали проведать его.

Его отец, когда узнал об этом, то сказал: «Если бы я поехал с вами, я бы за него расписался, что он присягу принял. А что делать? В сумасшедшем доме сидеть? И что дальше будет?» Отец верующий, член церкви. Он готов был дать расписку, хотя не знал, можно или нет расписаться за другого человека. А там можно было, и они бы этому только обрадовались.

Мы прилетели в Тбилиси поздно вечером. Больница находится в самом городе, на такси поехали сразу к психбольнице. Перед входом стоит охранник. Мы стали объяснять, чтобы нас пропустили хоть на пять минут, узнать здесь ли он, и если здесь, то повидать его. Уже вечер, все сотрудники ушли, казалось бы, самое удобное время, чтобы мы или увидели, или хоть голос услышали, чтобы знать, что он здесь. Ведь прилетели мы не просто так. Охранник говорит нам:

- При всем желании я не могу вас впустить. Я не знаю, у нас он или нет.

- Ради Христа вы можете пустить? — спрашиваю его.

- Нет, не могу, — говорит он, не обращая внимания на то, что мать Сережи рыдает.

- Понимаете, нужно, чтобы он хотя бы одно слово услышал, что мы не забыли его, что приехали, что мы здесь!

- Нет-нет! Приходите завтра, будет начальство, с ними и будете разговаривать.

- Ну что с начальством? Сначала бы надо узнать, здесь ли он. Мы прилетели, чтобы он хоть увидел нас.

Что делать? Мы пошли к таксисту, который нас ждал. Я знала тбилисского пресвитера и сказала таксисту по какому адресу ехать.

Таксист говорит нам:

- Куда вы спешите? Мать так рыдает, дайте ему трояк, он и пропустит.

- Как трояк? Ради Христа просим, он не пропускает. Ты поговори с ним сам, вот тебе десятка, отдай ему, пусть пропустит!

Он поговорил с ним по-грузински, и ворота открылись, и не на пять минут, а надолго. Мы Сережу увидели избитого. Утешали его как могли.

- Сережа, церковь молится, ходатайствует. Господь все слышит, видит, и тебя никто не бросил, не оставил.

И Бог тебя не оставил.

Он плачет. Мы там помолились вместе.

Потом отправили телеграмму министру обороны А. А. Гречко, который в то время управлял армией.

Приехали мы к пресвитеру, он принял нас хорошо, мы у него переночевали. Он говорит:

- У нас там брат Илюша работает в охране, мы через него передачи передаем, он может помочь, может походатайствовать. Завтра вместе поедем.

— Там был охранник, — говорю, — он нас пустил, когда мы ему заплатили. Но это был не брат.

На следующий день приезжаем к Илюше на работу. Сидим, ждем его. Вижу, пресвитер нервничает немножко, что Илюши долго нет. Вдруг открывается дверь, и этот Илюша, вчерашний охранник, вызывает маму Сережи па улицу и просит, чтобы никому не говорили, как он вчера себя повел, что без денег не пропускал.

— Все, что нужно, я сделаю для вас, — говорит. — С вами пойду, ходатайствовать везде буду!

— Да я-то ладно, а как она (показывает на меня), согласится ли. По-моему, она не согласится промолчать.

Я услышала, говорю:

— Это уже не брат, я и слушать его не хочу.

Когда мы пошли на прием к начальству психбольницы, этот Илюша говорит:

— Я пойду с вами, помогу вам.

— Дуся, — говорю, — иди с ним, а я не пойду, это точно.

— А я без тебя не пойду.

— Он же с тобой идет, он тут знает все. Или он, или я.

— Я не пойду с ним.

Мы пошли, а он все равно сзади нас идет. Конечно, неприятная ситуация была.

Когда мы попали в эту больницу, то слезы наворачивались на глаза. Ну как тут не плакать? Здесь люди психически больные, и в таких страшных местах наши дети восемнадцатилетние — наши солдатики, такие как Сережа, отстаивают истину, ради Господа не принимают присягу.

Зашли к начальству. Они как начали на нас кричать:

— Шестьдесят лет советской власти!..

Мы обращаемся к ним:

— Как вы могли поместить его в такое место? Он же может работать на любой работе! На любой работе без орудия! Как вы могли запереть его в такое место? Это ужас! В тюрьме и то лучше.

Они на нас покричали, покричали, ни «да», ни «нет» не сказали, только спросили:

— Много вы телеграмм дали?

— Много дали и еще дадим. У нас самая главная телеграмма к Богу идет, а Бог сделает Свое дело.

Мы уехали, а его в этот же день перевели в часть. Потом он говорил: «Настолько хорошо я дослужил, и Библию читал, и больше никто не заставлял принимать присягу».

Как-то один молодой брат был у меня проездом. Начал считать, сколько у меня детей в доме. Насчитал шестнадцать и спрашивает:

- Тетя Клава, это все ваши дети?

- Все мои, — говорю.

Ну, а как я скажу «не мои»? Услышат, могут обидеться.

- Нас у мамы четырнадцать, но она старше вас выглядит. Вы моложе.

А я тогда молодо выглядела, энергичная была, все бегом делала. Я ему и говорю:

— Значит, вы плохо ее слушаетесь. У меня все как один слушаются.

Этот брат уехал, а через несколько дней подъезжает мотоцикл с нагруженной люлькой. Оказывается, он приехал домой и рассказал, что у меня шестнадцать детей, воспитываю одна, без мужа. И они с отцом нагрузили продуктов и привезли мне. Я стою и думаю: «Господи, что же я наделала?! Язык мой — враг мой». А им говорю: «Подождите, не разгружайте ничего».

На мое счастье в то время у меня дома был Н. Г. Батулин. Дом у меня был разделен на две части и две комнаты были отделены для братьев. Если кому надо было что-то делать по служению, он мог там находиться. Для посторонних эти комнаты были закрыты. Я захожу к нему и говорю:

- Выручайте! Брат приехал с продуктами. А я, получается, его обманула, сказав, что все дети мои.

- Пусть он ко мне зайдет.

Поговорили они, зовут меня. Захожу.

- Давай помолимся!

Помолились. Я говорю:

- Я готова к любому наказанию. Но как сказать «дети не мои»? У один нет ни отца, ни матери, у другого отец есть, но он сидит. Из Шахт привезла девочку, у нее отец живой, а мать умерла, но она так ко мне привязалась, не отпускала, я ее и забрала. Вот их шестнадцать и получилось.

— Вот тебе такое наказание: надо разгружать мотоцикл. Не на мото-цикле надо к тебе продукты привозить, а на грузовой машине. И какая ты молодец, что сказала «все мои», ты их не обидела. Вот так и жили, и помогали друг другу. Детей у меня было много.

В 1975 году сделали первый христианский лагерь для детей узников. Дети были собраны со всего Советского Союза. Это была Лесная церковь. Жили они в лесу два месяца. Такие лагеря проходили по 1979 год. Ответственным за их проведение был Рытиков Павел Тимофеевич, за что он потом срок отсидел. Моим делом было всего-навсего возить продукты. У нас, слава Богу машина была. Ночью садимся и едем в лагерь. Дети встречают: «Ой, что нам привезли? Стущенку!» А там и стущенка, и мясо, и рыба, и картошка, все, что нужно. В одном месте, где два года подряд проводился лагерь, был еще и брат-лесник, он тоже помогал с продуктами. Куда-то сходит, где-то что-то купит, и кухня была в его доме, сестры-повара там готовили,

В 1977 году прощальное общение Лесной церкви хотели провести в Ростове-на-Дону, там к тому времени были большие гонения. Представители власти узнали о лагере, но не знали, где он проходил.

У нас был брат Санасар, который работал в автопарке, мы попросили у него автобус, чтобы вывезти детей из лагеря. Только спустя годы мы узнали, что Санасар пятнадцать лет сотрудничал с властями.

Санасар поехал не сам, а послал одного водителя на новом автобусе. А этот автобус на коротком расстоянии несколько раз ломался. Они в недоумении, водитель говорит сопровождающему: «Слушай, мы не можем понять, как только попросили детей привезти, так автобус встал.

В конце концов решили переночевать и поехать утром. Около двух часов ночи приезжают братья на мотоцикле к Санасару узнать, в чем дело. И у них были явные препятствия, пока они к нему добирались. Все попытки утром отправить автобус за детьми были безуспешными. В большом переживании они едут обратно в лагерь: как там дети? Палатки матрасы и часть вещей ведь уже увезли.

По дороге мы встретились с ними и рассказали им, что церковь ждала детей, а их все нет и нет. Служитель говорит:

— Детей, по-видимому милиция забрала, по времени они уже должны быть здесь,

После молитвы, я ему говорю:

— Если бы милиция забрала детей, тогда бы она около нас не стояла! Надо поехать в лагерь и узнать, в чем дело.

— Ну съездите с кем-нибудь.

Мы съездили. Дети все на месте. Промерзли, конечно, за ночь. Договорились вывезти их электричкой. Пригласили несколько родителей, чтобы на каждого взрослого было по два-три ребенка. Им объяснили, чтобы они делали вид что не знают друг друга. В Ростове-на-Дону их встретил! и Бог дал всех благополучно довести. А автобусы в эти дни на всех выездах и перекрестках тщательно проверяли.

Церковь собралась, и началось служение. Так как накануне должно было пройти молодежное общение, подъехали многие служители. В собрании участвовали подростки, дети узников. А кругом милиция, они бы уверены, что в этот раз от них никто не уйдет. Когда милиция поехала за подмогой, передали записку в собрание:» Милиция поехала за подмогой, нужно закончить собрание и вас как-то забрать».

Собрание закончилось, стали расходиться. Каждый взрослый взял с собой по несколько приезжих детей, а местные пока оставались в доме. Всех предупредили, чтобы ко мне в дом ни одного ребенка не вели, так как к нам первым придут проверять.

Смотрю, один представитель власти разговаривает со служителем, подал ему руку, то ли прощается, то ли здоровается, обещает ему, что детей никто не возьмет, что все будет нормально. А я смотрю, детей уже с остановки стали забирать. Верующие заступаются за них. Мы с одним братом подходим к этому служителю и говорим: «Ты стоишь договариваешься? Нашел с кем договариваться и чьим словам верить! Детей уже забирают, а он тебе дает слово, что их не заберут». Представитель власти так посмотрел на меня и говорит: «Ну берегись!»

Чтобы отправить детей домой, им уже заранее купили билеты на самолет. В аэропорт все приехали вовремя. Дети были в сопровождении взрослых. Всех отправили, все улетели.

Представитель власти удивлялся: «Как же им удалось разъехаться по домам? Мы железнодорожный вокзал охраняли, автовокзал охраняли, везде у нас посты стояли. Как они все смогли уехать? Все же из разных мест были». Вызвали начальника аэропорта, он говорит: «Я ничего не знаю. Кассир выдает билеты, проверьте кассу». А начальник аэропорта был наш хороший знакомый, билеты нужны — всегда пожалуйста.

Представители власти догадывались, что дети уехали не без моего участия. Из-за этого органы КГБ давили на директора, чтобы он меня уволил с работы, а директор стал оправдывать меня: «Ну как она могла? Она в этот день была на работе и ни в чем не участвовала».

В 2014 году в Москве, спустя тридцать пять лет, была встреча с участниками Лесной церкви. Они вспоминали все эти события, многие свидетельствовали, что тогда, в лагере, они покались и рассказывали, как Бог вел их по жизни. Многие стали служителями, у них уже дети взрослые, внуки.

Я по состоянию здоровья не хотела ехать на встречу. Но мне позвонили и сказали, чтобы я обязательно там

была. Они обещали забрать меня из дома и обратно привезти. Так и в самом деле было.

На этом общении очень хорошо было: пение, проповеди, свидетельства... Братья и сестры были не только из России, но также и из Америки, Украины, Эстонии и других стран. Все пообщались так хорошо. Очень хорошо было! Я думала, что я в рай попала.

Один из присутствующих братьев вспоминал, как он в молодости старался подражать служителю-узнику:

- Что-то хорошее сделаю и думаю: ну, теперь он меня похвалит, я же все правильно сделал. А служитель говорит: «Нет-нет!» И я уже не знал, что сделать, чтобы получить его одобрение. Старался-старался. Думаю, в армию пойду, присягу не приму — точно скажет, что все правильно сделал. Пошел в армию, присягу не принял. Теперь, думаю, все в порядке и ждал, что похвалит наконец. А служитель говорит: «Нет, не все». Тогда я думаю: что я еще не так сделал?

Потом, когда женился, я всегда выговаривал жене, что она слишком много тратит денег. Придет она с рынка, я говорю: «Это ты купила дорого, это можно было бы не покупать». И как-то я переговорил со служителем и рассказал ему, что в семье бывают такие неурядицы. И он спрашивает меня: «Почему ты у нее это требуешь? Это твое?» — «Ну как... Я зарабатываю, мое конечно. Я ей даю деньги, а она... Можно было бы и поэкономнее». Он опять спрашивает: «А это твое? Ты мне ответь! Ты свое даешь?» — «Как не мое?» — «Значит, ты опять не готов». — «Понял! Значит моего ничего нет!» — «Совершенно верно».

И вот однажды жена с дочкой приходят с рынка, много чего закупили, дочка ей говорит: «Сейчас нам от папы попадет». Они заходят, а я говорю: «Ой, как же хорошо вы все купили. И дешево так. Хорошо». Они посмотрели друг на друга с удивлением. И с тех пор у нас в семье все хорошо.

Вот тогда служитель мне сказал: «Теперь ты наконец понял, что твоего ничего нет. А у тебя много было своего. И это ты сделал, и другое, и от присяги ты отказался. Это ты отказался? Господь тебе помог. Кого-то посетил — это Господь тебе помог. Господь помогал тебе сделать то или другое, а ты приписывал это себе...»

Намечалось общение. А перед этим нужно было отвезти литературу в Гагры на переплет. А с кем ее везти? Нужна машина с водителем.

Я тогда еще работала. Не знаю, как меня терпел директор, меня часто надо было подменять кому-то, а подменял меня экспедитор. Директор сказал мне: «Тебя подменять будет экспедитор. Он с высшим образованием, эту работу хорошо знает». Экспедитор этот — еврей, уже в годах, семейный человек. Я ему только скажу, что меня нужно подменить, он меня сразу отпускает, садится на мое место и работает. Даже если ему самому нужно было куда-то, он все равно меня подменял, а я не всегда успевала возвратиться вовремя. Попробуй съездить в Гагры и на работу выйти вовремя!

Даниил Петерс, зная, что не ком у везти литературу, взял отпуск и приехал. Он всегда был готов помочь, он любил помогать другим, хотя был тогда еще не верующий.

Съездили мы с ним в Гагры, отвезли литературу, возвращаемся домой. А я переживаю, что намечается большое общение, а у меня продуктов нет, чтобы кормить людей. Мы проехали, а готовить не из чего, если бы я дома была, я бы все приготовила. Поэтому, когда ехали через Сочи, закупили продуктов, в багажник загрузили и спокойно едем.

А на общение едут братья с разных мест. По дороге к нам брат Петр Петерс подсел, он тоже ехал на общение. Ночь. Подъезжаем к Ростову-на-Дону. На въезде в город нас останавливает ГАИ и проверяет документы. Водителя уводят, а мы с Петром в машине. Я говорю ему:

- Уходи.

- Куда уходить? Кругом стоят, мы окружены, — показывает он на милиционеров.

- Ну уходи, роща рядом, лес.

- Как туда пройдешь?

- Бери портфель и уходи, пожалуйста, уходи. Умоляю!

- Хорошо. Так с машины заберут, а если пойду, то прямо к ним в руки попаду.

- Не в руки, а вот иди по прямой.

Он послушался, вышел из машины и пошел по прямой. Прошел между ними, никто у него ничего не спросил. Наблюдаю за ним: все, до рощи дошел, а лес скроет, там его не найдут. Куда дальше идти, он найдет, там уже недалеко, пусть сколько-то километров пройдет, но дойдет.

Петр ушел, а Даниил у них сидит, отчитывается. Они звонят своему руководству: «Задержали Петерса». Работники КГБ на всех парах мчатся. Когда они поняли, что перед ними не Петр Петерс, то говорят: задержали, да не того Петерса.

Они к машине:

- Тут третий человек был. Но его нет.

Спрашивают у Даниила:

- Кто был с вами?

- У дороги стоял человек, поднял руку, попросился, я посадил. А я что, буду спрашивать, кто он, откуда

едет и куда? Да, ехал с нами человек. Когда вы меня забрали, он там остался. Значит, у него спрашивать надо. Даниил не знал, что он ушел. Они туда, сюда к машине бегают, а его уже и след простыл.

- Где человек, который был с вами? — обращаются ко мне.
- Вы у него и спросите, что вы на меня кричите? Я одна тут.
- А где человек, который сел к вам по дороге?
- Вот у этого человека и спросите, где он. Чего вы у меня спрашиваете? Я тут ни при чем.

Спрашивают у милиционеров, которые стояли около машины:

- Кто выходил из этой машины?
- Мы не видели, и никто вроде не выходил.

Милиционеров толпа была, Петр прошел мимо них, а они не видели. Мишину проверили, нет его нигде. Стали допрашивать Даниила:

- «Откуда ты ее знаешь?» — спрашивают обо мне.
- Мы с ней давно знакомы, из Сочи вот едем. Я в отпуске, пригласил ее проехать со мной до моря, вот мы и поехали, назад возвращаемся.
- Так, пересаживаемся в эту машину! — приказали нам.

Нас пересадили в другую машину и повезли в прокуратуру на допрос. А машину Даниила оставили с моим грузом.

На допросе Даниила спрашивают:

- Где ты посадил этого человека, на каком километре, и кто был этот человек?
- Мы ездили на море посмотреть, ее я давно знаю. Когда возвращались, посадил попутчика.
- Ну, это ты не просто на море ехал с ней.

Даниил сказал, что он неверующий, и спросил, почему его допрашивают по делам верующих.

- Заходите, — позвали меня на допрос. — Так, кто с вами был?
- Кто с нами был, у него спросите.

Они и так, и так, готовы были прямо там нас побить, кричали, кричал

- Говори, это Петерс был?
- У него и спросите. Петерс, значит, Петерс.
- На каком километре вы его посадили?
- Я сажу себе и сажу, я никого не подсаживала.

Они покричали, покричали, но что делать? Отвезли нас обратно до машины, мои вещи выгрузили, а Даниила сопроводили, чтобы он ехал домой в Горьковскую область. А я с вещами осталась в поле одна. Стою-стою все машины проезжают мимо, поднимаю руку — никто не останавливается. А им, оказывается, дана была команда не останавливаться. Подхожу к милиционерам и говорю:

- Машину вы отправили, отвезите меня домой!
- Наглости набралась? Отвезите ее домой!
- Интересно, сколько я буду здесь стоять?
- Вот и стой!

Стою и думаю: «Что же делать? Уйти через рощу? А сумки с продуктам как, что с ними делать?» Смотрю, едет машина, большая, крытая. Поднимаю руку — останавливается. Подходит к машине Гаишник и говорит, что меня нельзя брать. А водитель этой машины отвечает:

— Я вам не подчиняюсь. Я — военный, машина военная, и вообще с вами не намерен разговаривать. В нужде я ее не могу оставить.

Погрузили мои вещи, и он говорит:

- Я не буду спрашивать, кто вы. Кругом здесь по дорогам ловят кого-то. Может, из тюрьмы кто-то сбежал, не знаем, но кого-то ловят. Мы не имеем права отклоняться от маршрута, а до автовокзала вас довезем.
- Спасибо! Я с автовокзала доберусь.
- Да, кажется, сейчас и с автовокзала добраться будет непросто.
- Как-нибудь доберусь.

Приехали на автовокзал, я вышла, сумки мои выгрузили, стала с ними расплачиваться, а они говорят:

- Тебе отсюда до дома не так просто добраться будет, денег побольше обычного потребуется.

Один таксист все-таки согласился взять меня. Едет, а сам все поглядывает на меня с подозрением, но все же привез меня до дома. Дома дети все в тревоге, в слезах. Петр пришел раньше меня, спрашивает их: Мама не приехала?

- Нет.
- Ну, значит, в другое место поехала.

Потом уже и я подъехала. А в пять часов утра за мной приехали из милиции и КГБ. Объявляют, что на работе у меня ревизия. Я спрашиваю:

- Какая ревизия в пять утра? И притом почему у меня ревизия должно быть? Я человек не материально ответственный.

- Директор, — говорят, — уже там.

Ему спать не дали, допрашивали, где я. Ему, конечно, досталось, бедному. Пришли делать ревизию. КГБ, милиция — все тут собрались. И директор наш стоял с ними во дворе. Перевешивают весь товар, хотя это и не нужно. Вроде что-то делают, чем-то заняты, ревизию делают. А около меня сидит человек. Он говорит:

- Быстрее перевешивай товар!

Весь товар надо было перевешивать. Потом он мне еще что-то сказал, я говорю ему:

- Если еще что-то скажешь, выйдешь отсюда.

Он на меня стал шуметь:

- Я сказал!

- Да мало ли что ты сказал! А я тебе сказала, чтобы ты вышел из кабинета.

- Я должен тобой командовать.

И не командовал, и никогда не будешь мной командовать, — отвечаю ему.

Этот человек мне еще что-то сказал, я встаю, подхожу к их начальнику и говорю:

- Если вы сейчас же его не уберете, я уйду. Вы мне хоть стреляйте в след, я ушла домой и все.

Я поняла, что работать мне здесь уже не дадут.

Один спрашивает:

- На общение?

- Куда мне надо, туда и пойду. Но с ним я больше туда не зайду.

Они его сразу забрали. Что они ему говорили, я не знаю.

В тот день общение должно было проходить, а меня никуда не пускают. Один докладывает мне:

- Проповедует сначала, кто же... Храпов. Так, проповедует, все в порядке, ты не переживай, все целы.

Ему по рации передавали с общения, что там происходило, а он мне пересказывал, кто за кем проповедовал.

— Я и не переживаю, — говорю, — потому что все хранимы Богом, а что Бог допустит, то и будет.

В тот день общение разогнали.

На следующий день верующие пошли в рощу, но там стали с собаками разгонять. Куда деваться? Пошли в сторону города, шли-шли и вышли на площадь. Батурин Н. Г. объявляет: «С сегодняшнего дня у нас начинается эвангелизация!»

Людей неверующих толпы собираются: из домов выходят, в окна смотрят. Милиция уже не знает, где баптисты, где не баптисты. Объявляют в рупор: «Идите домой! Все расходитесь по домам!» А перед этим они! установили громкоговорители, чтобы заглушать проповеди. Верующие! попели, попроповедовали и разошлись.

До этого разогнали Лесную церковь, хотели детей забрать — не получилось. А тут общение такое большое собралось. Тут уже все. Тогда детей спасли, никого не забрали, а теперь уже кого заберут, того заберут. Братья уже договаривались, чтобы в мой дом поменьше людей шли.

Прихожу домой, а у меня все служители, которые были на общении. Их надо кормить. Приготовили покушать из тех продуктов, которые привезли из Сочи. А потом надо куда-то братьев развезти ночевать.

В магазине приказали, чтобы баптистам хлеб не отпускали, но мы обратились к прокурору, и он приказал хлеб выдавать.

* * *

После разгона общения сотрудники милиции заехали к нашему директору на работу отдохнуть, покушать, дела какие-то сделать. Председатель исполкома и другие видные люди, три-четыре человека, сидят с директором и говорят:

— Мы такие уставшие, голодные...

— Интересно, а где вы были? - спрашивает их Юрий Михайлович. - Утро, воскресный день, и уже голодные, уставшие приехали.

— Да мы баптистов гоняли.

— Интересные эти люди, баптисты... Почему и за что вы их гоняете Мне бы хоть раз на них взглянуть. Вы когда-нибудь возьмите меня с собой.

— Возьмем! — обещают они ему.

— Расскажите мне про них хоть немного. Они что, какой-то вред причиняют? Может, кого убили? Они на вас не ни дались?

— Да ты что? Их убей — они тебе сдачи не дадут. Они отличные работники, а их гнать приказывают.

— Интересно, возьмите меня хоть раз, — снова просит директор.

— Надо найти место, где они собираются, уточнить их руководителей, а потом вылавливать. Мы ездим с дружинниками, быстро с ними там справляемся.

— Да, вы действуете умело, но мне все-таки хочется увидеть их.

— Возьмем, возьмем! Как-нибудь возьмем. Они люди такие покорные, такие смиренные, их бьют, они сдачи не дают.

Потом Юрий Михайлович попросил меня заказать для них на обед борщ. Когда все принесли из столовой, они поели и говорят.

- Вкусно!
- Вкусный обед, да? — спрашивает директор.
- Очень вкусно!
- А вы знаете, кто готовил?
- Знаем, конечно, Клава готовила, — отвечают, видя, что я их обслуживаю.
- А вы знаете, кто такая Клава?

Не знаю, видели они меня в собрании или нет, может, и видели, но не помнят.

Директор спрашивает председателя исполкома:

- Они где собираются, на площади?
- О, на площади! Дали бы им на площади собраться...
- А где?
- В своих домах.
- А что они там делают?
- Молятся. А мы их иногда за волосы вытаскиваем, особенно молодых.

- А представь, ты пригласил бы родственников домой, у тебя идет пир. Вдруг забегают эти баптисты и переворачивают твой праздничный стол, и тебя вытаскивают на улицу, да еще поддают. Как бы ты на это посмотрел?

- Я бы им дал!
- А они такие же люди.
- Интересно, а что мне делать? — смотрит он на директора. — Меня заставляют, и заставляют не щадить их.

- Не щадить... Но они люди. Я хотел поехать с вами, чтобы мне баптистов показали... Я сам вам баптиста покажу, который вам культурно обед подал.

- Как ты мог нас так развести? А сам с баптистами работаешь?

- Я знаешь, что посоветую? — продолжает директор. — Я понимаю, что тебя посылают на эту работу, и посылают такие люди, которым ты обязан подчиняться. Ты приди, три раза объяви: «Именем закона, расходитесь по домам!» Раз объявил — не пошли, второй раз объявил, третий, а потом садись в машину и езжай. Ты их разгонял, ты их предупреждал — ты сделал свое дело! А они я пусть молятся, заодно пусть и за тебя помолются. И пусть молятся. Что они тебе сделают вредного?

Смотрю, после этого в самом деле этот сотрудник милиции у нас и три, и пять раз объявляет в рупор, предупреждает, а потом садится и уезжает. Но потом его сняли с работы. Он говорил: «Теперь будут приезжать посильнее меня. Я не смог там дальше работать, совесть не позволяла!»

Как-то с работы вызвал меня на допрос секретарь обкома, это большой человек. Он мне говорит:

— Информация поступила, что у тебя скрываются подпольщики.

— А что такое подпольщики? У меня дом большой, зачем я кого-то буду под полом прятать? У меня есть место в доме, без подпола обойдутся.

— Ну ты что, не понимаешь?

— Не понимаю. Зачем я буду под пол прятать? Я в любой комнате закрою. У меня дом хороший.

Он начал объяснять мне, кто такие подпольщики:

— Подпольщики — это, знаешь, те, которые были до революции. Ленин тоже был подпольщиком. Он жил в Германии, работал для России, брошюры писал. Революционеры их распространяли, выполняли, что он говорил, делали свое дело. Это называлось подпольной работой. Это не то, что ты думаешь, что под полом у тебя кто-то сидит.

— Ленин в такое время жил, когда не было свободы вероисповедания, запрещалось печатание литературы, газет. Много было запретов. А у нас сейчас пожалуйста — свобода вероисповедания, свобода печати! Бери и читай, что хочешь. Зачем нам сейчас такие подпольщики нужны.

Выслушав меня, он покрутил пальцем у виска. Раздался телефонный звонок. Директор с работы звонит ему и говорит:

— Отпусти ее, она мне нужна на работе.

— Да уже отпустил, она мне тут лапши на уши навешала.

Директор всегда ко мне хорошо относился, как-то даже сказал: «Если по работе тебя посадят, мы отстоим, а если за веру, то тут мы бессильны. А тем более, если им тебя надо за веру посадить, они могут придаться хоть к

чему».

Ко мне на работу часто приходили за продуктами и зарегистрированные, и отделившиеся, потом еще автономные появились. Одному нужны яйца, другому гречка, третьему еще что-то. А я все думала: «Как на меня начальник смотреть будет?» Сказать верующим «не приходите» я не могу, а сама думаю, что в конце концов он мне скажет: «Ты на работе находишься или в Собесе по обеспечению работаешь?» И я уже думала уйти с этой работы, чтобы не говорили, что я не хочу их обслуживать.

Потом случилось так, что одна женщина написала жалобу на меня, что ко мне на работу ходит очень много баптистов и я их обслуживаю слишком много. Сказали об этом директору, он выслушал и говорит:

- Дайте мне тогда лишнюю единицу (человека), я его поставлю у двери, чтобы сразу проверяли, кто заходит, баптист или нет. Если баптист, то его сразу в сторону. Дайте мне человека!

- Ты что говоришь? Разве так можно?

- Ну, а как? На баптистах же не написано, когда они идут в магазин, кто они такие.

Это дело дальше не пошло.

Однажды на работе такое случилось. Директор попросил меня проверить товар, хороший он или нет. Я пошла проверять. На лабазе был карниз, и этот карниз обрушился с пятиметровой высоты прямо мне на голову. То ли ветер его сдул, то ли еще что случилось.

Я лежу в крови. Занесли меня в кабинет. Скорую вызвали. Директор всех выпроводил и говорит мне: «Молись! Не стесняйся, молись! Пока скорая подъедет...» Я молюсь вслух: «Господи, Ты все видишь, предстоит встреча с Тобой, и за все я дам отчет. Я должна за все дать отчет... Прости меня, я к отчету перед Тобой не готова, я человек, я много огорчаю Тебя, много падаю, много всего...»

Скорая долго не ехала. Пока директора не было рядом, я попросила отвезти меня срочно домой. Привезли домой, положили. Директор, конечно, отругал тех, кто меня привез домой, за то, что не дождалась скорую. Дома мне голову перебинтовали. Потом пришел знакомый верующий хирург и говорит: «Ее нельзя беспокоить, она получила сильное сотрясение, пробита голова».

На следующий день пришли посетить меня два пресвитера, один из отделившихся, другой из зарегистрированных, оба старички. Смотрят на меня, не могут ничего сказать, видят, что жизнь моя угасает. И между собой потихоньку разговаривают: «Двое детей, отца нет, матери не будет, кик будут дети?» Долго они сидели. Мне они ни слова не сказали о том, на Кого у меня должно быть упование.

Вдруг быстрыми шагами в дом заходят двое мужчин. Один из них был мой директор, он сказал: «Я всю ночь не спал, переживал, думал о твоих словах: будет встреча с Богом, за все нужно дать отчет...» А потом он мне говорит такие слова, они остались в памяти на всю жизнь: «Не буду я тебе много слов говорить, что мы не бросим тебя, что мы не бросим твоих детей, что мы будем о них заботиться. Это все слова на ветер. Сегодня мы хорошие, а завтра можем измениться — все мы люди. И похоронят, никто больше не вспомнит. Ты только не унывай! Кто тебя положил, Тот тебя и поднимет!» Они пожелали мне всего хорошего и ушли.

Пресвитеры мои сидят, друг на друга смотрят и говорят: «Ослица пришла и проговорила человеческим голосом. Неверующий человек проговорил словами веры: „Кто положил, Тот и поднимет!“ А мы пришли и не знаем, что сказать. Дрожим. Отца нет, матери не будет, с кем будут дети? Мы тебя не утешили, на Бога не указали, сразу не помоглись, ты прости нас».

Один из этих пресвитеров жил рядом с нашей работой, часто проходил мимо нашего дома. Директор его знал, он его отцом звал. И попросил его: «Отец, очень тебя прошу, позаботься, чтобы врач к ней каждый день ездил. Какие будут расходы, знай, что это будут мои расходы. Ты мимо каждый день ходишь, я тебя вижу».

Они поговорили между собой, и врач на самом деле каждый день приходил, перевязки делал. С работы все время приезжали, чтобы помочь: или постирать, или приготовить, за детьми присмотреть. Продукты везли самые лучшие, не только меня кормили, но всех, кто около меня находился, чтобы и для них было всего достаточно. Слава Богу, мне Бог работу дал хорошую, потом через директора утешил и позаботился обо всем.

После этой травмы я хотела уволиться с работы, думала, что уже не смогу там работать. Я написала заявление на увольнение, подумала, что найду где-нибудь сидячую работу. Дети немножко подросли, они не привыкли к баловству, хотя у меня уже была возможность их побаловать.

Директор на мое заявление ответил: «Когда найдешь работу, тогда придешь с заявлением. Эта травма случилась здесь, на работе. Ты думаешь, если акт составить, то мне попадет? Я согласен на акт, пусть мне попадет, зато тебе дадут пенсию, и ты не будешь искать работу. А пока, если ты думаешь на работу устраиваться, придешь, когда работу найдешь, вот тогда и поговорим».

Мне становилось все лучше и лучше, и я вышла на работу. Директор относился ко мне так, что лучше не придумает. После травмы он мне сказал, чтобы Костя со мной сидел, помогал, он тоже еврей. Я ему о Боге! рассказывала. Принесла магнитофончик и кассету вставила, он заслушался. Я ему как-то говорю:

- Костя, ты должен знать, из какого ты колена.

- Какие еще колена?

— Спроси у своей бабушки.

Он после мне сказал, что он из колена Симеонова. Вот так мы иногда беседовали, пока работали вдвоем, потом уже директор сказал, что можно меня одну оставить.

Директор очень любил беседовать с нашим пресвитером, уважал его. Как-то под Новый год он написал пожелание и говорит пресвитеру: «Прочитайте пожелание в церкви, но не говорите от кого».

И пресвитер прочитал в собрании:

Передали поздравление церкви: «С Новым годом! Пожелание церкви, чтобы она увеличивалась числом, чтобы было больше молодежи, и чтобы твердо переносили гонения». Как вы думаете, кто это написал? — спрашивает он.

«Это наверно какой-то брат из Совета церквей», — говорят.

Я вам не скажу, кто написал, но вы молитесь за этого человека.

Директор побыл на собрании у зарегистрированных и рассказывает мне: «Говорили там все хорошо, мне понравилось. И вдруг пошли с этой шляпой, собирать копейки. Я смотрю, бросают мелочь. У меня с собой деньги были, знал, что на дело Божье надо подавать, нормально дал».

Он мне это рассказывает, и тут как раз к нему приходит проповедник, который там проводил собрание. Братья заметили, кто положил крупную сумму, поэтому этот брат пришел поговорить. Они с директором в кабинете долго-долго беседовали, он объяснял, что собирать пожертвования — это необходимость, так как нужно оплачивать за свет, за одно, за другое.

Директор ему отвечает: «Вы меня простите, но лучше поставьте ящик, и пусть в этот ящик опускают, кто сколько может, чтобы копейки на виду у всех не звенели, пусть они в ящике звенят. А потом возьмите и заплатите за все, что нужно. Ну куда же вы с открытой шляпой...»

Когда брата Петра Петерса посадили, нужно было ему передачи возить, на свидания ходить. В то время пускали только родственников узников. Я не знаю, как меня пускали. Приезжала, умоляла, не отступала, и Бог располагал сердца: и передачи брали, и на свидания пускали.

Помню, я пришла как-то на свидание к Петру, а у меня с собой сумка была, в ней ключи от рабочего сейфа, немалая сумма денег с работы. Мне срочно нужно было уехать, и я не успела сдать деньги. На свидание с сумкой нельзя. Куда ее деть? Выходит человек из лагеря, я его совсем не знаю, одет хорошо, на нем приличный костюм, смотрю на него и говорю:

— Мне свидание дают, а сумку некуда деть. Вы не посторожите?

— Идите, посторожу.

После свидания выхожу, и этот человек отдает мне сумку. Думаю, наверно, начальник какой-то, хоть отблагодарить надо. Но как? Десятку дать — она ему не нужна...

— Как поблагодарить вас, даже не знаю, если бы я дома была...

— Я спокойно не уеду домой, пока ты не помотришь, все ли на месте.

— Конечно, все на месте, мне стыдно даже сумку открывать.

— Уважь меня, открой, помотри, все ли на месте? — настаивает он.

Я открыла сумку: ключи от сейфа, деньги на месте, я считать их не стала. Говорю ему:

— Все на месте, большое спасибо!

— А ты знаешь, кому ты доверила свою сумку?

— Тебе.

— Мне-то мне, а кто я, ты знаешь?

— Нет, ты мне сейчас скажешь.

— Я тебе сейчас скажу. Когда ты попросила меня посторожить твою сумку, я подумал: «На свидание пошла, это точно к Петьке! Только к нему могут ходить такие простофили доверчивые». Ну надо же, я только вчера освободился из лагеря, сегодня приходил за расчетом. И искушения такое — «сумку посторожи». Бери сумку и уходи! И много чего там лежит. Есть же такие люди! Но подумал, что ты к Петьке пошла, и надо посторожить серьезно! Я ничего не трогал, а только стоял и думал: неужели и в самом деле есть такие доверчивые люди? Петька говорил с нами, он пример показывал. Он доверчивый, он всему и всем доверял, а мы думали, это только в лагере могут быть такие доверчивые, а на свободе таких людей нет.

— Большое спасибо! Как бы я хотела, чтобы ты приехал ко мне в гости и попал на собрание!

- С удовольствием! Примешь?
- С удовольствием! Приезжай! Но я не краснодарская, я из Ростова.
- Если я когда-нибудь буду в Ростове, я обязательно найду тебя. И все-таки, я тебе не советую вот так доверять всем подряд.

С братом Петром в то время сидел заключенный, недавно уверовавший. Его звали Алик. Его жена тоже сидела в тюрьме. У них была дочь Галочка, она жила в это время у своей бабушки.

И вот Петр передает мне просьбу, чтобы я съездила, проведала Галочку, потому что ее отец переживает за нее. Ну хорошо, думаю, проведать я съезжу, хотя все это не так просто: она была в Майкопе, а это четыреста километров от нас.

Но все-таки я съездила, проведала ее. Такая она была там разутая, раздетая, неухоженная, из-за этого подружки относились к ней пренебрежительно, не хотели с ней играть. Бабушка была очень рада, что мы привезли продукты и девочке одежду. Отец ее просил через Петра, чтобы я ездила и Галочке. И мы время от времени и приезжали к ней.

У меня в доме постоянно было много детей: и Захаровы, и Сигаревы, все, кто приезжал, всех принимала. Я детей любила, поэтому, мне хоть кого привези, я приму.

И тут братья привезли ко мне еще одного мальчика. Власть его отобрали у верующей матери и поместили в детдом. А верующие потом из детдома его выкрали. А куда его деть? Куда отвезти? В том же городе его нельзя было оставить. Перед тем, как его привезти, приехали братья ко мне и спрашивают:

- Если бы у тебя забрали твоих детей и поместили в детдом, что бы ты делала?
- Я, наверное, любыми путями забрала бы их оттуда, не отходила бы от этого детского дома, пока не нашла возможности их вернуть.

Привезли ко мне этого мальчика, грязенького такого, детдом есть детдом. Мы его в порядок привели, переодели. Этому мальчику было шесть-семь лет. Он был очень смирным, молчаливым, разговаривать боялся. Когда он с моими детьми гулял, я ему говорила: «Ты не бойся никого, ты — дома, ты — наш!» Когда приехала его мать повидаться с ним, мальчик не сильно просился с ней, потому что уже привык к нам.

Прожил он у нас полгода, и братья решили перевезти его в другое место. А он уже никуда не хочет уезжать, ему тут хорошо. И он тетю Клаву любит, и тетя Клава его любит, и дети его любят. Но потом, ради его же безопасности, все-таки увезли в другое место.

Через некоторое время Петр просит, чтобы я забрала Галочку к себе. Я говорю: «У меня один суд был, чтобы отобрать детей, второй суд был — тоже отобрать детей, и на третий уже дело заводят, чтобы отобрать детей, хотя дети уже взрослые. Как чужого ребенка взять? Не могу. Я спрошу у бабушки и отвезу, что ей нужно. Я все для нее сделаю, но взять ее не могу при всем желании».

Так Галочка продолжала жить у бабушки, а я к ней время от времени ездила. Потом Вера, мать ее, освободилась раньше времени в связи с празднованием международного года женщин. Мать была легкого поведения, и дочь ей была не нужна, она мешала ей жить так, как ей хотелось. Ну, мешала не мешала, а она мать.

И все-таки обстоятельства сложились так, что я забрала Галочку к себе. Однажды мне звонят и говорят, что Галочка попала в аварию и лежит в больнице, и Вера очень просит, чтобы я ее посетила. Раз такое дело, я сразу же поехала туда.

А Галочка лежит в больнице, не разговаривает ни с кем. Думают: «Неужели она лишилась речи?»

Врач говорит:

- По глазам видно, что она кого-то ждет. У вас еще есть родня, все ее проведали?
- Вроде все приходили.
- Подумайте, может, она кого-то ждет?

Тогда они вспомнили про меня и попросили приехать. Я приезжаю в больницу, открываю дверь в палату и слышу прямо с порога:

- Mamochka! Возьми меня с собой!

Здесь же, в палате, находятся и мать Галочки, и врач.

- Вот, оказывается, кого она ждала! — говорит врач. — Кто же из вас ее мать?
- Просто она меня так любит, привязалась ко мне, когда я ее навещала, - отвечаю.

И обращаюсь к девочке:

- Галочка, возьму! Пройдет время, полежишь в больнице, выздоровеешь, обещаю, я тебя возьму.

Проходит время, она выписалась из больницы. Теперь нужно Галочку съездить проведать. Алик, ее отец, все еще просит Галочку забрать. Поехали мы с сестрой Любой, попросили брата отвезти нас на машине. Приезжаем,

Вера в приподнятом настроении, а Галочки дома нет.

- Вера, а где Галочка? — спрашиваю у нее.
- Она в деревне у бабушки.
- Вера, ты можешь мне ее отдать на время?
- Хоть насовсем.
- Но только ты мне отдай с распиской, потому что я боюсь ее взять без расписки, скажут, что я у тебя ее

украли.

- Пойдем сейчас же в сельсовет, оформим расписку.

В этот раз Галочка была у другой, не родной бабушки, мы ее не знали. Вера сказала, в какую деревню нужно ехать. Едем и переживаем, как бабушка встретит, отдаст ли девочку? Приехали в ту деревню, нашли нужный дом. Галочка на улице по грязи бегает. Как увидела меня, прибежала, за ноги меня схватила:

- Я от тебя никуда не уйду!
- А я за тобой и приехала! Где бабушка, у которой ты живешь?

Бабушка выходит, я говорю:

- Бабушка, вот у меня есть расписка от Веры, матери ее, она разрешила мне ее забрать.
- И расписку мне, детка, не надо! Забирай, пожалуйста! Только забирай! Да я не знаю только, где ее пальтишко.

Люба закутала Галочку в одеяло и унесла в машину. Забрали мы ее и поехали. Около магазина «Детский мир» остановились, купили ей необходимую одежду. А остальное Люба обещала сшить ей сама.

Привезли мы Галочку и нам домой, и она стала у нас жить. Мы рассказывали ей о Боге, на учили молиться. Она ходила с нами на собрания, играла с другими детьми.

Галочка мне говорила, что хочет меня мамой называть, но Ирина сказала: «Ни в коем случае, Галочка! Зови ее — тетя Клава! Мамой — я не разрешаю». Но Галочка без нее меня мамой зовет, а при ней — тетей Клавой.

Мой директор на работе узнал про Галочку, познакомился с ней, она ему очень понравилась. Он видел расписку от Веры, знал, что девочка не нужна своей матери и уговаривал меня отдать ему Галочку:

- Отдала бы ты мне ее, я бы все для нее сделал!
- Чужой ребенок, я не имею права отдать.
- Да, но расписка дана тебе. У тебя ее могут забрать, а у меня не заберут.

И Галочка тоже не соглашалась:

- Ты же Иисуса не любишь, а я к тем, кто Иисуса не любит, не пойду.
- Галочка, откуда ты знаешь, что я Его не люблю? Я люблю Его!
- Как же ты любишь, если ты куришь?
- Брошу, брошу курить!

И правда бросил курить. А она снова говорит:

- Ты плохие слова еще говоришь, я слышала.
- Галочка, я буду следить, буду следить!
- Нет, я все равно к тебе не пойду.

Она у всех спрашивала: «Ты Иисуса любишь?» Бывало, едем с ней на общественном транспорте, а она вдруг кого-нибудь спросит: «Ты Иисуса любишь?» Проходим мимо милиционера, она и у него спросит: «Ты Иисуса любишь?» Вот так она с детства любила Иисуса.

Жила она у нас, ни в чем не нуждалась, но потом стала скучать по маме. Она стала просить Ирину: «Давай моей маме письмо напишем».

И вот они пишут одно письмо, второе: «Мама, приезжай, скучаю!» Но Ирина их не отправляла, а потихоньку кидала в печку, так как не знала адреса. А писала она их, чтобы не расстраивать Галочку.

И вот как-то Галочка говорит Ирине: «Пишем-пишем письма маме, а ответа нет... Я попросила Иисуса, чтобы мама приехала ко мне... И сегодня она придет!»

Ирина с недоумением посмотрела на Галочку и побежала ко мне:

— Мама, вот теперь сядь с ней и побеседуй, объясни ей, как хочешь. Ты ей всегда говорила, что Бог слышит наши молитвы, отвечает на них. Ты ребенку это внушила, а теперь объясни ей, что не на все молитвы Бог отвечает. На эту молитву Бог ей никак не ответит.

— Ирина, может, с тобой побеседовать, а не с Галочкой? Галочка помолилась, пусть ждет!

— Что ждать? Нечего ждать! Ее мама не знает, где мы живем! В почти миллионном городе Клаву какую-то надо найти! А где она живет? Как ее найти?

— Ирина, успокойся, я не буду говорить Галочке, что вера ее бесполезная. Разве ты забыла, что наш Бог — всемогущий?

Перед сном мы помолились, Галочка еще раз помолилась, чтобы приехала мама. Ложимся спать, я думала, что Галочка не сможет заснуть будет волноваться и ждать маму. Но я удивилась, что она очень быстро уснула.

Вдруг в три часа ночи — звонок в дверь. Галочка сразу проснулась и побежала к Ирине:

— Это мама приехала! Ирина, я тебе говорила, что мама придет! Иисус услышал мою молитву!

Я в это время открываю дверь, а там стоит наш верующий брат и Вера рядом с ним. Не успели они зайти в прихожую, как из комнаты выбежала Галочка.

— «Доченька!» — протянула к ней руки Вера.

Но Галочка, увидев ярко накрашенное лицо матери, остановилась.

— Мама, ты Иисуса любишь? — вместо приветствия с тревогой спросила она.

— Ну иди же ко мне, доченька! — пропустив мимо ушей вопрос, позвала мать.

— Мама, ты Иисуса любишь? — снова спрашивает Галочка.

На третий раз она ей ответила:

— Люблю... Иди же ко мне!

— Мамочка, тебе нужно умыться! Ты накрашенная, а Иисус накрашенных не любит.

А что ей остается делать? Ради ребенка она умылась. И после этого Галочка бросилась ей на шею. Была еще ночь, и Галочка быстро уснула на коленях у матери. Положив ее на кровать, Вера стала рассказывать, что произошло с ней днем и каким чудом она попала к нам:

— Утром просыпаюсь и вижу незнакомого человека приятного вида, он мне сказал: «Ты сегодня должна поехать к Галочке!» — и исчез. Я подумала, что мне это померещилось.

Прихожу на работу — снова тот же самый человек встал передо мной. «Езжай к Галочке!» — повелел он мне. Я за переживала: может, случилось что с ребенком? Может, заболела? И решила поехать к вам в ближайшее воскресенье.

И концу рабочего дня я вроде успокоилась, но по дороге до мой опять встретила этого человека. «Езжай к Галочке!» — сказал он, и его не стало.

Я потеряла покой, пришла домой, а тревога на сердце растет. «Лягу пораньше спать, чтобы ни о чем не думать», — решила я. Но тут опять передо мной встал тот же человек и таким же повелительным тоном приказал: «Езжай к Галочке!» Я не выдержала и пошла на вокзал. Последний автобус уже ушел, а поезда к вам вечером нет «Ну, - думаю, — если этот человек еще раз явится, скажу, что нечем ехать, — ближайший автобус будет только утром». И тут совсем неожиданно подъехала машина. Шофер открыл дверцу и спрашивает:

- Вам куда ехать?

— А куда мне ехать, уже все ушло.

— Может, нам по пути?

— Мне далеко, в Ростов-на-Дону.

— И я в Ростов! Садитесь ко мне, я с вас и денег не возьму, так довезу.

И он рассказывает мне, как попал сюда:

— Если откровенно вам сказать, я заблудился. Знаю, что заблудился, что еду не по той дороге, а сам еду, еду и думаю, что еду не туда, куда надо. Начал молиться, говорю: «Господи, я же не по своей дороге еду, как мне свернуть на свою дорогу?» А у меня все время руль сюда, в эту сторону. Приехал на автовокзал, народу почти никого нет, стою и думаю, для чего я здесь. И тут вы идете.

И вот мы сели и поехали, он везет, уже не путает дороги, все нормально. Доезжаем до Ростова, он спрашивает:

— Куда вам надо? Я подвезу, а то ночью на вокзале сидеть неудобно.

— Вы оставьте меня на вокзале, а я, может быть, завтра как-нибудь доберусь, — отвечаю ему.

— Я вас не оставлю, потому что не просто так я вас забрал с вокзала, а вас должен доставить до места.

— Мне стыдно сказать, но я скажу: у меня здесь дочка маленькая, шести лет, она живет у какой-то Клавы...

— У нашей тети Клавы?! — говорит. — Галочка — это ваша дочка?!

— А вы ее знаете?

— Да, мы ее все любим, она у нас в собрании поет, такая хорошая девочка. Я сейчас же вас туда и отвезу!

Так по молитве Галочки Бог привел Веру к нам домой. Потом она уехала обратно, а Галочка так у нас и жила.

Через время Алик, отец Галочки, попросил привезти ее к нему в тюрьму на свидание. А кто повезет? Мать не повезет, у нее уже появился другой мужчина. Везти Галочку некому. Отец Галочки адыгеец, а я русская. Как мне объяснять, какой родственницей я ему прихожусь, чтобы пропустили на свидание. Но я все-таки поехала с Галочкой, просят же, значит, надо съездить.

Он сидел сначала в Краснодаре, а потом его перевели в Апшеронск. В Апшеронск я и ездила с ней на свидание. Приехала, объяснила, что девочке надо повидаться с отцом, а привезти некому, а я просто близкая знакомая, не родственница.

— Да, хорошо, мы дадим свидание, ради девочки, и вы с ней побудете.

— Да, обязательно, я ее одну не отпущу.

И мы с ней два часа были на свидании. Там стоял большой стол, и все разговаривали друг с другом через стол. Напротив нас сидел отец Галочки, мы разговаривали с ним. Потом он ее позвал к себе, она пролезла под столом, села ему на колени. Смуглая, с большими черными глазами и такими же черными волосами, Галочка и в самом деле была красивой. Отец смотрит на нее и спрашивает:

— На кого же она похожа у нас?

— А ты не знаешь разве, на кого я похожа? — в ответ спрашивает Галочка. — На нее! — и показывает на меня, хотя она похожа на своего отца. Он и Галочка черноволосые, а я светлая, даже рыжеватая. Галочка спрашивает:

- Можно спеть, папа?
- Конечно, спой, доченька!

Она начала петь: «В лесу родилась елочка», но спела только начало этой песенки и быстро переключилась на псалом: «О молитва, о молитва! В жизни Богом ты дана». Спела она красиво, нигде не запнулась, несмотря на то, что людей в помещении было много. Все слушали этот псалом, многие плакали, ее просили еще спеть. Она говорит: «Я могу вам и другой спеть!» Но им этот псалом очень понравился.

Потом она посидела у отца немножко, он ее приласкал. У нее в кармашке был чеснок, она ему быстренько переложила — это для заключенных было то, что надо. Еще у нее было десять рублей, их тоже отдала отцу. Потом перелезла обратно через стол и идет к надзирателю. Подходит к нему, а он тоже прослезился от ее пения.

Галочка говорит ему:

- Дяденька, отпустите нам папу домой!

А он уже знает, как ее зовут, и отвечает:

— Галочка, папа скоро придет, ему еще немножко осталось. Вот он поработает, а работает он хорошо, заработает много денег, купит машину и на машине домой придет. Так что ты не переживай, папа скоро вернется!

Она постояла, подумала и говорит:

- Дяденька, деньги оставьте себе и машину, а папу отпустите к нам домой.

Он растерялся, не знает, что говорить, молчит. Тогда Алик ее зовет:

- Галочка, иди ко мне.

Она подошла к нему, и он сказал:

— Галочка, я тебе объясню: я ни денег не заработаю, ни машину не куплю, а сам, если Бог даст и жив буду, приеду. Когда я не знал Бога, то делал очень плохие дела, и меня за это посадили в тюрьму. Я не зарабатываю тут денег, я не зарабатываю на машину.

- Ну, тогда сиди-сиди, — сказала она и пошла ко мне.

Алик спрашивает меня:

Ты еще с ней приедешь? Если бы ты с ней приехала, мне бы еще на три дня дали свидание.

- Нет, я на три дня не приеду, я могу приехать еще на два часа. Или приеду, когда тебя отпустят.

Вот так мы съездили к Алику на свидание. В следующий раз я уже поехала встречать его из тюрьмы. После тюрьмы он стал ходить в церковь, потом крещение принял, уже в холода.

После этого приехала Вера за Галочкой. Она уезжала в Якутию со своим вторым мужем и забирала Галочку с собой. Как же девочка плакала, как же цеплялась за меня, чтобы только не уезжать от нас. Я ей говорю:

- Галочка, это твоя мама, я не имею права оставить тебя здесь.

Вера мне сказала:

— Если бы Алик не освободился, я бы ее тебе оставила. Но так как он освободился, я не хочу оставлять ее отцу, поэтому забираю.

И они увезли ее. Первое время мать с отцом старались внушить Галочке, что Бога нет, но поколебать детскую веру они не смогли. Галочка часто пела дома об Иисусе. Когда отец с матерью смотрели телевизор или к ним приходили гости и все они пили спиртное, Галочка говорила: «Это грех, Иисусу это не нравится!»

В семь лет Галочка пошла в школу. Отец записал ее в балетный кружок. Но она ходила туда с неохотой, потому что хотела быть христианкой. Галочка очень тосковала по христианским собраниям. Как-то она попросила родителей отвезти ее на каникулы ко мне. Но они ей отказали, сказав, что это очень далеко.

Однажды Галочка пришла из школы. Она переделалась, пообедала, потом тихонько присела возле мамы и смотрела, как она вяжет кофту.

- Галочка, почему ты уроки не делаешь? — спросила мать.
- А мне уже не нужно их делать, — задумчиво произнесла Галочка.
- Почему? Ты что, завтра в школу не пойдешь?

— Я попросила Иисуса, чтобы Он взял меня к Себе. К тете Клаве ты меня не пускаешь. Я должна делать все, что не нравится Иисусу: танцевать, смотреть телевизор. Мне даже не с кем петь и молиться! И Библии у нас нет. А вчера папа запретил даже говорить о Боге... Вот я и попросила, чтобы Иисус взял меня к Себе. Сегодня Он придет за мной!

Вера встревожилась, она хорошо понимала, что означают слова Галочки: «Я попросила Иисуса». Она кинулась к мужу:

- Женя, скорее вызывай «скорую»! Галочка больна!
- Папа, не нужно «скорую», — следом прибежала Галочка. — У меня ничего не болит!
- Вызывай, Женя, вызывай! — умоляла мать, не обращая внимания на слова дочери.

— Да что случилось, объясни, пожалуйста! — обратился он и жене, которая второпях стала рассказывать, что говорила ей дочь.

— Я вызову, но только не для Галочки, а для тебя, — наконец согласился он.

Приехала «скорая помощь». Но было уже поздно... Безжизненное тело Галочки лежало на диване. Врачи написали заключение «менингит», но при этом сказали: «Мы сами не знаем, от чего она умерла».

Мне пришла телеграмма от Веры, что Галочка умерла, и они меня ждут. Я собралась ехать к ним, но пришлось задержаться, так как у меня на работе были проблемы — меня увольняли с работы, этому посодействовали органы КГБ.

Родственники ждали меня день, два, а потом самолетом доставили ее на Кубань и похоронили. Только закопали — и я подъезжаю. А уже все, опоздала. Они говорят:

— Откопаем, откроем гроб.

— Ни в коем случае! — говорю.

Мы на могилке побыли, цветы положили. Свидетельство о Галочке утешало: она была уверена, что с Иисусом будет. Потом ее родители мне сказали: «Мы перевезли ее на родину, на Кубань, ради тебя, поближе к тому месту, куда она при жизни так рвалась. Она очень хотела тебя видеть, очень хотела, и мы чувствуем себя виноватыми. Тоска ее съела, была бы она у тебя, может, и жива бы осталась».

А маме Галочка в последние минуты своей жизни сказала: «Мама, ты не плачь обо мне, если ты Иисуса будешь любить, увидишь меня. Я сказала Иисусу, что буду ждать тетю Клаву на небе, раз ты меня не пустила к ней. Я ее буду очень ждать! Ты ей скажи». Через время и мама, и отчим пришли к Господу. Отчим стал особенно горячим христианином.

Перед моим увольнением вызвали меня на допрос вместе с директором. Он мне говорит: «Та, которая нас вызвала, очень плохо настроена, она будет кричать, ты лучше отмолчись». Пришли и ждем в коридоре. Мимо нас шесть человек прошло в кабинет, он мне говорит:

— Клава, я троих знаю, а других троих никогда не встречал.

— А других я знаю, о ни из КГБ.

— Похоже, это дело «пахнет керосином».

Они нас допрашивали шесть часов. На директора моего кричали и кулаками стучали по столу.

— Мы с тобой как коммунист с коммунистом говорим! Двадцать лет ты ее держал на работе! Двадцать лет! Мы проверили!

— Она у меня как хороший сторож, я ей все доверял

— Мы знает, что ты ей все доверял.

Бывало, когда надо было спрятать типографскую бумагу или литературу, я принимала ее к себе на склад, мне на работе помогали прятать. Было такое, что кто-то заявил на меня, и пришли с проверкой участковый и из КГБ несколько человек. А директор был в отпуске. И требуют директора, им говорят, что он в отпуске. Тогда требуют заместителя. Когда узнали, что я заместитель, то очень удивились.

И сейчас, когда нас вызвали вместе с директором, меня стали расспрашивать в отношении одного брата, кто его прописал и куда.

— Я в паспортном столе не работаю, поэтому вы не по адресу обратились, — отвечаю им.

— Да ты его и прописывала!

— Как я могу прописывать и куда? В магазин к себе или на склад?

Задавали вопросы, я молчала. Под конец уже сказали:

— Решай, если будешь нам говорить, кто в собрание ваше приезжает, то останешься на работе. Если нет, то лишишься работы.

— Выбираю последнее, — только это я им и ответила.

Я поняла, что мне пришло время уволиться с этой работы. Меня отпустили, а директора попросили еще остаться. Сильно его ругали, он на себя всегда удар принимал и, где это было возможно, старался помочь. Какой же хороший человек, дай Бог ему, чтобы он был на небе!

Уволившись с этой работы, я устроилась работать дворником. Паспорт у меня забрали в милиции.

У братьев было совещание. Вечером распределяли, кому где ночевать. И в это время пришла милиция. Братьев каким-то путем успели вывести. Среди ночи мне в окно стучат братья:

— Вставай, поехали искать братьев, двоих не хватает.

Где искать, в милицию ехать искать? Ну и говорю:

— Вы бы одни ехали и искали.

— Нет, поехали с тобой. Тебя больше знают.

Ездили-ездили по верующим, я говорю:

— Вы скажите хоть имена, кого ищем.

Они их называют, я говорю:

— Вы этих братьев ищите, их не хватает, да? Да эти братья спят и третий сон видят. А вы мне спать не дали, ищите братьев, которых я накормила и отвела туда, куда милиция не придет.

— А что же мы тогда ищем?

— А что же вы сразу не сказали, кого ищите? Двух братьев нет, двух братьев нет! И ездим ищем. Еще бы приехали в милицию и спросили там, тогда бы мы и привели их туда, куда им надо.

И такое бывает.

Приходит денежный перевод от узника с припиской: «Передать имениннице, которая родилась на Троицу». Мы удивились, что из лагеря пришел перевод. В узах собрать эти деньги не просто. Кто был там, тот знает.

Стали думать, кто у нас родился на Троицу, кому отдать. Таких не нашли. Кому эти деньги отдать? Решили объявить в церкви, кто отзовется, тому и отдадим. Заходит служитель, он только освободился из уз.

Говорим ему:

— У нас проблема. Мы получили сто рублей от узника, и их надо передать имениннице, которая родилась на Троицу. А у нас такой нет.

— Вы не сообразили, кому отдать? И кто родился на Троицу, не знаете?

— Никого нет. А ведь прислал-то брат узник, надо его просьбу выполнить.

— Церковь родилась на Троицу! Сошествие Святого Духа было на Троицу.

А у нас в церкви этой ночью должны были принять крещение одиннадцать человек. И он попросил двух молодых братьев купить на эти деньги цветы для крещаемых. И вот братья всем купили цветы и несут охапки цветов. А тут уже милиция приехала, окружила всех. Редко собрание проходило без милиции. Они говорят своим: «Расступитесь, пусть проходят. Они какого-то апостола поминать будут».

Поздравили, воздали славу Богу за того, кто сидел в узах и помнил Церковь, рожденную на Троицу, и собирал эти копейки для нее, а не потратил их на себя. Крещаемые приняли цветы со слезами, все молились, чтобы в гонениях устоять, чтобы остаться верными, как этот узник, который поздравляет их с днем рождения Церкви. Когда призвали к покаянию, очень многие покаялись. Собрание было торжественное.

Служитель сказал: «Мы нашли Именинницу, поздравили, и еще новые души родились в этот день».

* * *

Властям очень мешали наши братья. Как избавиться от них? Тогда они решили некоторых руководящих братьев: Винса Г. П., Хорева М. И. и Петерса П. Д - выслать за границу, в Америку или в Германию.

Вызвали Петра Петерс, сказали ему принести шесть фотографий. В это время он был на свободе. От знакомого человека я узнала, что шесть фотографий нужны для паспорта за границу.

В церкви узнали об этом и объявили: «Есть точные сведения, что на брата Петра готовятся документы, чтобы его выслать за границу. Мы все поедem с ним! Одного мы его не отпустим. Пусть всех нас высылают! Мы все сдадим паспорта, и пусть нас всех в один самолет сажают и отправляют», А так как это дело предали огласке в церкви, то дальше оно и не пошло.

Кто-то написал донесение, что в моем доме находится Петр Петерс. Приходит участковый к нам, а он был не очень опытный и не озлобленный, и говорит мне:

— Заявление поступило, что у тебя находится Петеря.

— Какой Петеря? — спрашиваю. — Никакого Петери у нас нет.

— Вот заявление, и в заявлении указан этот дом!

— Ты перепутал адрес, наверное. Где-то Петеря, может, и есть.

А «Петеря» этот окно вставляет.

— А это кто? — спрашивает участковый, указывая на него.

— А это мой брат.

— А... Ну ладно. Надо же, заявление подали...

Участковый ушел, а Миняков Д. В. рядом сидел, спрашивает:

— А кто такой Петеря?

— И ты «Петеря». Следующий приход будет за тобой.

Петерс Петр ушел. Миняков один остался.

Участковый пришел в свой участок и говорит:

— Нет Петери, был там только брат ее.

— Это и был Петерс, брат ее. Что же ты?

Через какое-то время опять приходит участковый, снова ищет Петерса, а его уже нет.

Мы пришли на собрание. Идет служение, а Петра нет. Ведет служение другой брат и передает мне записку: «Не знаете ли, где находится Петерс Петр? Почему-то он не пришел на служение, такого быть не могло». Собрание заканчивается, объявляют: «Все идем в прокуратуру, всем собранием». Значит, Петерс арестован.

А узнали, что он арестован, от мальчика из семьи верующих. Он ехал в автобусе, а недалеко от него разговаривали два милиционера:

— Я Петерса все-таки поймал!

— А где ты его поймал? Я ездил по доносу, но там его не было. Правда, был там один человек, но хозяйка дома сказала, что это ее брат.

— Да она тебе лапши на уши навешала, а ты и поверил.

А этот мальчик пришел в собрание и сообщил о том, что слышал.

Верующие собрались возле прокуратуры:

— Никто никуда не уйдет, пока вы нам его не покажете!

— Да, он арестован, — сказал прокурор.

Уже ночь. Никто не расходится. Прохожие спрашивают:

— За чем очередь занимают? За коврами или за чем-то еще?

Люди становятся в очередь, толпа увеличивается, надо как-то разгонять. А как разгонишь неверующих людей? Они тебе и сдачи дадут.

Верующие говорят:

— Мы не уйдем, будем стоять здесь не только ночью, но и днем. И детей в школу не пустим, сюда приведем и будем стоять, пока вы его не выпустите.

Что им делать? Выходят к нам и говорят:

— Мы его выпустили через другой выход, он уехал на квартиру.

Они думали, что мы поверим и разойдемся. Двое поехали проверить, вернулись и говорят:

— Не обманывайте, его там нет, он у вас.

Что делать дальше? Ночь прошла, день наступает, детей будут приводить, надо выпускать. Выпустили его днем, а ближе к вечеру сказали:

— Сейчас точно отпустили, точно.

Опять поехали узнать. Правда, он дома! Отпустили его! Те, кто узнавали, в эту же машину посадили Петра и привезли к зданию прокуратуры. Все вместе спели: «Мы увидели друг друга! В этом дивный есть бальзам...» И поехали все на собрание. Церковь дружная была, очень.

Это началось тоже с чуда. О Хореве М. И. ничего не известно. Где он? Задержан или нет? О его аресте или о суде над ним ничего не было слышно. Ни бюллетеня не было, ни сообщений о том, что он сидит.

Я часто брала с собой в поездки к узникам Нину Захарову, старшую дочку Павла Фроловича. Это дети, которые после смерти родителей переехали к нам из Сибири.

— Нина, пойдём, узнаем, — обращаюсь к ней, — возможно, Михаил Иванович в тюрьме сидит.

— Пойдем, — согласилась она.

Мы сразу начали с тюрьмы. А как узнать? Скорее всего, нам здесь ничего не скажут. Мы не стали спрашивать у начальника или у кого-то еще, так как нам бы сразу сказали, что его здесь нет. Мы встали в очередь, где передачи передают. Если передачу примут, значит, он здесь. А если не примут, то скажут, что его здесь нет.

Подошла наша очередь, мы написали заявление. Они смотрят в списки и говорят нам: «А вы знаете, его только вчера отправили во второй лагерь». А второй лагерь находится в Ростове-на-Дону. Все ясно! Мы поехали туда. Он, действительно, был там. Ему передача положена, может, и свидание положено.

Отослали телеграмму жене: «Вера, приезжай срочно, Михаил Иванович в лагере в Ростове-на-Дону». Вера, недолго думая, она очень пунктуальная, прилетела из Кишинева, без детей. Здесь, конечно, она не одна была, мы с ней вместе везде ходили.

Жене пообещали свидание на трое суток, и в самого деле дали трое суток. Она вызвала всех детей, сестра из Ленинграда прилетела. Они приготовили продуктов на трое суток, и свидание дали. Даже один из сыновей приехал за мной и говорит: «Тетя Клава, папа хочет тебя видеть».

Михаил Иванович рассказывал, что его ломали, чтобы он зарегистрировал общину. Ему сказали: «Ты завтра же пойдешь на свободу, только одно условие — зарегистрировать церковь. Всего одну церковь в Кишиневе, не то, чтобы по всей стране регистрировать. Покажешь пример». Но он сказал им: «Этого не будет! Буду плакать, буду страдать, но этого не будет».

Родственники со свидания вышли довольные, хорошо пообщались. Они улетели. После этого ко мне приходит человек с запиской, вроде как от Хорева М. И., где написано, чтобы я дала этому человеку то, что он попросит. И он сразу просит у меня бюллетень. А записка духовная, хорошая. Я записку прочитала, в конце

написано: «Твой Миша». Но вижу, что это не он написал.

— А зачем тебе бюллетень? — спрашиваю его.

— Он же просит, чтобы ты дала, значит, нужно.

— Нет, тебе он совсем не нужен!

— А почему ты ему не подчиняешься?

— Да очень просто. Бюллетень мне нужен, не тебе. В бюллетене не написан призыв ко Христу, я не дам, передай ему.

— Как не передашь? Тебе же записка написана.

Через день этот человек опять приходит и говорит, чтобы я принесла передачу, так как он едет на этап. Этап, конечно, дело сложное, и передачу надо нести большую. Понесла не я, других послала, но у них никто ничего не взял, и передать некому. Оказалось, что его уже отправили. Видимо, ждали, что я сама принесу передачу. И это тоже была ловушка.

Мы узнали, что его отправили в Харьков.

С работы в магазине меня уже уволили, я устроилась дворником, а на этой работе меня можно подменить. И братья меня попросили, чтобы я с Верой, его женой, следовали за Михаилом Ивановичем, чтобы узнать, где будет его конечная остановка, лагерь, где он будет сидеть.

Из Харькова его отправили в Свердловск. Мы поехали следом, застали его в свердловской тюрьме. Передачу не взяли, оттуда его сразу дальше на этап. Отправляли при нас, мы его видели, и он нас увидел. Больше мы ничего не смогли сделать, значит, надо следовать за ним дальше. Мы узнали, что этап идет на Якутию. Там будет лагерь — его конечная остановка.

Мы с Верой поехали в Якутию, но туда нужно ехать через Новосибирск. Мы приехали в Новосибирск, остановились у брата-служителя. Он говорит нам: «Я знаю, что новосибирских заключенных грузят из тупика, этот вагон туда приходит. В тупике он долго стоит, там можно узнать, когда и куда его повезут».

Мы собрали ему передачу, надеялись, что ее удастся передать. Пришли туда и ждем этот поезд с заключенными. Пришел поезд, в тамбурах собаки. Вдоль вагона ходит вооруженная охрана, и еще внутри охрана. Ну, думаем, очень строго охраняют. Мы их спрашиваем:

— Это заключенные? Куда везут? Мы должны узнать, здесь ли ее муж, а мой брат, мы должны узнать, где он и куда его везут.

— «Отойдите от вагона, — говорит охранник, — я с вами разговаривать не буду, еще раз подойдете, буду стрелять».

Вера ушла, села на лавочку, сидит, думает, что делать дальше. Я не отхожу от вагона, плачу, умоляю его, чтобы он сказал, кто в вагоне и куда везут:

— Представь, твоя мать пришла искать тебя или твоего брата, и с ней бы так разговаривали: «Я тебя застрелю!» Мы что, ворует или что?

Вижу, он уже нервничает. И Вера переживает, и надо как бы уйти. Но как уйти, если мы ничего не узнали? Уйти нельзя, надо узнать, потом уходить. Вдруг идут два человека. Охранник говорит мне:

— Сейчас мне за тебя попадет. Застрелить у меня рука не поднялась, хотя мне за это ничего не было бы.

— А за что тебе попадет? Я не вооруженная. За что?

Эти два человека подходят к нам, это их начальство. Поздоровались и говорят:

— Давно мы за вами наблюдаем, давно. Знаешь, какая ему команда дана и какую команду он обязан был выполнить? Он должен был застрелить посторонних, кто приближается к вагону.

— Но он не застрелил, значит, не за что было в меня стрелять.

Потом один из них спрашивает:

— Что вы хотели от этого вагона?

— Да ничего не хотели от этого вагона! Брата надо найти!

— Какого брата? У тебя брат заключенный?

— Да.

— Как мне жалко тебя.

— А что меня жалеть? Он не преступник, его арестовали за веру в Бога. Нам надо узнать, в каком он состоянии, найти его.

— Я вижу, что вы его найдете.

— Вот жена его, она устала, — указываю на Веру, которая сидела в сторонке.

— Ты одна ходила и не устала. Но я знаю, что вы найдете его. Я подскажу, где искать. Но здесь его точно нет.

— Вы простите этого солдатика, — прошу я его, — пожалуйста, простите! Он меня так гнал, так гнал, говорил: «Застрелю! Убью!» Я вас умоляю, простите его!

— По просьбе твоей простим, не накажем! — сказал он, улыбаясь.

И солдатик тот улыбнулся.

— Честно не накажете? — спрашиваю я.

— Честно не накажем! Мы думаем, что она от этого вагона хочет? Этот нагон неприкосновенный. Ни брата твоего, никого тут нет.

Кто-то из них проговорился, что валюту так охраняют, а не заключенных. Потом объясняют нам:

— Пройдите километра два, может, немного больше. Увидите белый домик. Подойдите к начальнику, у которого есть все списки заключенных, отправляемых и в одну, и в другую сторону, и статьи, по которым они осуждены. Он все знает, кого по этой линии провозят, куда, и откуда, и где их остановка. Вы у него спросите, в каком поезде он будет находиться, а если он с вами не захочет разговаривать, скажите, что вы от Вишневого.

Мы пошли, нашли этот домик, нашли этого начальника и говорим:

— Мы от Вишневого.

— Он вам не родственник?

— Нет, но мы от него пришли.

Мы объяснили, что нам нужно, но не говорили, что были около того вагона. Он нам говорит:

— Этот поезд еще не пришел, он будет здесь, в Новосибирске, в три часа ночи. У меня будет смена меняться, другая охрана заступит. Я дам команду своим охранникам, чтобы они дали вам с ним хотя бы короткую встречу, и чтобы приняли передачу. Это я для вас сделаю, потому что вы от Вишневого.

Мы успокоились, стали ждать. Как раз в это время туда по делам приехал Дмитрий Васильевич Миняков, он захотел с нами пойти, ему тоже надо было Михаила Ивановича увидеть.

Ждем трех часов ночи, вышли на вокзал. Подошел поезд, вагоны оцепили, кругом охрана, собаки. Вышли заключенные, их сажают в машины, кого-то оставляют здесь. У кого сил нет идти, бьют прикладом, быстренько загоняют в машину... Жутко на это все смотреть. А мы все пытаемся увидеть Михаила Ивановича, кричим на всю платформу:

— Михаил Иванович!

Миняков говорит:

— Вера, зови тем именем, которым зовешь его дома.

Чужие мужчины тоже с нами стали звать:

— Михаил Иванович!

Потом смотрю, охранников не стало на платформе, только на ступеньках вагона стоят, а внутри вагона собаки. Прошу охранника:

— Пусти меня в вагон! Я посмотрю брата.

— Какого брата?

— Я точно знаю, он тут!

— Там сидит один, но к нему никого не пускают, он на особом положении, — говорит охранник.

— Это мой брат, ну пусти!

— Первый раз вижу, чтобы в этот вагон кто-то так настойчиво просился.

— Понимаете, брата надо найти. Ну, понимаете? Надо!

Потом он и говорит мне:

— Я могу тебе сказать, где он. Дай слово, что никто не узнает, откуда ты узнала, пока поезд не уйдет?

— Как я могу такое обещать? Вот и жена его ищет. А пока поезд не уйдет, никто знать не будет!

— Его сняли в Омске, как умалишенного.

— Ой, что же делать?

Я пошла к Вере и Дмитрию Васильевичу, но обещание не говорить, пока поезд не уедет, держу, иначе тому охраннику попадет. А им говорю:

— Нет там никого.

— Тебя же не пустили в вагон, ты там постояла на порожке с этим солдатом и все.

— Ну не пустили, не пустили! Раз не отвечает, ну что ж зря звать?

Когда поезд ушел, я сказала им, что тот охранник сказал, что его сняли в Омске. А Вера говорит:

— Пока у того начальника не узнаем, не успокоимся: точно ли это?

Мы опять к тому начальнику пошли. Он говорит:

— Я сейчас уточню.

И по рации набирает, а там спрашивают:

— Кому он понадобился? Кто его ищет?

Его стали ругать. Тогда он рацию выключил и говорит:

— Он у вас большой преступник, да? Мне сделали серьезный выговор, что я с вами разговариваю и называю его фамилию.

Дмитрий Васильевич говорит Вере:

— Ты уже знаешь, где Михаил Иванович находится. Он сейчас или в лагере, или в тюрьме, или в психбольнице, ты его уже найдешь. А она, — и на меня показывает, — мне нужна, она со мной поедет.

Вера говорит:

— Нет, ее со мной послали, она со мной и будет до конца! Ни куда она от меня не уйдет.

А я уже сильно устала. Ну, куда деваться? Едем в Омск. А этот город мне знаком, там три года сидел брат Петр. Он долгое время не принимал пищу, так что начальник лагеря очень беспокоился. Братья посылают меня в Омск. Я отказываюсь, а пресвитер говорит: «Это тебе поручение от церкви! Ты не имеешь права отказываться».

Хоть я уже наездилась, а брат голодает в Омске— надо ехать. Поехала я с одной сестрой и братом. Но, прежде чем к нему ехать, мы заехали к его родителям. Они говорят: «А мы ничего и не знаем». Тут и они засобирались. Едем мы туда, а сестра спрашивает:

— В случае, если он умрет, где хоронить будем?

— Я не хочу отвечать на этот вопрос, он не умрет!

Приехали мы туда, Омск мне уже знаком. Начальник лагеря называл меня сестрой, а не по имени. Свидание всегда давал. Свидание положено только одно, и он задает мне вопрос:

— По кому ты родня, по матери или по отцу?

— Сестра по вере.

Он слушать не хочет. Тут родители сидят, и он задает этот вопрос. А я и говорю тогда:

— И по матери, и по отцу — по всем сестра!

В тот раз нас пустили на свидание.

И вот мы снова приехали туда, только теперь с Верой. Встречается этот начальник и говорит:

— Сестра, а чего ты приехала? Твой брат уже дома, а ты опять тут.

— Понимаете, одного брата отпустили, другого привезли, что делать?

— Ученика отпустили, а учителя привезли, да?

— Я не знаю, нам надо его найти.

— Знаешь, я ничем не могу помочь, я с сегодняшнего дня в отпуске, сейчас оформляю документы. Пойдите сначала к Сапожникову, — добавил он с улыбочкой.

А Сапожников — очень строгий начальник, с ним очень трудно договориться. Но что делать? Я говорю:

— Вера, может, ты одна пойдешь?

— Да ты что, пойдем вместе!

Подходим к двери, стучим. В ответ слышим:

— Можно, заходите.

Вера сразу говорит, кто она:

— Я из Молдавии, я врач, я жена Хорева.

— Вот в Молдавию поезжайте и лечите! — говорит он ей в ответ.

И как уходить, если мы ничего не узнали? Ведь если Михаил Иванович в психбольнице, об этом знают только в управлении. Тогда я говорю ему:

— Мы отсюда не уйдем.

— Да тебя-то я знаю, сестра. Откуда вы узнали о том, что он в Омске? Скажете, потом и я с вами буду разговаривать.

— Откуда мы узнали? У нас есть Бог, Который нам говорит. Вы не имеете права держать его в психбольнице!

— Скажите, кто вам это сказал?

— Неважно, кто нам сказал, вы не имеете права его там держать. Все, мы уходим, сейчас везде пойдут телеграммы, что Михаил Иванович, по вашей милости, находится в психбольнице, или, вернее сказать, в сумасшедшем доме. Вы его высадили здесь, кто дал указание, мы не знаем. Мы должны его увидеть, он не умалишенный, он — нормальный.

— Что-то вы по-другому заговорили!

— Мы заговорили так, как вы отвечаете на наши вопросы.

Потом он думал-думал и говорит:

— Завтра будет вам свидание.

Когда мы вышли из кабинета, я говорю Вере:

— Меня все равно не пустят на свидание, я этого начальника знаю. И что я буду здесь делать? Ты дай телеграмму, чтобы дети сегодня же вылетели в Омск. Пусть дети побудут на свидании, потому что потом его в Якутию увезут на пять лет (такой срок ему дали). А меня с миром отпусти.

Она дала телеграмму, а я уехала. В Якутию его не отправили, в психбольницу не поместили, хотя они хотели его в сумасшедшем доме добить или что-то подобное сделать. Но Господь помиловал!

Его поместили в тот же лагерь, где брат Петр сидел. Он встретился с теми же ребятами, которые притворно каялись, а сами какими были, такими и оставались. Они знали, что делать, чтобы передача им доставалась. Начальство их за это поощряло. А Михаил Иванович делал все, чтобы быть светом среди них.

Ко многим узникам братьям и сестрам я ездила на свидание. Родственников всегда пускали на свидание, а просто верующему человеку было сложнее туда попасть, им надо было уточнить, кто ты и зачем пришел.

Братья часто просили меня что-то узнать от узника и передать им. Помню, однажды братья пришли и говорят, что обязательно надо встретиться с Н. Г. Батуриным. А он до суда сидел в тюрьме в Новочеркасске, в крытке. Крытка — это тюрьма в тюрьме. Оттуда выйти практически невозможно, так как на это должно быть особое указание. Оттуда может вывести только начальник тюрьмы, которому должны приказать, так как он тоже не властен.

Н. Г. Батурин был секретарем в Совете церквей, и все документы до его ареста находились у него, и братья не знали, где их взять. И вот приходит один брат и говорит:

— Как хочешь, любыми путями нужно встретиться с Батуриным.

Я ему объясняю:

— Я не знаю, кто бы мог это сделать, но я не смогу туда попасть. Мать есть, жена есть, сестра есть.

— Туда никого не пускают!

Помолились с постом, пошли мы туда с одной сестрой, договорились, что она будет просто в сторонке стоять.

Я поговорила с одной женщиной, ее муж работает начальником в той тюрьме. Она знала меня через мою сестру, ее этапом отправляли через этот же пересылочный пункт. Потом пресвитер наш там сидел, и я ему передачи носила. В общем она меня хорошо знала. Я объяснила ей, что очень нужна эта встреча. И муж ей разрешил открыть его на несколько минут и вывести. Она вывела, а я растерялась, ни слова не говорю. Она говорит: «Изда тебя открыла, а ты даже не поздоровалась с ним, заходи!»

Я зашла. Поприветствовали друг друга. Батурин Н. Г. сразу помолился, он всегда приветствовался только с молитвой, он был человеком молитвы. Что у меня с собой было из продуктов, я передала. Я всегда обязательно что-нибудь с собой носила. Вывели его всего на несколько минут, он сказал, где что лежит, где что взять. И все. Его снова завели туда.

Братья были рады, что мне удалось увидеться с братом. Слава Богу, Он дал такую возможность, это не ради нас, а ради дела Божьего.

Так приходилось проходить в тюрьмы. Сколько я в узы ездила к братьям, к сестрам, всегда Бог располагал сердца и давали свидание.

Как-то приехала одна сестра и говорит, что я очень нужна братьям, чтобы решить вопрос по типографии. У меня хранилась машина и типографская краска. И нужно было это все передать братьям. Паспорта у меня нет, а ехать надо, и я поехала без паспорта.

Паспорт у меня отобрали, когда я дворником работала. Когда зарплату надо было получать, они думали, что я буду лукавить. А я пришла зарплату получать и говорю: «У меня паспорт милиция забрала, если хотите — давайте зарплату, если не хотите — не давайте».

Хорошо, что тогда билеты на поезд давали без паспортов. Поехали мы с девочкой Сигаревой вдвоем, она из семьи, которая была мне очень близкой.

С нами рядом в поезде ехали в Новороссийск две женщины, они тоже издалека. А в поезде что делать? Дорога далекая, знакомись. Одна женщина рассказывает, что она с Мангышлака, работает в лагере бухгалтером. А там в то время сидел Н. П. Храпов. Я стала расспрашивать, как там заключенные живут, какие там условия, чем их кормят.

— Что это тебя так интересует? — удивленно спрашивает она. — Их людьми нельзя назвать! Ни одного нет, который сидит в первый раз. Там и убежать некуда, комары съедят, все равно погибнешь, если даже побег совершишь.

Проходит время, я опять спрашиваю, чем их кормят. Она отвечала мне неохотно:

— Отбросы дают рыбные или другие. Они и этим довольны, но их вообще-то и этим не надо кормить.

— Ведь есть же гам люди, которые невинно сидят, — говорю, — они совсем невиновны, не убили, не украли ничего.

— И сидят не в первый раз эти невинные, да?

— Есть те, кто сидит за убеждения какие-то, есть же невиновные.

— Нет там невиновных! Никого!

Она, эта бухгалтер, разговаривала со мной грубо. Потом я у нее еще что-то спросила, она и говорит:

— Ты мне так надоела, прекрати свои расспросы! Если хочется побыть, съезди туда!

Я вздохнула, думаю, не хочет она рассказывать. Со второй полки к ней обратилась ее попутчица:

— Какое ты имеешь право так с ней разговаривать?

— Да она мне надоела!

— А ты не поняла, почему она тебя об этом расспрашивает? Я сразу поняла, что ее интересуют не все в этом лагере, а кто-то конкретно. Почему ты с ней так разговариваешь? Нельзя так отвечать. Как есть, так и надо говорить, что трудно им, не хватает воздуха и кормят очень плохо.

Оказалось, что это начальник того лагеря. Она мне говорит:

— Я могу с тобой поговорить. Я знаю там одного человека, мне с ним приятно поговорить. И, если нужно, я его вызываю, как бы на допрос, I на беседу, на перевоспитание и с ним очень долго беседую и всегда стараюсь чем-то его подкормить, что-то ему дать: то котлетки, то бутылочку молока, кусок хлеба или еще что-то. Я с удовольствием с ним беседую, с большим удовольствием.

— А вы не скажете, как его фамилия?

— Почему не скажу? Храпов.

— О нем я и спрашиваю!

— Да, пример для подражания есть.

И обращается к бухгалтеру:

— Почему у нас Ленин, когда был в конспирации, на нелегальном положении, брошюры писал? Он был на свободе, он мог все. А эти люди? Они отстаивают свою веру, свои убеждения, они уверены в том, что отстаивают. Его расстреляй, он все равно таким будет, какой он есть, он не изменит никому: ни людям, ни Богу! И вот этого заключенного, Храпова, я очень ценю!

— А вы могли бы дать свидание, если туда приехать?

— Свободно! Но я сейчас еду в отпуск и не на один месяц.

Я пока не собиралась туда ехать, но братьям обязательно нужна была встреча с ним, у них были какие-то вопросы перед тем, как его арестовали. Она дала мне контакты, объяснила, как пройти, что сказать, чтобы их пустили. Потом я братьям передала, как можно к нему пройти, к кому обратиться. А ей говорю:

— Возьмите от меня немного денег. Когда вернетесь, позовите его, покормите или что-то передайте, скажите, что случайно встретились с его единовѣрцами. По плоти он мне никто, а по вере он мой брат.

— Да я с удовольствием и на свои...

— А вы на мои деньги его покормите.

Она взяла деньги и говорит:

— Не потрачу ни одной копейки на себя.

На прощание она мне сказала:

— А если вы лично приедете, смело прямо ко мне приходите! Я вам и квартиру предоставлю.

Когда мне оформляли пенсию, нужно было указать, где я работала последние пять лет, где у меня была большая зарплата. Но последний год я работала дворником, сказали взять вот с этого, с других лет не брать. В Собресе сказали, что этому поспособствовало КГБ. Пенсию мне назначили очень маленькую, минимальную, я как сейчас помню, пятьдесят два рубля. Ну, хорошо, как дали, так и дали пенсию.

Пришлось подрабатывать на продаже цветов. Сестра выращивала у себя цветы, и на Иренином огороде — цветы, везде цветы на продажу. Вся родня цветами торгует, сестры мои и зять. Я хоть в торговле и работала, но торговать не умела.

Они отправляли эти цветы самолетом в Сургут (Ханты-Мансийский автономный округ), упаковывали их как надо, все умело делали, цветы хорошо сохранялись.

Прилетели мы в Сургут. Дали и мне две коробки цветов. Я стою и не знаю, что с ними делать, а сестра моя рассердилась на меня и говорит:

— Стоит, приехала, чтобы на нее смотрели, это тебе не директором работать в магазине, тут будешь в подчинении.

А мне плакать хочется. Сестры мне подсказывают:

— Что ты стоишь? Бери ведра, накладывай, вот и все!

Стоим на рынке, они кричат:

— Цветочки, цветочки... Свеженькие, только с огорода!..

Цветочки эти привезли в Сургут из Ростова-на-Дону. Какие же они свеженькие? А еще на них надевали резиночки, иначе они облетят, особенно тюльпаны осыплются, а резиночки держат цветочек. Я стою с этими бутонами, а их никто не берет. Сестра на меня глянет-глянет с укором. Чтобы не расстраивать ее, я взяла ящики с цветами и ушла в сторонку. А перед этим я увидела неподалеку вышки, это был лагерь строгого режима. А они надо мной только посмеялись:

— Вот это твое занятие! Мы не знаем, что тут и лагерь-то есть, а ты даже определила, что он строгого режима!

А у нас там как раз сидел брат Павел Тимофеевич Рытиков. У меня мелькнула мысль: сходить туда, может, пустят. Цветы-то мои все равно никто не берет. Думаю, не берут, и не надо. Взяла Библию, сижу, читаю в сторонке, чтобы их не расстраивать и самой не расстраиваться. Один молодой мужнина подходит и спрашивает:

— Что ты читаешь?

— Библию.

В то время Библии у всех забирали и достать их было сложно.

— Слушай, продай мне!

— Она не продается ни в коем случае, даже не проси.

— Я от тебя не отойду, пока Библия не будет моей.

— Она не будет твоей, никак не будет твоей. Я ее не продам и не отдам, даже не проси!

— Я тебе говорю, без Библии я не уйду. Мне эта Книга нужна, ты не представляешь, как я мечтал ее достать.

— Я ее тоже мечтала достать, и вот она у меня есть. Понимаешь, возьмешь ты Библию, а не будет у тебя бумаги на папиросы, ты ее и скуришь!

— Да разве я ее скурю? Я нефтяником тут работаю, вот смотри, я с получкой иду, у меня полный карман денег, зарплата у нас тут большая, | но эту Книгу я достать нигде не могу. Ну продай!

— Не продается эта Книга!

А внутренний голос мне подсказывает, что надо отдать. Потом говорю: I

— Если ты так сильно хочешь ее иметь, я ее тебе подарю. Но ты дай I слово, что будешь ее читать, не сожжешь и не искуришь!

— Не сожгу и не искурю, буду читать!

Берет эту Библию, прижимает к себе и громко говорит проходящим I мимо людям:

— Кому нужны цветы? Сюда! Бесплатно цветы!

Я обращаюсь к нему:

— Слушай, ну Библию я тебе могла подарить, но цветы... Мне не на I что будет домой ехать, я их хоть как-то продам.

— Я знаю почему цветы продают. Я за всех буду платить.

И всех-всех зазывает. Люди подходят, кто-то бесплатно берет, кто-то сам оплачивает. Около меня толпятся люди.

— Берите-берите цветы!

К нему подошел друг:

— Что это у тебя за книжка?

— Библия!

— Слушай, где ты ее взял?

— Цветы продал.

— Мне она так нужна!

— Вместе читать будем.

Когда цветы у меня уже закончились, он мне говорит:

— Ты мне подарила Библию, а я оплачу за все эти цветы, я примерно знаю, сколько у тебя было цветов.

— Мне лишние не нужны, — говорю ему, — я примерно знаю, сколько у меня цветов было, там у них получше цветы, подороже, у меня подешевле.

— И я знаю, сколько у тебя цветов было, сколько букетов забрали. Вот тебе деньги за твои цветы, — и отдает мне деньги.

В итоге в два раза больше заплатил. Несколько раз поблагодарил меня за Библию, а потом говорит:

— А если вы к нам еще приедете, вы не можете привезти нам Библии?

— Я даю вам слово, что я здесь первый и последний раз. Приезжать сюда больше не буду. А вот мои сестры, — показываю на них, — еще приедут, я с ними передам. Передать Библии не смогу, только Евангелия.

— Познакомь нас с ними и скажи им, чтобы они нас запомнили и нам привезли, мы будем ждать.

— Если Бог жизнь продлит, и они приедут, то привезут. В этот раз мы приехали с тюльпанами, а в следующий раз они приедут с астрами.

И в следующий раз я передала с ними Евангелия, порядком передала. Лида отвезла, потом мне рассказывает, что они были очень довольны: «Уж они тебя благодарили-благодарили, хотели деньги нам сунуть, как на подарок тебе. Но мы не взяли, сказали, что ты нас выгонишь».

Вот так я тогда продала свои цветы.

А в лагерь к П. Т. Рытикову я все-таки ходила, по дороге купила ему кое-что покушать. Встречу с ним мне дали.

— Откуда ты здесь взялась? — удивился он.

— С рынка.

- Мне все равно, сестра, я рад, что ты приехала.
- Помолились, побеседовали, он так доволен был этой встречей.
- Я уже вернулась из лагеря, а мои сестры еще торгуют.
- Вам привет от Павла Тимофеевича, — говорю им.
- Никогда не думала, что ты так быстро закончишь, — говорит одна из моих сестер₁ — у тебя сразу почему-то разобрали.
- Библия помогла продать. Мне Господь помог.

Как-то братья были проездом в нашем городе и заехали ко мне, поужинали, утром перед дорогой надо обязательно завтраком накормить. Я все приготовила и позвала всех к столу.

А Григорий Васильевич Костюченко говорит:

— Ты, Клава, всегда только «кушать» да «кушать». И куда бы мы ни приехали, в каждом доме везде эти Марфы предлагают скорее покормить.

— Это же хорошо! — говорят другие братья. — Она рано встала, завтра к приготовила, и в дорогу все собрала, а ты ей выговор сделал вместо благодарности.

Не знаю, может, он таким образом хотел выразить благодарность, а я им говорю:

— Братья, я петь не умею, может, еще что-то не умею, а служение Марфы — это мне по силам, оно тоже нужно. Кого-то надо накормить, кому-то чем-то помочь.

А у меня уже все, что надо взять в дорогу, приготовлено. Едут на двух машинах, то ли восемь, то ли десять человек, ну и я в том числе, они меня с собой взяли. Едем, проехали километров триста, может, четыреста, заехали в один дом, там жила сестра наша, она недавно вышла замуж, очень хорошая сестра, и муж у нее очень хороший. Братья заехали к ним отдохнуть немножко да пора и покушать. Сестра показывает дом, который они купили, как в доме все чисто, хорошо, красиво. Все посмотрели, братья сидят, беседуют, а брат Коля говорит:

— Галя, мы все посмотрели, почему ты нам кухню не показываешь? Покажи нам кухню.

— Там беспорядок со вчерашнего вечера, я не успела убрать и посуду не помыла, не надо на кухню заходить.

Посидели-посидели, и он снова говорит:

— Галя, не важно, там порядок или беспорядок, покажи нам кухню. Мы хотим посмотреть кухню.

Он ей раза три сказал, но она объяснила, почему кухню не покажет. Значит, надо выезжать. Перед отъездом я рассказала братьям сон, который мне перед этим приснился, что Дмитрия Васильевича Минякова в дороге арестовывают, и сказала, где примерно.

— Я думал, Клава — верующая, — говорит один брат, — а она совсем неверующая, верит в сны.

— Ну, какая есть, такая есть, я рассказала то, что видела.

Выехали, нас так и не накормили. Немножко отъехали и достали еду, что взяли с собой. Братья говорят:

— Оказывается, Марфа и тут нужна, не только в доме.

Поели, все в хорошем настроении, едем дальше. Служение, ради которого братья ехали, совершили, возвращаемся обратно. Перед отъездом Дмитрий Васильевич стал переживать и говорит мне:

— Клава, давай они поедут на машине, а мы с тобой поездом.

— «Дмитрий Васильевич, — говорю я ему, — я с удовольствием с вами поехала бы на поезде, но у меня билет в Канск, в Красноярский край, на свидание к брату Сергею». Мать у них больная, она не может поехать, поедут брат и сестра, но они по лагерям не привыкли ездить и просили меня с ними съездить. Да и я хочу Сережу увидеть, удастся или не удастся, пустят или не пустят. У меня уже билет взят. Если мы поездом поедем, то я не успею, а так я с удовольствием бы с вами поехала.

Братья услышали наш разговор и стали говорить ему, что он сну придает большое значение, что это маловерие. Не поддержали его, сказав: «Ну неужели ты Клаву в этом послушал?»

Все братья, кроме водителей, были на нелегальном положении. Братья в основном служители были, лишние только я да жена Григория Васильевича.

Едем дальше на машине, подъезжаем уже к Ростову-на-Дону. Проезжаем заправку, на заправке стоит машина, там наши братья и там же был Дмитрий Васильевич, они ехали впереди нас. Мы подумали, что они заправляются. Там же стоит милиция. Но мы не придали этому особого значения и поехали дальше.

Потом заезжает к нам та машина, и братья говорят:

— Дмитрия Васильевича арестовали.

Потом Григорий Васильевич обращается ко мне:

— Клава, куда братьев разместить? Ты размести их, куда хочешь.

— Я же «неверующая», я могу разместить, но не туда, куда надо.

— Больше об этом говорить не будем. Ты меня отведи, к кому считаешь нужным.

У меня много друзей из зарегистрированных, в которых я была уверена, что они не предадут. Я братьев отвела

к ним. Там их посетил служитель, он просил:

— Григорий Васильевич, сейчас ехать нельзя! Нужно пересидеть!

— Пока не придет Клава за нами, мы никуда не выйдем. Пока она не скажет, куда мы должны ехать, мы никуда не поедem.

Мне сообщили, чтобы они ехали в Москву, я прихожу и говорю им:

— Вам нужно ехать в Москву, но садиться не в Ростове-на-Дону, а на следующей станции. До нее пойдете пешком, а не на автобусе.

— Ладно. Будет провожать кто?

— Будет.

Все организовали. После этого он мне никогда не говорил «неверующая». До Москвы братья доехали благополучно.

А Дмитрию Васильевичу дали пять лет заключения.

К Сереже Бублику на свидание я успела. Он сидел вместе с А. Каляшиным, но я к А. Каляшину не ходила ни разу, я его и не знала тогда. А то попросила бы и, может, пустили бы... Я знала, что он сидит, за него молились. Мы ему передачу передали и на его счет деньги положили, там можно отовариваться. Все оформили через бухгалтерию, как положено.

Потом мы пошли в управление ходатайствовать о свидании с Сережей, ведь в такую даль ехали, чтобы хоть не напрасно было. Мне лично на четыре часа свидание дали, это очень много, учитывая, что я ему не родственница, в личном деле меня нет. С нами еще один брат был, Миша, он доказал, что он родственник. Мне и ему дали на четыре часа.

Сережа так доволен был, слезы на глазах. Я ему говорю:

— Сережа, ведь есть такой приказ, что осужденные на срок до трех лет сидят в своей области, их никуда не отправляют.

А надзирательница говорит:

— Знаете, почему его отправили сюда? Чтобы он был подальше от вас. Они думали, что хоть тут вы его не найдете, а вы и тут его нашли.

Сережу и Н. Г. Батурина судили в один день в разных городах, а мне братья сказали:

— Ты не к Сереже поедешь, а к Н. Г. Батурина.

— К Батурина поедут жена, мать, все, а я поеду к Сереже.

Я хотела поехать к Сереже, потому что считала себя обязанной поддержать его, так как это я посоветовала ему пойти трудиться в издательство. И он послушался, пошел, работал хорошо. Перед тем, как ворвалась милиция, он успел разобрать печатную машинку. Они ему говорят: «Собери ее, и ты пойдешь на свободу! И допрашивать не будем, только собери, чтобы мы видели, как вы работали». Он собирать не стал, решил срок отсидеть. И мне очень хотелось к нему на суд попасть, но не получилось.

Сережа рассказывал:

— Я смотрю на суде, молодежь пришла, а тети Клавы нет. Я уже не смотрю ни на кого, а сильно переживаю, что тети Клавы нет, и так тяжело на сердце.

— Сережа, — говорю ему, — все мое сердце было с тобой, но я была на суде у Батурина. Там тоже нужно было быть, мне братья сказали, чтобы туда ехала. А там, когда мы приехали, оказалось, что очень нужна была поддержка. Жена растерялась, родные растерялись, а человеку со стороны не так больно, как жене или детям.

— Мне все ясно, тетя Клава. Там тоже было необходимо быть.

Потом мы стали просить за приехавших родных брата и сестру:

— Брат с сестрой издали приехали, дайте им личное свидание!

Они подумали-подумали и сказали:

— На трое суток не дадим, а на двое дадим! А вы где все это время будете?

— Вы не переживайте, мы найдем место, хоть около лагеря будем сидеть, только дайте им свидание.

Сестра с братом двое суток побыли на свидании, там они и готовили, и кушали вместе, и молились. Они там и ночевали. А мы их ожидали там, где останавливаются и ночуют приехавшие на свидание. Ой, там клопов было! ужас сколько! И там по очереди топили печку. Я говорю:

— Пусть мне древа подносят, я буду всю ночь топить печку, спать не буду.

— Клав, все два дня ты не будешь топить печку, — говорит мне Миша.

— Буду. Я лучше днем где-нибудь чуть-чуть прикорну. Здесь от клопов спасу нет!

А они на свидании побыли, вышли со слезами радости на глазах, довольные, слава Богу!

Мне приходилось часто по лагерям ездить, но была я только на общих свиданиях, от личных отказывалась. Нафантазируют еще что-нибудь, а потом напишут такое, что беда будет. А так хорошо было. Пускали ко многим, Бог располагал.

Еще об одном случае расскажу. Две сестры поехали на свидание к узнице Лиде Бондарь, и я с ними. По бюллетеню посмотрели, где наша сестра сидит, и решили, что трудно ей там, надо ее проведать. В личном деле ее единственная сестра числилась посторонним человеком по причине неправильной записи фамилии в свидетельстве о рождении. А кто в узах был, тот знает: надо, чтобы в личное дело родственники были вписаны, тогда в определенное время им дадут свидание. А так просто ехать — это так, в никуда. Но мы решили ехать. Это было не так близко, километров за триста пятьдесят от нас.

Пришли на автовокзал, а нужный нам автобус уже уехал, больше не на чем ехать. А у нас передача, сумки и с вещами, и с продуктами, как будто нас там ждут. Решили ехать на такси. Нанимаем такси, нас спрашивают:

- Куда ехать?
- Прямо до лагеря, — говорим.
- Нет, там не проедешь.

Какая-то часть дороги до лагеря плохая, сплошная грязь. Ни один таксист не соглашается туда ехать. Со стороны за нами наблюдает какой-то мужчина. Мы от таксистов отошли, он подходит и говорит:

- Я слышал, куда вам надо. Садитесь, вот машина, я вас отвезу.
- Мы вам заплатим как таксисту. Спасибо!

Сели, едем. Настроение у нас подавленное. Мы же не со свидания едем, переживаем: «Куда едем? Что настам ждет?» Едем и все молимся, а он и говорит нам:

- Какие-то вы унылые. К кому же вы едете?
- К сестре... Сестру проведать.
- Это вы все сестры что ли?
- Да, мы все сестры и к сестре едем.

Он посмотрел на нас и говорит:

- Сестру проведать — это хорошо. А что же печалитесь?
- Вы куда нас везете, в лагерь же...

Доехали мы до лагеря, который был указан в бюллетене. Видим свинарник, вокруг него забор из колючей проволоки. Машина застряла в грязи. до самого лагеря чуть-чуть оставалось. Вышли охранники, трое или четверо, помогли нам вытолкать машину. Прямо до самого лагеря мы добрались.

Спрашиваем через проволоку у женщин, которые кормят свиней: «Лида Бондарь тут работает?» По бюллетеню указано, что она должна быть здесь. Они друг у друга поспрашивали и говорят: «Нет, ее перевели в коровник. Это другой лагерь». Мы не знаем, что делать. А водитель нам попался хороший, он и говорит: «Не переживайте, я вас туда отвезу».

Подвез нас к коровнику. Там шлагбаум стоит. До изгороди коровника нужно через эти ворота проехать. Пропустят нас или нет, мы не знаем. Подъехали и объясняем, что нам надо туда пройти. Мужчина, который вез нас, с нами ходит. А охранник спрашивает:

- А у вас пропуск есть?
- Сюда за молоком все ездят.
- Есть! — смело отвечаем.

Он шлагбаум поднимает, а мужчина, который нас привез, говорит:

- Вы идите, а я здесь побуду, поговорю с охранником.

А нам это и нужно. Он с охранником разговаривает, а мы пошли позвали Лиду. Ее пригласили. У нее вся кожа на ногах полопалась от холода. А теплой одежды нет. Мы все необходимое ей привезли. Там была лощина, мы спустились в нее, все выложили, отдали ей одежду. Женщины подошли, все взяли и говорят: «Если вас заметят, то сразу все отберут, а так это целым будет».

Она со слезами благодарила Бога, а нам говорит:

- Я перед этим два дня просто вопияла к Богу!

Мы помолились вместе, поблагодарили Бога. А она уже просит, чтобы мы скорее уехали. Мы говорим:

— Лида, мы совсем не переживаем, и ты будь спокойна. На пропускном пункте нас легко пропустили. Тут лощинка, нас не видно. Жаль, что нет служителя, сейчас бы вечерю совершили!

Но она все равно переживала за нас, чтобы мы скорее ушли, особенно за меня. Потом мы распрощались и ушли.

А наш водитель спрашивает:

- Все в порядке?
- Все в порядке! Все хорошо.

Мы вышли, а охранник не спросил, зачем ходили и к кому. Пропуск же есть. А водитель говорит:

- Теперь поехали домой.

Мы садимся в машину. Теперь у нас на лицах печали нет, уже все радостные. Он спрашивает:

- Вы не будете против, если я повезу вас обратно другой дорогой?
- А нам все равно, какой повезете. Как хотите, так и везите.
- Хорошо, поедем другой дорогой.

Проехали сколько-то времени. Он видел, что мы не ели весь день. Мы тоже не видели, чтобы он ел по дороге. Остановились возле столовой, зашли. Мы решили и на него обед обязательно взять и хотели сами оплатить. Одна сестра пошла вперед, все заказывает, берет. Он смотрел, как кассир считала, и все сам оплатил за всех. И нам говорит:

— Я уже все оплатил.

— Ну что вы! Это мы должны были вам взять!

— Ничего-ничего, потом рассчитаемся, когда будете расплачиваться за дорогу!

Мы согласились. Будем рассчитываться, обязательно все учтем. И между собой договорились, что заплатим в два раза больше, чем таксисты нам сказали. Потому что он нас долго ждал, машина буксовала. Долго он с нами ездил, целый день и до поздней ночи. Триста пятьдесят километров все-таки. Далекое. Привез он нас обратно, а было уже часа два ночи, и говорит:

— Вас теперь нужно по домам развезти.

— Нет, нас всех в один дом!

— А вы что, все вместе живете?

— Да, вместе.

— Вот сестры какие. Вместе живут.

А потом мы стали говорить, какие мы сестры, почему мы сестры, к какой сестре ездили, что ради Господа мы все это сделали.

Когда стали рассчитывать, он говорит нам:

— Вы ради Господа ездили. А я ради Господа не должен что-то сделать? Нет-нет, ни в коем случае ничего не возьму. Расчета никакого быть не может.

— Вы хоть в собрание к нам приходите! — говорим ему. — Хоть как-то, хоть где-то мы с вами встретимся.

— Все, хорошо. Вы для Господа дело сделали, и я Господу послужил! Хорошие вы сестры.

Вот так мы к Лиде съездили. А она после пишет письмо своей родной сестре, спрашивает обо мне, на свободе ли я. Сестра отвечает: «На свободе, все нормально, все хорошо». А Лида пишет ей, что как только мы уехали, по селектору объявили: «Приехала какая-то машина, подъехала к лагерю, остановилась у свинарника. Затем отъехала в другой лагерь. Побывала там и спокойно уехала, никто их нигде не задержал». И за нами в погоню выехали машины. А в погоню, по-видимому, поехали по той дороге, по которой мы приехали. А наш водитель сообразил, что может быть погоня и повез нас другой дорогой.

Кто был этот водитель, мы не знаем. Брат? Не брат? Мы не знаем, как его называть. Кто знает, откуда он? Знает один Бог. Искали мы его потом на автовокзале, искали мы его везде, и так и не нашли. Мы думаем, что на небо придем и, наверное, там его увидим.

Лида после освобождения жила недалеко от нас. Часто к нам домой ездила. Всем рассказывала: «Как я за них тогда переживала, а они сидят и еще говорят, что служителя бы нам, вечерю совершить...»

Германюк Ульяна освободилась в конце марта 1987 года, почти на полтора года раньше срока, по состоянию здоровья. У нее были проблемы с желудком.

Я лично ее не знала, но мне позвонили братья и сказали, что она освободилась и надо ее забрать, найти врача, который бы смог установить, что с ней и подлечить. Она приехала ко мне в сопровождении сестры и сразу сказала ей: «Ты никуда не отлучайся, мы сейчас поедem назад».

Но я ей сказала: «Если бы от меня зависело, я бы тебя сразу осмотрела и сказала, в чем дело, но сейчас я поеду за врачом». Врач приехал и сказал, что им придется задержаться дня на три, чтобы сдать анализы и дождаться результатов.

По паспорту она Ульяна, но звали ее все Ася. Ася и говорит сестре, которая ее сопровождала: «Тогда ты езжай домой, а я можно тут поживу?»

Ася жила у меня уже месяц, никто не знал, где она, кроме пресвитера нашей церкви. Ася мне очень нравилась, с ней было легко, она всегда четко давала понять, что ей надо, что ей можно кушать, что нельзя.

Болезнь не проходила, и ей назначили операцию. И тут мы услышали, что планируется бракосочетание ее дочери, поэтому решили, что лучше прооперировать после свадьбы. Пришел пресвитер и говорит мне: «Ты вези ее, я обещаю, что за твоим огородом буду ухаживать как за своим». А у меня цветы росли на продажу.

Побыли мы на свадьбе, Ася с детьми встретилась. Потом мы уехали с ней обратно, так как ей стало хуже. Ее срочно положили в больницу, профессор сказал, что операцию будет делать сам.

Сын ее Славик пришел из армии, хотел увидеть мать. Я ему сказала: «Если дашь слово, что плакать не будешь в палате, я тебя возьму». Он пообещал. Помолился. Пришли мы с ним, он поприветствовал, обнял маму, поговорил с ней. У мамы слезы текут, а он ни одной слезы не проронил. Говорит ей: «Мамочка, ты поправишься. Скоро ты будешь дома. Представляешь, я буду приходить домой, а ты дома будешь!»

А как вышли из больницы, он оперся на дерево, рыдает, молится: «Господи! Ты маму скоро забереши!» Я пытаюсь его утешить.

Она лежала в больнице под другим именем, как моя родная сестра. Потом мы все же сказали профессору правду.

Как-то профессор говорит мне: «Приходили практиканты, выговаривали, что муж довел ее до такого состояния, а сам здоровый, кровь с молоком. Я ответил им, что они вместе в одной „больнице" были, в заключении».

Повезли ее на операцию, оказалось, что все очень плохо, разрезали и сразу зашили. Профессор¹ сказал: «Больше трех месяцев она не проживет. Заберите ее живой, потому что я не знаю, что сказать и сделать. Да еще и лежит она под другим именем».

Привезли ее домой, а у меня дома ее муж с сыном крышу перекрывают, чтобы чем-то себя занять. Они спрашивают:

— Все хорошо?

— Что же тут хорошего, если операция должна была идти шесть часов, а шла час?

Ночью мне снится, будто Ася говорит: «Клава, у меня почему-то ноги совсем холодные». Я смотрю, правда, холодные.

Асю увезли в реанимацию. Прилетела ее дочь, и когда мы пришли в больницу, врач был в сильном волнении. Нам стало понятно, что Ася умерла. Похороны были в Харькове. Славик спрашивал у меня:

— О чем мама молилась в последние разы, когда вы ее посещали?

— Она молилась о тебе, чтобы ты шел путем Божиим, чтобы стал служителем Господним.

Румачика Петра Васильевича освободили раньше срока. Братья узнали, что он болен, и сказали, чтобы везли его не домой, а ко мне, и попросили меня, чтобы я попыталась положить его в больницу. А для этого нужен был паспорт. Я с просила у одного брата, члена ростовской церкви, паспорт и говорю ему: «Не спрашивай, что и почему».

У меня был врач знакомый, заведующий. Он положил его в больницу. Он паспорт увидел, и этого было достаточно, ничего больше не спрашивал. Взяли у Петра Васильевича пробирку крови и отправили в Германию. Так усмотрел Бог, что в то время были туристы из Германии, и они заехали ко мне в гости. Мы отдали им пробирку, и они улетели. Оттуда уже сообщили нам, что рак подтвердился.

Больше месяца он лежал в больнице. Сделали полное переливание крови, и он пошел на восстановление. Позже на допросах меня спрашивали:

— Под какой фамилией ты положила Румачика в больницу?

Я им отвечала только:

— Я заведующей в больнице никогда не работала.

Как-то ехала я с одной сестрой через Москву, и в дороге почувствовала себя неважно. Братья предложили нам остановиться у верующего брата, который в то время жил один в двухкомнатной квартире. Родной брат его был в армии, мама незадолго до этого умерла, а неверующий отец не жиле ними.

Брат, который нас привез, не сразу нашел нужную квартиру. Сначала он начал открывать квартиру в другом подъезде, но ключ не подошел. Потом перешли в следующий подъезд, и там получилось открыть дверь. Мы вошли в квартиру и увидели на кухонном столе бутылки из-под водки. Открыв дверь в комнату, увидели на столе Библию, и тогда немного успокоились. Позже мы узнали, что приходил неверующий отец, принес спиртное и устроил проводы младшего сына в армию. Сложили мы свои вещи в комнате и стали ждать хозяина. Он приехал поздно, потому что учился в институте на другом конце Москвы.

Брат, увидев, что мне очень плохо, за переживал и наследующий день поехал к своей тете, которая была медиком. Приехав к ней, попросил совета, объяснив, что у него остановились две сестры и одна собирается умирать.

Его тетя с разу же приехала к нам, осмотрела меня и сделала заключение— инфаркт миокарда. Паспорта у меня не было, поэтому и в клинику обратиться я тоже не могла. Там я находилась с осени до весны, так как инфаркт был тяжелый. Брат, который привез нас, иногда навещал и как-то, уходя с лечащей меня сестрой, с переживанием сказал ей: «Если умрет, как вывозить-то будем?» Он понимал, что это делать придется ему. Но Господь, проводя нас через такие испытания, не оставлял и все контролировал.

Сестра, которая меня лечила, рассказывала, что назначила она как-то мне одно лекарство и поехала домой. Вдруг перед ее глазами предстала развернутая история болезни, а там написано, что нужно принимать лекарство через день. Она расстроилась, что неправильно назначила прием лекарства. На следующий день приехала и говорит: «Вам не надо было вчера принимать это лекарство». А мы и забыли его принять. Вот так Бог контролировал мое лечение.

Я лежала, а со мной рядом все время находилась сестра Феня. Она и уколы научилась делать, и следила, чтобы я все лекарства принимала, что мне назначили, и кушать мне готовила, и поворачивала меня в постели. Мне нельзя было никакое усилие прилагать. Через какое-то время мне разрешено было садиться. Я попросила сестру, которая меня лечила, разрешить мне принять душ, но она твердо сказала: «Вам сейчас мыться нельзя!» Феня меня просто

обтирала. Но когда та сестра уехала, я попросила Феню:

— Налей в ванную воды, я помыться хочу.

— Тебе же сказали, что нельзя, — не соглашалась она. — Мне тоже тяжело было бы так долго не мыться, — добавила уже сочувственно.

Я продолжала настаивать, и Феня стала наполнять ванну водой. В этот момент прорвало трубы. Квартира была на первом этаже.

Когда хозяин квартиры приехал домой, он увидел, что около нашей квартиры бегают люди. Двери нараспашку, он спрашивает Феню:

— Что случилось?

— Воду прорвало!

Он с таким облегчением говорит:

— Слава Богу!

— Какое «слава Богу»? Трубы прорвало!

— Слава Богу! — опять повторил он и полез в подвал перекрывать воду.

Он подумал, что милиция пришла, и переживал, потому что знал, что я была в то время на нелегальном положении.

Прошло время, и мне стало немного лучше. Я так устала находиться в одном месте, практически без движения. И мне так захотелось домой, в Ростов-на-Дону, увидеть детей, да и от сына пришло письмо, его мне передали через знакомых. Он написал, что собирается жениться. Дочь в то время уже была замужем.

Я понимала, что меня не отпустят домой, потому что, если я появлюсь в родном городе, меня может забрать милиция. Но несмотря ни на что я решила потихоньку уехать домой, когда Феня уйдет в магазин.

Как-то я проговорила, что хочу уехать. А Феня, видимо, поняла, что я так и сделаю, и она, уходя в магазин, стала надевать мои сапоги. А я думаю: «Как же я без сапогу еду?» Феня обувается в очередной раз, и я ей говорю:

— Феня, ну что ты все время мои сапоги надеваешь? Ты так ихносишь совсем.

А мне не жалко было сапог, я думала о том, как мне бы уехать. Я же не могу в ее сапогах уехать, это будет плохо.

— Хорошо, я в своих пойду, — отвечает Феня.

Она ушла. Я оделась в дорогу, ищу свои сапоги по всей квартире, не могу найти. В этот момент открывается входная дверь и заходит лечащая меня сестра со своим мужем. Была суббота, и она пришла пораньше. Я их увидела и заплакала. Мне же не разрешали вставать, а я вот она. Муж сестры стал меня утешать с нежностью: «Мы знаем, что тебе тяжело, но потерпи еще немного. Тебе нельзя вставать. У тебя очень серьезная болезнь, тебе нужен покой. Тебе никак нельзя сейчас ездить!»

Он пришел, чтобы врезать замок в дверь комнаты, в которой я находилась, так как к сыну собирался зайти его неверующий отец.

Так я осталась и пробыла там до весны. В то время, когда мне уже можно было ходить, приехал навестить меня брат-служитель.

Вдруг в одиннадцать часов ночи звонок в дверь. Феня посмотрела в глазок, а там весь тамбур в фуражках. Она не открыла. Они постояли немного и ушли. А в час ночи Феня вышла из подъезда, посмотрела — вокруг дома никого нет. Тогда мы со служителем вышли, взяли такси и уехали на другую квартиру.

В то время, когда я сильно заболела, приснился мне сон, что нужно куда-то лететь, а подняться нужно высоко-высоко, на кране каком-то. Некто управляет всем этим. А у меня в руках сумка, она тянет вниз, не дает мне подняться вверх. Остается еще немножко, еще ступенька. Я говорю:

— Силы нет!

— Брось сумку, она тянет вниз! — слышу голос.

— А как ее бросить? Я везу Батурину передачу в тюрьму — помидоры, он их любит.

— Брось сумку! — снова раздался голос.

Бросаю сумку - и сразу оказалась наверху, на платформе. Ноги у меня изранены, я так устала. Думаю, сейчас мне скажут: «Спускайся назад!» А как я пойду? Никак, не смогу!

Вдруг приходит Проверяющий, посмотрел, на меня так ласково. Я думаю: «Как же Он меня понимает!» Меня одели во все хорошее. Я сижу рядышком с Батуриным и думаю: «Вот благодать-то какая!»

Вдруг никого не стало, и мне сказали: «Ты готова, ты будешь отдыхать в этой комнате». И ведут меня в эту комнату. Вижу, перед ней дети, кого-то встречают с пением. Я спрашиваю:

— Вы кого вышли встречать?

— Тебя! Ты разве не знаешь, что мы тебя вышли встречать?

— Откуда вы знаете меня и что меня надо встречать?

Я знаю, что для меня готова комната, я должна в эту комнату постучать и меня Привратник должен пропустить.

Стучу, спрашиваю:

— Место готово?

— Да. Но пока не могу тебя впустить.

— А мне некуда идти. Мне негде жить, я должна тут остаться!

И я в этот момент услышала очень сильный стук, прямо двери зазвенели. Он спрашивает: ¹

— Слышишь стук? На такой стук я отказать не могу. Ты придешь, но только не сейчас.

Я так плакала, я догадывалась, что это был за стук. Это были молитвы.

— А мне деваться некуда, — говорю, — мне идти некуда. Место готово, и мне одну дверь открыть и все.

Но мне сказали:

— Место готово, но ты еще пока не войдешь.

В то время, когда я болела, неслись к Богу молитвы многих.

Когда Дмитрий Васильевич Миняков был в тюрьме, я ездила к нему на свидание и в тюрьму ходила в Таллин, и он мне потом сказал: «Я никогда в жизни ни за кого так не молился, как за тебя! Как я молился, чтобы ты осталась жива, пока я не освобожусь».

Яков Ефремович Иващенко после четырех лет лагерей был сослан в ссылку на четыре года в Якутию, поселок Зырянка. В то же время Евгений Никифорович Пушкив был в ссылке в селе Зырянское Томской области. А Иван Яковлевич Антонов отбывал ссылку в поселке Тея Красноярского края.

И вот мы с одной пожилой сестрой, Вильчинской Зинаидой (она трудилась в Совете родственников узников, сама сидела срок, муж и дочка сидели), решили посетить братьев. Мы с ней полетели на Колыму в Якутск.

Она говорит: «Я знаю, там один брат есть, Анатолий. Это молодая семья, они недавно туда приехали, трудятся там. Я позвонила, чтобы он взял нам билет на Зырянку. Туда ничего не ходит, кроме самолета, а самолет летает только маленький, Ан-24, с билетами там очень трудно».

Прилетели мы в Якутск, нас никто не встречает. Нашли этого брата, пришли к нему, а он говорит, что получил телеграмму, ходил узнавал

на счет билетов, ему сказали: «Билеты на Зырянку будут только через две недели. И то только по знакомству.

Кроме самолета туда ничем не доберешься, а у нас продукты для Ивана Яковлевича, Евгения Никифоровича и Якова Ефремовича, брата из Киева. Думаем: «Что же нам делать? Мы такие нагруженные». Пока обсуждали нашу проблему, зашли два брата. Они ездили на посещение в Магадан, в те места, где когда-то сидел Д. В. Миняков, и говорят: «В три места ехать—это очень тяжело будет, нужно вас как-то разгрузить».

Они посмотрели — сумки очень тяжелые, и говорят одному брату: «Собирайся и поезжай к Ивану Яковлевичу, отвези продукты и скажи, что сестры очень гатят приехать, но уже без сумок».

Мы обрадовались, часть продуктов отдали, а для Евгения Никифоровича в камере хранения оставили. Там все-таки холоднее. А билет только через две недели будет, и то по большому знакомству. Куда это годится? Говорю сестре Зине:

— Пойдем в аэропорт.

— Что ты надумала? Сказали же, что только по знакомству.

— А у нас с тобой везде знакомства, пойдем!

Пришли в аэропорт, стали думать, как нам поступить. И решили, что одна будет стоять в зале и молиться, а другая пойдет просить начальника аэропорта, объяснит, зачем мы приехали, всю правду скажет.

И вот одна молится, а другая заходит к начальнику и говорит:

— Здравствуйте, мы издалека приехали, чтобы посетить нашего брата. Он отсидел лагерь, а теперь ссылку отбывает в Зырянке. А как проехать? Туда ничего не ходит, кроме самолета. Помогите нам улететь.

— И сколько вас?

— Двое.

— Вы родственники ему?

— Мы родственники по Крови Христа, — откровенно сказала, — и никакие другие, это —самая большая родня.

Женщина внимательно посмотрела и спрашивает:

— Когда вы думаете лететь? Сегодня полетите?

— У нас вещей нет с собой. Вы извините, пожалуйста, а нельзя завтра? За вещами надо съездить.

— Хорошо, полетите завтра, только будьте готовы! Два местечка у меня найдется.

— Будем готовы сегодня вечером. Вещи за берем и будем ждать здесь.

— Не надо. Завтра полетите.

Приходим к Анатолию и говорим:

— Мы завтра улетаем.

— Не может быть! У меня знакомые в этой аэропорту, и они сказали, что самое раннее - через две недели.

— А мы летим завтра.

На следующий день мы улетели в Зырянку. А Якову Ефремовичу, которого хотели посетить, мы сообщили, что летим, и попросили купить билет, чтобы улететь обратно через три дня.

А на Колыме билеты выдают только тем, кто там работает и выезжает на летние отпуска. Примерно на год вперед у них все забронировано. У них и касса не открывается, эти билеты им на предприятиях выдают. Они вылетают надолго, на два месяца, на полгода, потому что они на Колыме подолгу работают. Отпуск берут сразу за несколько лет. Там и возможности нет никакой, чтобы срочно взять билет и лететь.

Яков Ефремович говорит:

— Как же хорошо, что сестры прилетели меня посетить, как же мы рады. Но мы не знаем, когда вы сможете улететь, долго придется срок с нами отбывать.

— Да нет, мы через три дня полетим.

— Нет, этого уж, сестры, не будет, кассу даже не открывают.

А там уже организовалась церковь, человек пять, наверное, из бывших сосланных, которые отбыли наказание. Как же они нас встретили хорошо, всю ночь беседовали! Одну сестру проводили, другую идем провожать, одного брата проводили, снова идем провожать, и вот с утра до вечера провожаем. Одна сестра грибов нажарила принесла, другая пирожков напекла, рыбы нажарила, подкармливают нас.

А у нас цель — через три дня уехать.

И одна узнавала про билеты, и другая — не открывается касса. Билеты распроданы по предприятиям.

— Сестры, ну не получится вам улететь, — говорят нам.

— Ну а мы через три дня полетим.

Один молодой брат, ему лет двадцать пять, говорит:

— Если вы полетите через три дня, это будет для нас чудо, подобное выходу из Египта, когда Черное море расступилось.

— Вот такое чудо с нами и будет.

Едем через три дня в аэропорт, а там люди стоят: всем надо улететь, а касса не открывается. Подходим к аэропорту, перед нами открывается касса. Кассир спрашивает:

— Куда вам надо?

Думаем, как бы не растеряться. Если скажем, что до Якутска только, то мы там дальше не улетим. Мы говорим:

— Через Якутск до Новосибирска.

— У вас бронь есть?

— Есть, конечно.

— А кто бронировал?

— Начальник.

Толпа людей стоит, а кассир нам выписывает билеты. Билеты дала, мы заплатили, касса закрылась. А перед этим она сказала остальным: «Билетов нет! Все билеты по предприятиям! Это бронированные. Начальник бронировал».

Так мы полетели. Мало того, нам и от Якутска не надо брать, у нас до Новосибирска. А в Новосибирске нас братья встретили, и на машине отвезли в поселок Зырянское (Томская область) к Евгению Никифоровичу.

Побыли мы там пару дней, передали ему скрипку из Германии, очень хорошую. Он говорит: «Не будут мои руки больше на скрипке играть...! Посмотрите, какие они стали от такой тяжелой работы». А скрипка ему пригодилась, и по сегодняшний день на ней играет. Вот так мы побыли, провели братьев и благополучно вернулись домой.

Был такой случай. Везли в Россию из Германии гуманитарную помощь. Братья позвонили, чтобы мы их встретили и проводили куда надо. Сестра, которая знала немецкий язык и должна была их встретить, заболела. Мы вчетвером вышли их встречать, а по-немецки никто не понимает. И вот они подъехали. Они должны были у нас отгрузить полтонны литературы. А как объяснить? Нам звонят и спрашивают:

— Объяснить сумеете?

— Как суметь, если не знаем немецкий?

Мы так все постояли, не знаем, что делать. Брат-служитель говорит:

Я ухожу, мне надо собрание начинать.

— У тебя собрание — ты будешь проповедовать, — говорю ему, — у меня тоже собрание — я буду слушать.

Мы же должны людей встретить и проводить.

Молча постояли с ними, потом я братьям говорю:

— Лучше вы на время отойдите от них в сторонку, я одна с ними поговорю, мне как-то неудобно при всех.

Некоторые немецкие слова я слышала от одного немецкого мальчика, который гостил у меня на летних

каникулах.

Подошла я к ним, поприветствовала их. Объяснила им, что один брат поедет с ними в кабине, он нигде ни с кем разговаривать не будет. Если их где-то остановят, разговаривать они будут сами. Этот человек знает, где нужно разгрузить литературу. Там жилья нет, местность такая. Мы будем наблюдать, а потом заберем эту литературу. Не знаю, как я объяснялась с ними, Бог один знает.

1

Они так и сделали, разгрузились, и уехали с гуманитарной помощью дальше, а мы потом забрали литературу. На обратном пути они заехали к нам. Мы их встретили, покормили. Они привезли гостинцы, подарки, улыбаются, всех обнимают, говорят уже через переводчика:

- Как же вы нам хорошо объяснили, мы нигде не запутались. Ты немецкий язык знаешь?
- Я даже русский плохо знаю, — отвечаю им.
- Правда, ты не знала? А мы решили, что ты хорошо знаешь немецкий язык.
- Когда надо будет, Бог научит.

У нас в Ростовской церкви был видеомагнитофон, сначала его использовали для просмотра слайдов, а потом перешли и на христианские фильмы. Считали, что это духовно. И вот по пятницам договорились всем собранием смотреть фильм «Бен-Гур». Но решили смотреть не сразу от начала до конца, а по частям. Многие читали книгу, по сюжету которой снят фильм. Брат, который этим управлял, кое-где, некоторые моменты фильма, прокручивал. Телевизор стоял в доме у служителя, у него дом большой, верующих набивалось много.

В пятницу у нас пост, вечером молитвенное собрание. Но когда там молиться? Надо скорее смотреть фильм! В собрание по пятницам народу много стало приходить, так что в воскресенье было меньше, чем в пятницу.

Один брат-узник узнал, что делается, и спрашивает у служителя:

- Как? Неужели это правда?
- Да-да, смотрели.
- Ты сможешь мне его убрать?
- Да, помогу!

Они вдвоем телевизор разбили и в мусорку выбросили. А брат, который показывал фильм, когда узнал об этом, а он уже хотел уезжать, вернулся с вокзала и остался на собрание. Попросил у церкви прощения, что он такой ущерб церкви нанес.

Этот телевизор покупала церковь. И брат, который предложил разбить этот телевизор, говорит:

— Я вам сейчас ущерб возместить не смогу, но, когда меня снова посадят, я соберу там деньги и обязательно вам их возвращу.

После проповеди этого брата покаяния были, обновление было, исповедание. Оказалось, что у многих был телевизор — никто друг другу не признавался, они его прятали, кто — на чердаке, кто — в темной комнате.

Железный за навес стал открываться. Дочка в то время уже была замужем. У Павла, мужа дочери, были небольшие неприятности, и он сразу решил уехать в Америку. Для меня это было большим ударом, но я еще думала, это сказка, кому они там нужны? А потом смотрю, дело плохо — вызов пришел. Им прислали вызов, и они подали заявление, чтобы уехать в Америку. Но прежде они должны все документы собрать, что родители не возражают. Разрешая выезд, родители соглашаются с тем, что их дети ничего им не должны, что они не рассчитывают на их помощь. Поехали к отцу, просить разрешения. Он говорит: «Я бы никогда не дал согласия, но так как ничем не помогал вам, не могу вам препятствовать». И он им подписал, и я подписала.

Братья были очень против, говорили мне: «Что ты надумала, куда ты их отпустила?» А я сильно переживала, плакала: «Боже мой, что же мне делать?»

И вот как-то едем мы ко мне с двумя братьями. Они рассказывают, что знают одного брата, который написал письмо о том, что те, кто туда уехал, это погибшие люди, что там все плохо, что им приходится по мусоркам еду собирать. И называют имя брата, который это сообщил. А я этого брата хорошо знаю, он у меня два года жил и перед отъездом в Америку заезжал ко мне. Я у братьев спрашиваю:

- Кому же он прислал письмо?
- В Харьков написал.

У нас дома уже был телефон, позвонила бы я этому брату в Америку, но не имела права звонить, ведь он это не мне сообщает, а другим.

Братья говорят:

- Почему ты дала согласие? Ты на такие мучения отправляешь детей.
- А что я могла сделать? Как не дать?

Говорили-говорили, я в слезах. Подъехали, в дом зашли. Раздается телефонный звонок, именно от этого брата

из Америки. Я ему говорю:

— Юра, в какую же трудную минуту жизни ты позвонил. Скажи мне, только правду, потому что ты знаешь, что дети мои собираются выехать в Америку, а это для меня такое горе!

— Тетя Клава, успокойтесь! Какое горе?

Я ему перечисляю трудности, о которых он писал кому-то в письме.

— Откуда вы это выдумали?

Братья сидят, слушают на ш разговор. Я говорю:

— Откуда я выдумала? Это не выдумка, ты об этом кому-то писал.

— Да я, кроме вас, там никого и не знаю, я только у вас жил.

— А мне сказали, что твоя мать там на мусорках питается.

— Кто вам такое сказал? Мама из России больная уезжала, там врачи бессильны были ей помочь. А сейчас она выздоровела. Здесь у нее и питание бесплатное, и квартира хорошая. Я сейчас вам звоню лишь потому, что знаю, что сейчас едет Ирина, и хочу, чтобы вы поехали вместе с ней. Вам будет здесь намного легче. И не думайте, что вы будете без собрания, здесь хорошие русские собрания. Обязательно приезжайте, я вам говорю это от чистого сердца. Мы готовы вас встретить здесь, даже не переживайте и Ирину с миром отпускайте!

Не ожидали эти братья, что тут такое случится. Они так посмотрели друг на друга и говорят: «Сейчас никому ничего не докажешь».

Это было в 1989 году. Как раз была объявлена свобода совести, узников всех освободили. Во дворе дома, где Ирина с Павлом жили, поставили легкую палатку для проведения Всесоюзного совещания. На этом совещании был Геннадий Константинович, он первый раз тогда вышел из своего заточения. Народу было много.

И мы приурочили проводы детей к этому совещанию. Они билеты сдали, другие взяли, полетели на месяц позже. Зять говорит: «Это все приехали ко мне на проводы». На общении два дня побыли, для них это было очень памятно.

Кто-то положил мне руку на плечо и говорит:

— Не переживай за них. Но ты оставайся здесь, не уезжай в Америку.

А Ирина говорит:

— Я только об одном прошу вас: уговорите маму с нами поехать, мне очень трудно оставлять ее здесь.

Дети мои и другие семьи верующих уезжали в Америку по ходатайству Георгия Петровича Винса, особенно его дочери Наташи. Все полетели в Калифорнию, их было много, полный самолет. По их просьбе семью моей дочери направили в Детройт. Когда все вместе летели, им было не страшно. Но когда одну семью отделили, они растерялись. Языка не знают, куда их везут, не знают.

Прилетели наши в Детройт, выходят из самолета, а как и куда дальше ехать, не знают. Потом смотрят, плакаты висят: «Приветствуем семью Гокунь на американской земле!» У них немного отлегло. Это были верующие поместной церкви, все запели гимн. Здесь же был и пастор их церкви, и Наташа Винс, и другие верующие, которые говорили по-русски.

Всем беженцам обычно оказывают помощь от государства, жилье предоставляют, а их на обеспечение взяла церковь, от государства они ничего не получали, и жили они в церкви. Их обеспечили всем необходимым, но в церкви они ничего не понимали. Так жили они месяца два, очень трудно было, потому что они не понимали языка.

Однажды одна сестра (она американка), которая помогала им, в шутку сказала Галочке, дочке Ирины, которой было четыре года: «Если захочешь позвонить, набери вот этот номер и скажи: «Please help me!» Больше ничего не говори».

А это же ребенок, она запомнила эту фразу набрала нужный номер и говорит: «Please help me!»

Моментально эту церковь окружила полиция, и не одна машина, они зашли в дом, надели наручники на отца. Полицейский говорит: «Мы приехали, потому что ребенок просил о помощи».

Что там было, слез сколько. Пастор пришел, не понимает, что происходит. Галочка так плакала, кричала: «Папочка, папочка!» А он в наручниках стоит. Пастор говорит:

— Да ничего не было, мы не знаем, как это получилось, никто не вызывал полицию.

— Вина моя, я ребенка научила, как позвонить, я пошутила... — говорит сестра, которая научила Галочку этим словам.

Она-то не думала, что полиция придет, думала, пастор придет или кто-то еще.

Пастор стал вступаться за зятя с дочкой:

— Мы их с радостью приняли из России, и они нам не мешают, это такие мирные люди. И комнаты у нас есть, и кормить у нас есть чем.

Собралось много народу. Приехали переводчики. Доказывали-доказывали, что нет у них никакой вины. Проверили весь инвентарь церковный, может, где-нибудь, заложено что-то. Здание церкви большое, так как больше тысячи членов, поэтому комнат в доме очень много. Провели полную ревизию всего помещения, все перевернули.

Потом наручники с Павла сняли, сделали ему выговор, чтобы за детьми следили. Рядом с домом на ночь оставили две машины с полицией. «Все-таки, — говорят, — мы совсем вас оставить не можем».

Юра узнал, как они живут и где, и подсказал, в какую организацию обратиться. Они пошли туда, и там им сказали, что им и квартира положена, и медицинское обслуживание. После этого они стали жить в своей квартире и получать продукты. Ирина с Павлом были рады, что обеспечены, ни от кого теперь независимы.

Через год, как они уехали, я получила от них вызов, и поехала туда в гости. Препятствий мне не чинили, пропустили, только в ОВИРе сомневались:

— Ну как, пустить или не пустить?

— Я еду к детям в гости, я неправды не говорю, я говорю так, как есть.

— Дай слово, что точно вернешься.

— Я этого слова вам дать не могу. Я еду в гости, если Бог жизнь продлит, то вернусь. А сказать, что я точно вернусь, не могу, вдруг не доживу. А возможно, буду лететь, и Христос придет, из самолета возьмет верующих. Я же не скажу Ему: «Нет, я обещала вернуться в наш ОВИР, я с Тобой не пойду».

— Ты юмористка хорошая, — рассмеялись они. — Ну ладно, тогда со своим Христом пойдешь на небо.

— Да, тогда на небо пойду.

Они еще много чего говорили, но все-таки отпустили. Препград в посольстве мне не было, и в Америке дали побыть год.

Я летела в Америку одна. Это надо же — в Америку лететь одной, я так расстроилась, волновалась. Сажусь в самолет и переживаю: как же я буду одна добираться. В Нью-Йорке надо пересадку делать, а этот Нью-Йорк я совсем не знаю, это огромный город. Зять сказал, что в Нью-Йорке меня встретят и перевезут куда надо.

Молюсь, думаю, хоть бы в самолете со мной рядом женщины сели. Смотрю, с одной стороны мужчина сел, с другой — пока место свободное. Думаю: «Хоть бы женщина подошла». Мужчины садились нормально одетые, а потом заходит молодой парень в шортиках и садится рядом со мной, здоровается по-английски. Я кивнула ему головой, а он, видя, что я не в настроении, показывает на голову и спрашивает по-английски:

— Голова болит?

— Да.

Он сел, сидит спокойно. Самолет поднялся. Смотрю, мне дают таблетки, дают пить, он опять что-то принес. А там постоянно кормят и поят и без конца подходят и спрашивают, не нужно ли чего. Он посидит-посидит и снова спрашивает:

— Болит голова, да?

— Болит.

Думаю: «Хотя бы ты от меня отстал, дал бы мне спокойно посидеть». Разносят еду. Чтобы мне не ставили, я машу рукой: «Не надо». Он берет и ставит себе мою порцию. Я посмотрела, а там лежит соленый огурчик, его беру. У меня тошнота, я огурчик, съела, стало немного легче. Он кушает свое, огурчик вилкой перекладывает мне. Головой ему киваю: «Спасибо!»

Этой еде я рада.

Мужчины сидят, едят рядом, он с ними по-своему разговаривает и их огурчики собирает и мне перекладывает. Ну, думаю, огурцами наемся досыта. Вот тебе и «в шортиках». Начинают сок пить, он мне сок несет.

— «Не надо», — говорю ему.

— Надо, надо! Огурчик поела, теперь надо пить, - объясняет он мне.

То яблочный, то еще какой сок принесет. Так хорошо он за мной ухаживал. Позвал, чтобы мне давление измерили, таблетку выпила. Он говорит: «Окей, окей!» Опять он меня успокаивает. Приземлились, он меня спрашивает (я ему по-русски, он по-английски):

— Чемодан, вещи у вас какие есть?

— Есть.

Он свою сумку вешает через плечо, у стюардессы спрашивает о моих вещах, снимает мои вещи и берет их. Я с сумочкой иду. Он меня аккуратно провожает, помогает спуститься. Тут ко мне кинулись дети, обнимают. Он им говорит:

— No, no! Голова, голова!

Дочь и зять стоят, он подходит к ним и обращается к зятю:

— Сильно больная, вези очень осторожно!

В автобус помог войти, вещи занес и опять говорит зятю:

— Вези осторожно! Сильно больная!

Зять говорит мне:

— Ну у тебя и попутчик, уж так наказывал везти тебя осторожно.

Надо же, я так хотела, чтобы со мной села женщина, а со мной сел парень. И как он мне помогал, я долетела благополучно.

Я прожила там год, хотела уехать раньше, но нужно было с детьми сидеть, так как Ирина пошла учить английский язык, без этого там делать нечего.

Все это время, пока я там была, благодарила Бога, что у меня есть обратный билет. У меня был билет обратно с открытой датой, это значит, что я могла вылететь в любой день. Я только всегда молилась: «Господи, как я благодарю Тебя, что у меня билет в кармане, все-таки я из Америки улечу. Кругом чужие, выйдешь — ничего не понимаешь, что говорят — не знаешь». В церкви мы слушали проповеди с переводчиком.

Как-то пастор говорит мне:

- Когда я проповедую, ты так внимательно слушаешь, уже должна понимать английский.

— Да нет, я никогда не научусь, — отвечаю.

Верующие этой церкви посчитали, что я в России бедно жила, потому что на мне не было никаких украшений. На мне была косынка, а там верующие без косынок, они носят кольца, серьги — это у них в порядке вещей. Они собрали мне этих драгоценностей, целая коробочка получилась. И после собрания подходит ко мне жена пастора с переводчиком и говорит:

— Это мы с любовью вам дарим!

— Спасибо вам за подарки, но я ни в коем случае не приму!

Мне переводчик говорит:

— Мы завтра пойдем и сдадим — будут деньги.

— Ни в коем случае я ни сдавать не буду, ни принимать не буду, пусть они меня простят. Я всем довольна: и одеждой своей, и всем остальным.

Пастор их говорит:

— Когда наша церковь только зарождалась, я был тогда еще ребенком, и мы так же жили, ни на ком никаких украшений не было.

В то время, пока я была в Америке, от этой церкви в Москву послали двух миссионеров. Приехали они к А. Семченко (он из ВСЕХБ), у них с ним была какая-то связь. Они привезли много литературы. Было у них желание попасть и к отделившимся, узнать о гонениях. Их там приняли хорошо. Эти миссионеры хотели соединить зарегистрированных и отделившихся, но у них это не получилось. Были они там недолго. Вернулись в Америку, и один из них пошел к пастору и сказал, что его там отлучили. Зовут меня к пастору и через переводчика спрашивают:

— Какое они имели право отлучать? Что это за отделившиеся, какие это христиане?
— Я никогда не поверю, что его там отлучили. Если бы он был членом их церкви, то его могли бы отлучить.
— И они ничего у меня не взяли, отказались от помощи, — говорит этот миссионер.
— Ты ехал, наверное, соединить их за деньги. Доллары там не помогут, там люди, которые служат Богу. И поэтому единственное, что они могли тебе сказать, это то, что ты связан с человеком с сомнительным прошлым.

— Так это было? — спрашивает пастор.

Молчит. Он находит второго миссионера, связывается с ним и задает ему вопрос:

— Это так было?

— Да, так. Сказали: «Если ты дело с этими людьми имеешь, мы никакого дела с тобой иметь не можем».

Тогда этот миссионер просит меня с ним удалиться. Я говорю:

— Я же не буду понимать, что ты будешь мне говорить.

Мы зашли в кабинет, в офис какой-то, и переводник со мной пошел. Миссионер молился, плакал, у Бога прощения просил, что все неправильно понял и пастору такое рассказал.

Проходит время, тот пастор снова поехал в Россию, в Москву, хотел вновь увидеться с отделившимися. А я попросила его передать сумки для брата, бывшего узника. По возвращении он всем рассказывал, как он в России со Христом встретился глаза в глаза: «Я видел глаза Христа, я смотрел в глаза Христа, братья и сестры. У этого служителя, которому я сумки передавал, которому я в глаза смотрел, были глаза Христа, он был как Христос передо мной».

В следующий раз опять про это же рассказывает: «Какой же это человек! Это настоящий христианин! Никакой машины нет, поднял сам сумки, поблагодарил Бога и без всякого ропота все на себе понес. Как мне вам рассказать, как мне вам это передать? Мне стоило из-за этого съездить, стоило. Я не был ни в одном молитвенном доме, я не пошел к А. Семченко. Если у отделившихся такие христиане, то это действительно христиане. За это стоит бороться, за это стоит страдать, за это стоит нам молиться. И мы обязаны молиться и, чем можем, помогать им, литературой или еще чем-то».

А жена его спрашивает:

— Ну что же ты с ним поближе не познакомился?

— Познакомился, он за эти вещи благодарил Бога. С молитвой встретил и с молитвой ушел, и без молитвы ничего не делал. Голос у него ангельский, и глаза у него Христовы.

Когда я вернулась в Россию, то рассказала о том, как он с восторгом рассказывал о своей встрече с этим братом: «Глаза Христа человек увидел! Тут никто не видит, а он увидел!»

Через год я захотела опять съездить к детям. Поехала, пропустили сразу. Я приехала в гости, а пастор очень просил меня остаться у них насовсем. Он хотел написать заявление, по которому меня там пропишут, оставят, узаконят, что я житель Америки, а потом дадут гражданство.

Но я никак не хотела там оставаться, через год мне необходимо было вернуться домой, здесь проблемы были. Мне сообщили: «Срочно приезжай!» Я даже на месяц раньше уехала.

Проходит время, сын тоже уезжает в Америку. Слез у меня много было, помню, брат меня утешал: «Надежда у тебя на детей, на людей. А где твоя надежда на Бога?»

Потом провожали мою сестру, много верующих собралось. Я стою заплаканная, скорблю в душе, а Захаровы рядом стоят, утешают.

Жена пресвитера говорит: «Мы тебя не бросим, до конца будем рядом! Мы свидетели, небо — свидетель! Она остается здесь одна, а в жизни неизвестно, что может случиться».

* * *

Потом я думала-думала и решила: «Поеду к детям». Подала заявление в ОВИР, но мне отказали. Меня не пускали четыре года. На собеседование вызывали, а выезд не разрешали.

Сестра моя, которая уехала в Америку, узнала, что кто-то анонимку написал, что я тут, в России, якобы занималась плохими делами: увольняла людей с работы, репрессировала, заявляла на людей, и их сажали в тюрьмы. Куда там на выезд? Таких там не принимают. Туда пропускают христиан, еще и испытывают их.

Один брат мне говорит: «А вот я уеду, я был в зарегистрированной церкви и занимался чем надо было, и меня пустят, а тебя нет». И в самом деле, он уехал, а я осталась.

И сколько потом еще вызывали меня. Как-то говорю им: «Все, я больше ездить не буду, не вызывайте, сразу пишите отказ. Сколько я уже денег на дорогу потратила, каждый раз в Москву приезжать — дорога не близкая. Дети звонят, вызовы делают, а вы не пускаете. Лучше сразу в посольстве скажите, что не пропускаете».

Когда у нас братское было, съехались братья Совета церквей, а я опять в слезы. Меня спрашивают:

— В чем дело?

— Мне отказали в выезде в Америку.

Один из служителей сказал:

— Мы сейчас во время совещания помолимся, чтобы Бог помог тебе выехать к детям.

Другой ему возражает:

— Ты хочешь молиться, чтобы она уехала?

— Она страдает без детей, она хочет детей видеть, не препятствуйте ей уехать. Тогда я один помолюсь, —

и он помолился.

На следующее собеседование в ОВИР мы поехали вместе с сестрой Таей. Еду, а сама думаю: «Что толку туда идти? Опять откажут».

Когда подошла моя очередь, та же сотрудница говорит мне:

— Нет-нет, никак не получается!

Думаю: «А я и знала, что не получится. Чего я ехала сюда?»

Позади меня стоял какой-то мужчина, он говорит ей:

— Подожди, не отпускай людей, пусть они подождут. Надо разобраться с ней.

— Сколько у тебя детей? — обращается он ко мне:

— Двое.

— Муж есть?

— Нет, муж оставил меня, у нас немного взгляды разошлись. Но это личное дело, каждый живет так, как

хочет.

— Сколько ты не живешь с мужем?

— Тридцать восемь лет.

— И ты второй раз не вышла замуж?

— Нет, я детей воспитывала, жила с Господом, у меня все хорошо было.

— Кто у тебя дома есть?

— Сестра одна уехала, сын, дочь уехали, и еще одна сестра собирается уезжать.

— В доме у тебя никого нет? В доме ты живешь одна?

— С Господом живу.

Тогда он говорит сотруднице:

— Заполний анкету!

А она рассердилась, ей этого не хочется делать, она мне пачку документов дает и говорит:

— Вот, заполняйте анкету и все эти бумаги.

А Тая со мной стоит, она грамотнее меня, с высшим образованием.

— Клабочка, ты не волнуйся, не волнуйся, — подбадривает она меня.

Я разволновалась и говорю этой сотруднице:

— Если бы вы дали заполнить на русском языке, и то я бы не заполнила, а вы дали мне на английском. Я должна найти переводчика, я ничего не понимаю, как я заполню?

А мужчина этот своей сотруднице по-английски говорит:

— Я сказал: не она должна заполнять, а ты.

А другой мужчина, который стоял рядом, объяснил мне его слова:

— Он заставляет ее оформить документы.

Тогда эта сотрудница говорит:

— Все отойдите от моего окна! Я буду долго занята.

Забирает у меня все бумаги, паспорт попросила и говорит:

— А вы погуляйте, придете к концу дня, мы до пяти работаем.

— Будет все заполнено, — уверяет меня тот мужчина.

По-видимому, это начальник, потому что она ему подчинилась. Пошли мы с Таей гулять, помолились в парке, покушали. Идем обратно, еще пяти часов нет. Стоим в очереди, первой вызывают меня и вручают мне документы. Выходит этот мужчина и говорит:

— Поздравляю! Только вам нужно как можно скорее выехать из России! Потому что документы на вас поступили недобрые из Америки. Но я понимаю, что это не так, что больше верят бумаге, а не словам. Вам лучше через уже два-три дня вылететь, мы вам поможем взять билет.

— Вы знаете, я через два-три дня, наверное, не смогу улететь. И еще дети мне должны билет купить.

— Мы поможем вам улететь!

— Я должна вернуться в свой город, в свою церковь, с ними попрощаться, сказать, что я уезжаю. Нельзя же так, ездила-ездил к вам сюда, и вот так молча, не попрощавшись с друзьями, уехать. Они меня проводят, и я уеду.

— Сколько вам времени надо?

— Туда и обратно. Я задерживаться не буду, по возможности буду спешить, за неделю я все сделаю.

Когда я прощалась с церковью, много слез было, все плакали, особенно Захаровы. Они на собрании во всеуслышание говорили:

- Она нам была матерью! И заменяла нам все!
- Церковь же с вами остается, не волнуйтесь, — утешали их.

У поезда провожать собралось очень-очень много народу. Все-таки церковь моя, я из церкви уезжаю. Много друзей, много бывших узников, которых посещали, и много молодежи было. Я и в армию много ездила, и к Сереже, и к Саше, и к Пете. Все пели, прощались и плакали у вагона. Нина и Люба Захаровы поехали провожать меня до Москвы. Когда мы сели в поезд, проводник спрашивает:

- Кого это у вас провожают? Столько слез за кого льют?
- Падишаха провожают! — говорит Люба.
- Падишаха? Какого падишаха?
- Персидского падишаха.

Все посмеялись, но подумали, правда, какой-то начальник уезжает.

Когда я прилетела в Америку на постоянное жительство, то еще в аэропорту отметили, что «насовсем». В приемной, где мне надо было встать на учет, уже по-русски разговаривали. Там претензии ко мне:

- Какими путями вы сюда приехали?

— Пешком прийти невозможно. На машине приехать окольными путями тоже невозможно, только самолетом и только по разрешению, по вызову. Вот мои документы, читайте, кто их подписывал, что вы меня спрашиваете? Я тут и все! А какая причина, чтобы меня не пустить?

Это все из-за тех бумаг с ложной информацией, которые пришли на меня в Америку. Принять меня приняли на жительство, но не дали никакой помощи, сказав: «Ничем ты в Америке пользоваться не будешь! Абсолютно ничем!»

Я пришла расстроенная, дочка говорит: «Мама, ну чего ты расстраиваешься? С зарплаты я буду класть деньги в твой кошелек, чтобы у тебя всегда были личные деньги. Я буду класть столько, сколько тебе необходимо. Я знаю, мама у нас хозяйка, будешь ты и здесь хозяйкой. Мама, ну что ты расстраиваешься? Пустили, ты приехала, слава Богу!»

При на устроилась работать в аэропорту. Сын тоже уже работал и жил у работодателя, хорошо зарабатывал. На работе моих детей Бог благословлял.

Не прошло и месяца, как мне выдали грин-карту. Обычно, чтобы ее получить, надо ходить на беседу, учить язык, и ее выдают через пять лет. А я говорю Ирине:

— Что мне с этой грин-картой делать? Я же не буду туда-сюда летать. Лучше бы мне деньги платили каждый месяц, чтобы я знала, на что жить.

— Мама, людям приходится пять лет ждать, чтобы получить эту грин-карту, а тебе ее уже выдали. Тебе и остальное принесут.

- Да ничего мне не принесут. Сказали, что не дадут, и все.

Я жила у зятя с дочкой. Прожила я там два года, мне ничего не давали. Мы переехали из Детройта во Флориду, пошли на учет вставать — опять мне ничего не положено.

Мне одна сестра сказала, что во Флориде есть русское собрание верующих, там пресвитер русский из Ленинграда. А он грамотный очень, в Лондоне учился, знает много языков.

Пришла я в это собрание в первый раз, и он начал расспрашивать меня, откуда я, да как здесь оказалась. Я ему говорю:

— Вы знаете, у нас такие вопросы задавали, когда собрание разгонять приходили, обязательно спрашивали: сколько тебе лет, кто твоя дочка, мать и отец — все-все узнавали. Я пришла в собрание народа Божьего, почему меня здесь допрашивают: кто, что да как? Я отвечать ни на какие вопросы не буду.

- Хорошо, хорошо.

Как-то я заболела, а медицинская помощь там очень дорогая. И вот одна сестра мне говорит:

- Пойдем к врачу, хоть проверишься.

— Платить у нас нечем сейчас, дочка только переехала из Детройта во Флориду, они еще не обосновались как следует. Они тут купили дом, зять еще на работу не устроился, нужда велика, поэтому я не пойду.

- Пойдем хоть просто со мной.

Пришли. Она что-то врачу сказала обо мне, но пояснила, что я заходить не буду, что у меня платить нечем.

Это был очень хороший врач. Он по национальности еврей, в Ленинграде учился, у него свой офис. И говорит ей:

— Пусть она зайдет, я хоть познакомлюсь, посмотрю.

Посмотрел, проверил и спрашивает по-русски:

— Инфаркт у вас был?

— Был, но это уже все прошло.

Он дает медсестре карточку заполнить. Я говорю:

— Вы меня извините, пожалуйста, но я ничего не получаю и поэтому ходить к вам не буду. Я знаю, что врачи дорого берут. А тем более я сердечница, инфаркт был.

— А ты знаешь, сколько стоит прием?

— Примерно да, но я ходить на прием не буду, я просто с ней приехала, потому что она меня попросила.

— Приедешь ко мне на прием через пять дней, — и назначил мне какие-то таблетки.

— Я и таблетки покупать не буду, у нас сейчас такое положение, я не знаю, как и объяснить.

— Через пять дней!

— Не приеду я к вам.

— А через полмесяца ты будешь получать все, что положено приедем, и остальное бесплатное лечение.

— Вы же не в посольстве работаете, чтобы все это мне дать.

Когда я приходила к нему на прием, он всегда принимал меня без очереди и всегда бесплатно. Я с ним много беседовала по Библии про Авраама, Сарру, Исаака... Иногда он мне наговорит-наговорит, а я ему:

— Да не так, а вот так же!

— Да я хотел проверить, правда ты знаешь или нет.

И вот так беседуем с ним минут пятнадцать. Не раз бывало, что сестра, с которой я приезжала, говорила ему:

— Вы меня принимаете пять минут, а Клабочку — минут пятнадцать-двадцать.

— Значит, ее столько надо принимать.

— Вы меня столько же принимайте, сколько ее.

— Вы давно на учете, а она только-только, — смеется он.

И вот мне во Флориде все дали и предложили квартиру отдельную. Но я отказалась, сказала, что буду жить только с детьми. Если отдельно жить, то я бы сюда никогда не поехала: народ чужой, все чужое. В своей семье я своя, язык родной, дети меня не обижают. И я осталась жить у дочери.

Как-то пришел к нам домой главный врач, хотел Ирину оформить по уходу за мной, чтобы ей за это платили. Она им говорит: «И вы думаете, что я этот документ подпишу, что буду за мамой ухаживать? Я уйду на работу, муж уходит на работу, дети — в школу, одна дочь только еще не ходит в школу. Мама нам готовит кушать, приходим домой — в доме убрано, белье постирано. Как я могу пойти на такую ложь, что моя мать больная? Мама делает все сама, и делает и для себя, и для нас».

У меня на стене висела картина с текстом: «Ибо Ты был... защитой от бури» (Ис. 25,4). Это я привезла из России и повесила в своей комнате. Врач увидел эту картину и дочке говорит:

— Переведи мне, что там написано.

Она перевела, сказала, где написано.

— Да, твоя мама верующая. Ваш врач выписал вам хорошие лекарства, но еще есть такие, которые вам не положено выписывать, так как они очень дорогие, и их беженцам не дают. Вот я даю вам список того, что вы можете бесплатно брать в аптеке. Обязательно каждый месяц ходите и получайте бесплатно.

В дополнение к лекарствам он написал и шампунь, и йод, и мыло, и крем. Я говорю дочке: «Ирина, это какая-то афера. Так не должно быть, почему они должны нам давать бесплатно? Нам же не положено».

Пришли в аптеку, набрали. Кассир показывает, сколько платить, насчитала много. Дочка показывает бумагу от врача с печатью, кассир говорит: «Что же вы сразу не показали? Я бы просто посмотрела, что вы взяли правильно или неправильно».

Там даже какие-то конфеты были, и их также можно было взять. Нам хватало не только на меня, но и на всю семью, так Бог благословил. Так я там жила, в церковь ходила, комната у меня была своя, дети не обижали. Но только скучала я по России постоянно.

У детей было трудное материальное положение: зять работу ищет, поменяли место жительства, да еще дом дорогой заказали, на заказ им строили. И я хотела чем-то им помочь, хоть какие-то деньги заработать.

Эта же сестра, которая меня к врачу водила, говорит:

— Я тебя устрою на работу, за детьми смотреть.

— Я детей люблю, но дело в том, что это Америка. У них очень строго ответишь за детей: где-то ребенок стукнется, они тебя засудят.

— Я тебя устрою к хорошим людям.

Я согласилась, потому что все равно надо где-то работать. Эта сестра привела меня устраиваться на работу в одну еврейскую семью. Они родом из Ташкента, а в Америку переехали с родителями, когда были еще

маленькими. По-русски чисто говорили. У них двое детей: мальчик Иосиф, ему год и семь месяцев, и девочка Севана, ей восемь недель. Они меня сразу приняли. Я должна была за ними смотреть.

Муж сказал, указывая на жену: «Столько людей приходило на работу устраиваться, она не принимала, а вас сразу оформляет».

Мне все объяснили, как обращаться с посудой, какие продукты можно есть, какие нельзя. Так как эта семья еврейская, то у них еда кошерная. Это было для меня не сложно, и я согласилась работать.

В первый день, когда родители ушли, Иосиф как начал кричать с утра, так без остановки весь день и кричал. Думаю: «Наверное, соседи думают, что я издеваюсь над ребенком». Прошу его:

- Пойдем на руки, ну миленький, ну золотой!
- No, no, no!
- Кушать хочешь?
- No!
- Пить хочешь?
- No!

Я уже «кушать» и «пить» по-английски говорю, он понимает, но все равно в ответ только по». Я его и так, и так, но он на все отвечает: «No!» В кровати своей сидит и кричит.

Маленькую Севану покачала, накормила. Мне бы четверых таких дали, и то бы справилась, а с этим одним не знаю, что делать. Думала, он с голоду умрет.

Хозяйка в первый же день попросила меня не упоминать имя Иисуса Христа, слово «Бог» — пожалуйста, можно, но ни в коем случае не Иисус. Я ей на это согласия никакого не дала, промолчала.

И сейчас я решила все-таки помолиться, встала на колени у кровати Иосифа и со слезами молюсь: «Господи! Помоги мне до вечера дожить с ними, и больше я к ним не поеду, лучше буду как-то перебиваться. Ребенок так кричит, и я не могу его успокоить».

Встала с колен, смотрю, а мой мальчик сидит тихонько, смотрит на меня. Протягиваю руки к нему:

- Иосичка, ты пойдешь ко мне?

Он обнимает меня за шею, ложится на плечо, да такой родной стал.

- Кушать будешь?
- Yes!
- Пить будешь?
- Yes!

На все — «yes»!

Напоила, накормила, на руках сидит, девочку на руки взяла, обоих ласкаю. Ну, думаю, теперь до вечера доживу, слава Богу! А тут Севана заплакала. Иосиф видел, как я молилась, и показывает, чтобы я помолилась. Ну а мне не трудно колени преклонить. И до вечера дождала.

Хозяйке потом говорю:

— Ира, я, наверное, больше не приду. Я не могу так работать. Как ребенок кричал, тебе соседи расскажут. Я думала, он от крика умрет до вечера. Но слава Богу, Он помог, и Иосичка успокоился.

— Да ты смотри, он у тебя с колен не слезает, да такой родной! А ты хотела, чтобы ребенок сразу тебя полюбил? Я вижу, как он тебя любит.

— Любит...

— Недельку-две привыкают дети к няньке, а ты прямо хотела, чтобы тебя сразу полюбили.

— Ну ладно, я посмотрю.

— Ну, пожалуйста, завтра выйди!

Она только-только вышла на работу после декрета. На следующий день я все-таки опять поехала к ним. Ира, хозяйка, перед уходом на работу говорит мне:

— Я хочу у вас спросить одну интересную вещь, Иося нам показал. Заплакала Севана — он становится на колени около ее кровати, складывает ручки, закрывает глаза и стоит. Меня за юбку дергает и показывает, мол, становись на колени. Я думаю, что такое с ребенком случилось? Не отстает от меня и все. Ну ладно, встала вместе с ним, постояла. И почему-то Севанка, правда, замолчала. Поднялись, он улыбается, довольный. Что бы это значило?

— Иосиф вчера так кричал, не ест, не пьет, я думала, что он умрет от крика. Пришлось склонить колени и около его кровати помолиться. Помолилась, он сразу и замолчал.

— Молись сколько хочешь, только Богу, но не Иисусу.

— Ира, я пока тебе ничего не обещаю, а как дальше, мы еще с тобой поговорим. Кошерное все соблюдаю. Если посуда будет лежать там, где положено, оттуда я и буду брать и туда же возвращать, ничего не перепутаю, не смешаю, это я обещаю, обманывать тебя не буду.

— Ладно, — согласилась она со мной.

Позже мы стали с ними беседовать по Библии. Про Моисея они хорошо знают, как он народ Израильский из Египта вывел, как вел народ по пустыне. Моисей очень почитаем в иудаизме, поскольку он является величайшим

из пророков. Моисей почитается, а Иисус не имеет значения и игнорируется, Его вообще не почитают.

А я им рассказывала про Иисуса Христа, что Он выше Моисея, что Он Сын Божий. Но она просила не упоминать имени Иисуса.

Часто дочка заезжала за мной и прямо с работы отвозила меня в русскую церковь. И как-то раз она не могла захватить, переживала об этом. А мне очень нужно было в собрание, я очень скучала, тут хоть пение и проповеди на русском языке. Тогда Ира, хозяйка, говорит: «Я сама отвезу тебя в церковь». Она меня отвезла в церковь, и ей нужно было ждать меня, пока закончится собрание. И чтобы она ждала меня не в машине, я ей предложила посидеть рядом со мной в церкви. Она согласилась. И при встрече с моей дочерью говорит ей: «Ирина, я сама буду ее возить в церковь, ты не приезжай». И так она стала возить меня в собрание.

Время идет, я у них уже год. Дети подросли. Севана уже начала ходить.

Дети знали, какая обувь и одежда для синагоги, дома они это не наденут. Синагога — это для них святое. Я любила их купать и переодевать, и мне интересно было попробовать надеть на них одежду для синагоги. Но они возразили: «Нет, нет, это для синагоги!» А потом, когда они стали ездить со мной в церковь, стали говорить: «Это для церкви».

Приехал к ним в синагогу какой-то проповедник, сказали, что будет говорить что-то интересное. Ира меня попросила переночевать с детьми, а она с родителями и мужем поедут послушать приезжего проповедника.

А это был еврей-христианин, он проповедовал о Мессии, что они Его не приняли, отвергли и что Иисус Христос есть Мессия.

А мать Иры (она моложе меня) говорит:

— Ира, вот бы тетя Клава тут была, вот бы послушала его, ты посмотри, как он говорит!

— Мама, если тетя Клава встанет вместо него, она не хуже расскажет. Ты не знаешь, что она мне рассказывает. То, что он рассказывает, я это уже знаю, она давно мне рассказала, что Моисей — это пророк, Иисус — Сын Божий, Он пришел пострадать за людей.

— Ты это слушала и мне не говорила?

— Ты бы меня камнями побила, нельзя же об этом говорить!

Этот проповедник, наверное, неделю у них проповедовал о том, что евреи отвергли своего Спасителя, что надо покаяться и принять Христа.

У них много родных в Израиле. Как-то поехал ее отец туда, сходил на Голгофу и потом говорил: «Ира, поедешь в Израиль, обязательно туда сходи». Потом они, в том числе и отец, стали со мной в собрание ходить, а в синагогу — уже реже.

Мы стали с ними как родные, детей я очень любила. Иосифа уже в школу отдали, Севане пятый годик был. Теперь мне нужно было смотреть только за Севаной, и родители говорят: «Мы за нее одну тебе будем столько платить, сколько платят за двоих, даже больше. Но они мне платили, как мне люди говорили, очень мало. А мне казалось, что хорошо они платили. Они занимались продажей золота, и мне то одно золотое изделие подарят, то другое. Если не брать — как-то не хочется их обижать, и я им сразу сказала, что носить это не буду. «Продашь. Мы их продаем, и ты продашь», — говорили они.

Преподнесли мне подарок, я не знаю, что в коробочке. Открыла — кольцо. Ирина пошла сдала, за него дали шестьсот долларов, вот тебе и «мало». Другая вещь еще дороже стоила.

Когда я уезжала в Россию, они плакали. Они так привыкли ко мне, еще долго звонили мне в Россию. Однажды Севана спрашивает меня по телефону:

— Баба Клава, ты где?

— Я — здесь.

— Поехали, она здесь! — говорит она матери.

Она не дала ей покоя, и они поехали к дочке моей, пообщались. Севана села на мою кровать и говорит: «Она здесь, она сейчас придет».

Они семьей там же живут, в Америке, и ходят в собрание. А Иосиф потом уехал в Израиль, отслужил там в армии.

В Америке иногда мы с друзьями собирались для общения, за чаем, очень интересно было. Мне нравились такие общения. Там был и служитель из Ленинграда Сергей Иванович, он в России был очень известен, знал много языков. Здесь же была его жена, Айна Ивановна, очень приятная. Как-то на таком общении она говорит, обращаясь ко мне:

— У нас здесь такое общение, где каждый может чем-то поделиться, вспомнить какое-то интересное событие.

— Я считаю себя пониже других, тем более в обществе таких образованных людей, — ответила я.

Однажды не нашлось никого, кто бы что-то рассказал. И Лина Ивановна говорит:

— Тогда слушайте, я вам расскажу. Это было в год Олимпиады-80, мы в это время с мужем были в Англии. В одном собрании муж проповедовал, ему аплодировали. А потом я рассказала, как в России проходят служения, сестринские общения. Я говорила по-русски, а муж переводил. Мне так аплодировали, сначала сидя, потом стоя, — с восторгом рассказывала она.

Всем это свидетельство пришлось по душе.

А я подумала: «О чем же Лина Ивановна рассказывала?» Оказывается, говорила она о «свободе» в России, как свободно проходят служения. Я слушаю и думаю: ведь ничего такого не было. Может, у зарегистрированных это и было. Тогда я говорю:

- О, Лина Ивановна, вы напомнили об Олимпиаде-80, у меня тоже есть что рассказать о том времени. У нас как раз к Олимпиаде-80 в Ростове-на-Дону готовился молитвенный дом ВСЕХБ, потому что знали: на олимпиаду приедут люди из разных стран. Кого-то будет интересовать одно, кого-то другое, а кто-то будет интересоваться молитвенными домами, как проходят христианские собрания. Молитвенный дом построили очень большой, хороший, и как раз в день открытия его посетили иностранцы. Дорожки ковровые постелили. Я лично не присутствовала на том общении, но там была недавно уверовавшая сестра, которая ходила «отделившимся», она все и рассказала.

Одна из сестер, член зарегистрированной церкви, была расположена «отделившимся, но ходить к ним боялась, хотя принимала участие в жизни той церкви. Материально она была очень обеспеченная, имела большие связи. Ее московский родственник принадлежал к высшим кругам, и ей доступно было все: она только «нажмет кнопку», и ей все будет. И вот молитвенный дом открывают. По дорожке к молитвенному дому идет уполномоченный по делам религии и несет Библию. А за ним служители идут. Он несет Библию к кафедре, вокруг такой восторг! Склонились молиться, а эта сестра, она очень ревностная, начала молиться: «Господи! Мы прошли по ковровой дорожке, впереди человек нес Библию, правда, брат мне незнакомый. У нас здесь и вентиляторы. А сколько же наших братьев-узников томятся в тюрьмах, они не имеют возможности прийти, пообщаться с родными, с детьми, с женами, повидаться со всеми...» Ее уже останавливают: «Аминь, аминь!» А она продолжает молиться. Она высказала в молитве все, что на душе было. А этих гостей намерены были вести к ней на обед.

Ну, это еще ладно. В это время у нас освободился брат из уз, именно в этот день должна была быть встреча брата-узника. Внешние знали, с кем он близок, куда он обязательно приедет. Всполошилась вся милиция, чтобы помешать собранию. По домам даже ходили, спрашивали: «Где вы ему место приготовили?» Некоторые прямо и отвечали: «Место самое лучшее приготовили». Они везде выставили милицию, чтобы верующие нигде не собрались.

Мы решили собраться за городом, там сестры жили недалеко от железной дороги, у них был большой участок. Милиция знала, что приедут туда. Выехали мы на электричке. Электричка как раз проходила мимо этого дома, мы до станции еще не доехали, а уже увидели, что там милиции полно, все окружено, и тут же по вагонам всем передали. Саша Бублик тогда был руководителем молодежи, энергичный и очень разумный. Он объявляет: «Никто не выходит, едем дальше! Вам будет сказано, где надо выходить». Ехали-ехали, на одной станции останавливаемся, нам дают команду выходить. Вышли все верующие, все гости, народу полная электричка была, с сумками ехали, с продуктами. Им было сказано, чтобы каждый приготовил на себя и на пять человек, чтобы накормить других. Брат-узник, встреча с которым должна быть, едет с нами.

Сошли с электрички, остановились на вокзале, помолились. Куда дальше идти? На этой станции никто из верующих не жил. Шли-шли, нашли такое удобное место, с одной стороны гора, а тут долина, устроились. Помолились и запели псалом «Мы увидели друг друга». Потом спели другой гимн, там есть такие слова: «Нам недолго осталось скитаться по горам и ущельям земли». Молились, плакали. Были горы, ущелья... Воды взять было негде, до реки три километра, но пить хочется, и братья бегали за водой, кто чем мог черпали, носили с речки воды напоить других. Вот так встречали брата-узника. Вот это была победа, вот это была свобода духа, радость!

Когда мы на электричке уехали, милиция искала по всем домам, где могло бы проводить собрание. У нас было очень много гостей, Скорняковых вся семья, молодежь, подростки, братья, сестры съехались со всего Советского Союза. Было много милиции, соседи за нас всегда переживали. А этого брата-узника соседи наши хорошо знали.

Старушка, которая помогала мне с детьми в те трудные годы, всегда про него спрашивала: «Почему он так долго не приезжает? Год, два его нет. Он хоть живой?» — «Живой, освободился». А у этих соседей черешня была очень хорошая, и они ее сверху не обрывали, может, потому что высоко было для них, все-таки они пожилые были. Когда мы возвратились с этого собрания, где была встреча с братом-узником, наш дом и двор был полон гостей. И эти соседи спилили верхушку черешни, принесли нам и говорят: «А это тому, кого у вас долго не было».

А с другой стороны жил майор в отставке, хороший человек был, очень хорошо к нам относился. У моих детей нет отца, а детям всегда его не хватало. Когда сосед с зарплатой идет, обязательно несет им конфеты. Как они там узнавали, когда аванс, когда зарплата, не знаю. Он с ними как-то на их языке, по-детски, разговаривает, и они бегут ему навстречу: «Дядя Борис!» Может, и конфеты самые простые купит, но они этого дядю Бориса

встречают. Никогда не было такого, чтобы эти соседи нас выдали властям. Наше окно открывалось в их двор, и они говорили нам: «Если что, можете прыгать к нам во двор».

Однажды за мной пришел следователь, чтобы отвезти меня в милицию:

— Собирайся быстрее, бросай свои тапочки! — кричит. — Одевайся, пошли!

— Никуда я не пойду, — говорю.

Он кричит, очень плохо со мной обращается, а сосед этот через забор наблюдает.

— Пойдем! — продолжает следователь.

— Никуда я не пойду!

А он не просто так пришел. Паспорт у меня в то время уже отобрали, я заболела и какое-то время не жила дома, поэтому они потеряли меня из поля зрения. Я говорю ему:

— Для чего тапочки снимать? Я могу идти и в тапочках.

Он очень сильно на меня насаждает. Мне чуть ли плохо не стало. Сосед тогда и говорит ему через забор:

— Кто тебе дал право так с ней обращаться?

Следователь отвечает:

— А ты не вмешивайся!

Смотрю, у соседа документ в руке. Он говорит:

— Я майор в запасе, - и показывает ему удостоверение, — и со мной ты еще встретишься. А сейчас освободи и извинись при мне же!

Я о соседе этого и сама не знала раньше. Стали они о чем-то разговаривать, сосед говорит:

— Уезжай, оставь ее в покое! Сидит человек спокойно дома на порожке, а ты на нее так кричишь!

Хорошенько он его тогда проработал...

После этого общения приходим мы с гостями к нам домой, а сын этого соседа подает через забор полное ведро вишни и говорит:

— Мы не знаем, где вы были, но вы такие уставшие пришли, вот вам вишня, кушайте.

Так нас хорошо соседи встретили. И так приятно было. Мы стояли во дворе, двор у нас был чистый, заасфальтированный. Мы начали петь, всех переполнял восторг. Много гостей к нам пришло. Очень хорошо было.

А на краю улицы жил человек, который работал на органы власти. Он летчиком был, дети у него все образованные. Сын — тоже летчик, жил в Москве. Этот сосед за нами следил. Потом он как-то изменился, заболел сильно и через жену попросил меня к нему зайти. Пришла. Он мне говорит:

— Клава, мне поручили следить за вами, ты меня за это прости. В лесу стояла машина, с нее велась прослушка вашего дома. Я заболел, наверное, смертельно, но я честно скажу, что ни разу не предал вас. Я подумал, что если сообщу, что к вам пришли люди, то пока они отреагируют, эти люди уже уйдут от вас. К вам одни приходят, другие уходят, у вас такое движение, не успеешь ничего сделать. И я решил: лучше не делать, чем делать не до конца. Я никого не предал из вас.

— Павел Васильевич, а я и не обижаюсь, я прощаю, даже не за что извиняться.

— Нет, есть за что! Ты почитай мне что-нибудь из своей Книги.

Я зашла ненадолго, но раз человек просит, читаю:

— «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные и Я успокою вас». Только Господь может успокоить, помочь покаяться, и тогда смело можно переходить в вечность.

— Я умру, я с этой постели не встану...

— Хотя бы по чуть-чуть сами читайте, — говорю ему и даю Евангелие.

А после этого я попросила одну пожилую сестру посещать его, она через улицу жила. Прямо перед смертью он покаялся и просил, чтобы похоронили его баптисты. Я говорю: «Неважно, кто будет хоронить, важно, кто будет встречать».

С его женой проблемно было, она была настроена против верующих. А у них случилось так: прилетел на похороны сын, а продуктов нет, достать не могут. В магазинах нет, на похороны чуть-чуть могут отпустить, по справке. А я в то время работала в магазине. И вот он ко мне заходит и говорит:

— Извиняюсь, но что делать, нужно папу хоронить, а у нас недостает продуктов.

— Не переживай, продукты, какие смогу, привезу. Я примерно знаю, что нужно на похороны. Мотороллер у нас есть, который доставляет продукты, и он привезет.

Жена его пошла занимать деньги по соседям. Ей никто не дает, а деньги крайне нужны были. А как идти ко мне, если настроена против меня? Но все же она пришла ко мне и говорит:

— Клава, что делать? Крайне нужны деньги!

Много нужно было — четыреста рублей. В то время это были большие деньги, но у меня они были. Я отдала ей и думаю: «Отдаст, не отдаст — как уж будет. В трудную минуту нужно выручать».

Соседи мне говорят:

— Кому ты дала? Нашла кого выручать, он все время следил за тобой. У нас тоже была возможность ее выручить. Но кто же для такого человека даст, кто такого будет с музыкой хоронить?

После этого его жена сказала работникам милиции:

— Уберите машину, что прослушивает, я порежу все провода. Никаких прослушек больше не будет. Вот это люди, которые верят в Бога! И я завтра же пойду с ней в собрание.

И она пошла со мной. Сын очень благодарил за помощь, деньги они через время отдали. Соседи у меня все были хорошие.

Еще один сосед был, через дом от нас жил, я о нем ничего плохого не знала, с нами он разговаривал хорошо. Но он следил за верующими: записывал номера машин, какие подъезжали к нашему дому, и передавал. И вот подъехал на машине Коля Варакса, шофер наш. А на улице шел дождь, и этот сосед подошел поближе, нагнулся, чтобы лучше рассмотреть номер машины, и в этот момент ему стало очень плохо. По-видимому, и жена его знала, что он делает, и, увидев, что ему плохо, закричала.

Из дома вышел Поля с Павлом, моим зятем, подняли его, он дышит, но у него останавливается сердце. Они сразу же повезли его в больницу. Жена его рядом сидела, одно только твердила: «Простите, деточки милые, простите!» За что прощать — не знаем.

Привезли в больницу, тут же обследовали и говорят: «На пять минут бы раньше привезли, мы могли бы спасти, а сейчас уже нет». И он умер. Другой сосед говорит: «Теперь никто не будет записывать номера, никто не хочет умирать». У них сожаления к этому человеку не было. Тому, кто работает и нашим, и вашим, люди не доверяют.

Кто-то каялся спустя годы. Один человек во время гонений был милиционером и участвовал в разгонах собраний. Он заболел, и пока лежал в больнице, по-видимому, все обдумал хорошо и говорит жене:

- Попроси, чтобы этот служитель пришел.
- Вот еще чего придумал!
- Нужно, очень нужно!

Перед смертью он в больнице покаялся и говорил: «Хотя я участвовал в разгоне верующих, но всегда чувствовал себя виноватым».

Все присутствующие с интересом слушали мои воспоминания, а сестры, которые вообще не знали о гонениях, говорили:

- Вот это христианская повесть. Истинная.

А то, что где-то там хлопали в собрании, свободы-то и не было. Лине Ивановне немножко неудобно было, она говорит:

- Я этого не испытала.

На Новый год мы пригласили к себе гостей. И стали они вспоминать, у кого в прошлом году какой был самый счастливый день. Один брат задает мне вопрос:

- Какой у тебя был самый хороший день в Америке?

— Для меня был самый счастливый день, когда от меня убрали телевизор. У нас внизу большой зал, большая столовая, а рядом моя комната. Когда гости приходят, чем заняться? Телевизор включают. (В Америке верующие к телевизорам относятся очень просто. Когда приезжает семья из России, им сразу телевизор дарят, чтобы не скучно было.) Он стоял рядом с моей комнатой, и когда его включали, все слышно было. На меня этот телевизор сильно действовал, я не знала, как от него избавиться, я ведь не хозяйка. Но как-то я высказала зятю: «Неужели я от этого никогда не избавлюсь?» И они этот телевизор быстренько с сыном подняли на второй этаж, в спальню или куда-то его определили. Какая благодать, что нет телевизора!

- Знал бы, что это тебе принесет счастье, — говорит зять, — я бы его давно убрал!

У Николая Морозова из села Набережное умерла жена. Мы знали друг друга с молодости, с того времени, когда я еще жила в Голопузовке. Мы не были в одной церкви, но очень часто имели общения. То они к нам приедут, то мы — к ним. От нас до них сорок километров. В Набережном побогаче жили. Помню, как у Николая велосипед появился, тогда казалось, что он на мерседесе ездит. Мы были научены страху Божьему, друг за друга молились. Но потом наши пути разошлись. Кто в армию ушел, кто куда-то уехал. Связь прервалась. А когда-то мы были близкими друзьями. Но теперь его жена умерла, он остался один. Вспомнил про меня и захотел связать свою жизнь со мной. Его племянница стала часто звонить мне в Америку «Приезжай, тебя ждут, он никого брать не будет, а только тебя». А я еще согласия не давала. Мне одна сестра говорит: «Мы тут всей церковью молились, постились, чтобы ты приехала».

Служитель церкви в Америке, куда я ходила, стал спрашивать мнение членов церкви. Никто не против. Кто тут будет против, если все члены церкви новые, никто меня не знает. Потом Николай поговорил с пресвитером ростовской церкви насчет этого вопроса. И там дали согласие.

А я все переживаю: «Господи, что мне делать?»

Мне очень хотелось в Россию, тосковала по своей церкви. Я очень любила церковь гонимую. Я вспоминала, как милиция приходила, как гнали, как забирали многих. Хотя уже и не гнал никто, а я вспоминала о том времени, о тех братьях, сестрах, с которыми мы вместе проходили суровым путем страданий. Мне так хотелось быть с

ними, вместе спеть псалом: «Люблю, Господь, Твой дом... Я рад иметь всегда общение духа с ней, нести все тяжести труда и крест ее скорбей». Я люблю нести все тяжести труда и крест ее скорбей. Труда было много, скорбей много, но от всех их избавлял Господь. Я самая ничтожная; я не говорю, что у меня самая святая жизнь, нет, я часто падала на пути, много видела горя и слез. Но я рада тому, что все это видел Христос. Во всем, во всем Он мне помогал.

И вот я приехала в Россию в 2001 году, в Набережное. Гостей уже полный дом, и Дмитрий Васильевич Миняков, и Михаил Иванович Азаров приехали, встречают меня. Я только переступила порог дома, сразу помолилась и говорю: «В моем доме всегда будут и друзья, и гости. Если принимаете меня, нужно будет принимать и их».

18 ноября 2001 года состоялось наше бракосочетание. Считывал нас Азаров Михаил Иванович.

Живу я здесь и не знаю для чего я приехала сюда, хочется, чтобы от меня была какая-то польза.

И вот как-то Иван Александрович, муж сестры Николая, видя, что я многим помогаю, говорит:

— Ты такая добрая, всем помочь хочешь, а вот поглядела бы, как тут один брат живет. У него жена умерла. Ничего у них нет, он один с тремя детьми остался. Вот поглядела бы ты, как они живут.

Он это мне говорит раз, два, и я говорю:

— Почему ты мне это говоришь? Я поеду, но что я смогу сделать?

Но он очень звал, и тогда я предложила Николаю и его сестре, Анне Ивановне, поехать туда вчетвером.

Приехали туда. Видела я бедность, когда у кого-то хлеба даже не было, много всякого видела в жизни, но такой нищеты еще не встречала.

В доме пусто. Для всей семьи одна табуретка, и то развалившаяся, кровать, у которой сетка проваливается до пола, на краешке можно только притулиться. Такого я еще не видела. А грязь началась от дороги, и по дому грязь, нигде ступить. В сарае корова и лошадь, но туда не пройти, так как грязи по колени. В доме сидит девочка, по виду ей годиков пять, ножки поджала под себя, по-турецки сидит и причитает:

— У меня машинка сломалась, стирать не на чем, белье стирать не на чем...

Я говорю:

— Что тут стирать, ее саму надо стирать.

Мы смотрим на все это, и все трое, кто со мной приехал, плачут. Сейчас мне еще заплакать не хватало. Мы что, приехали тут поплакать? Я начинаю с этими детьми разговаривать, старшего не было дома, только двое младших:

— Вы маму очень любите?

— Очень даже любим! Мы с Сережей, старшим братом, даже на кладбище к ней ездили.

— Маму всегда надо любить! И живую, и мертвую! Она — мама, и уже никто ее не заменит. Петя, ты очень правильно делаешь, что маму любишь.

А маленькая девочка все одно твердит:

— Машинка сломалась...

— Она у нас главная по стирке, — говорит Петя, — а машинка «Малютка» поломалась. Воду надо носить, белье я разбираю, черное и белое раскладываю отдельно.

А там и черное, и белое — вонь идет от всего. Я думаю: «Вещи-то мы им привезли, а это все надо сжечь». Оставили им также продукты. По дороге домой я уже не выдержала, разрыдалась. Анна Ивановна говорит:

— Ну что ты плачешь? Надо что-то делать. Сейчас приедем домой, я скажу Тамаре, Маше, чтобы они приехали сюда, навели порядок, выбелили хату. Какие-то скамейки надо придумать, где-то купить, не на что сесть даже.

— Ну и что дальше? Они будут сюда ездить белить? Видишь, дети в каком состоянии находятся?

— А что же делать? Я Тамаре скажу, она поедет.

А Тамара, жена пресвитера, вроде как обязана поехать. Мы как-то привыкли требовать от служителей побольше, но ведь все обязаны. Так и здесь. Приехали оттуда, рассказываю сестре нашей, которая живет недалеко от нас:

— Валентина, я такого не видела. Какое же горе. И помочь там может один только Бог, больше никто.

— Слушай, у нас тут продается дом, пойдем посмотрим.

Мы отправились с ней посмотреть этот дом. Мне показался он очень хорошим, я не видела такого хорошего дома во всем Набережном. Дома здесь были очень дешевые. Он стоил около восьмидесяти тысяч рублей.

Прихожу домой и говорю:

— Мы такой дом видели! Высокий, чистый и совсем недорого стоит. Хозяева его умерли, а у них остались родственники, они его и продают. А присматривает за этим домом сосед.

Николай говорит:

— Чей же это дом? Я в Набережном такого дома, как ты рассказываешь, не видел.

— Он лучше нашего, — объясняю.

А эта сестра, слушая меня, улыбается, ничего не говорит. Но мне он таким показался. Пошли посмотрели вместе. Николай говорит:

— Да, домик неплохой, но кладка не такая.

Я думаю: «Надо же, такой хороший дом, а кладка не такая».

Иван Александрович звонит ночью:

— Алексеевна, вы спите?

— Нет.

— И мы нет. Как ты думаешь, что будем делать?

— Не знаю, что мы будем делать, но не спим.

Ближе к утру он опять звонит:

— Николай, ты спишь?

— Нет.

— И мы нет.

— Ну что будем делать?

— А что делать?

Анна Ивановна говорит:

— Я предлагаю поехать в Воронеж, в собрании объявить эту нужду. Собрание в Воронеже большое, сколько смогут дадут. Может, мы соберем на этот домик. Обратимся к своим, к нашим родным.

Иван Александрович говорит:

— Да, мои дети помогут, они живут хорошо, одна дочь в Липецке живет, другая в Москве. Чем-то они обязательно помогут.

Это хорошо. С кого будем начинать — с родных. С их родных, конечно, моих родных тут нет. Начали действовать. Одна ответила: «У нас тут своих нуждающихся много, а вы нашли кого-то издалека».

Иван Александрович звонит нам:

— Что будем делать? Мои отказали.

— И в Воронеж бы поехали, тоже бы не собрали, — отвечаю.

— Есть один богатый неверующий, поедem к нему. Дом у него здесь, а сам он живет в Москве, может, он поможет.

Но на это я не могла согласиться:

— Если свои отказали, кого мы будем искать?

— Значит, надо ехать порядок наводить в старом доме, — предлагает Анна Ивановна.

Но разве там наведешь порядок? Такое страшное запустение.

— С вашей родни начали, теперь я начну со своих, — говорю им.

Звоню сестре в Америку. Рассказываю ей о нашей поездке в ту семью, о нашей нужде и что в Набережном продается дом, но денег нет его купить. Рассказываю, а сама рыдаю. Она говорит: «Ну что ты так расстраиваешься? Все, что ты мне сейчас рассказала, расскажи Саше, сыну моему, и поступи, как он скажет. Сейчас он тебе позвонит». Звонок от Саши: «Тетья Клава, расскажите, что там происходит?» Я ему все-все по порядку рассказываю, рассказываю... Он спрашивает: «Тетья Клава, за сколько продается этот дом?» Я называю ему цену. «Так покупайте его, завтра у вас будут деньги». Наша родня и мои дети там, в Америке, вместе собрали деньги и сразу передали их нам.

Лучше Божьей милости нет! Благодать-то какая! Николай идет к соседу, вызвали родственников, договорились о цене и купили этот дом. Николай оформил документы.

В это время приезжает к нам брат Саша из Москвы. Он меня знал давно-давно, еще до своего уверования. Его мама Таисия была у нас и видела, что в нашем доме много недоделок. И Саша приехал с инструментами, думал, что-нибудь поможет сделать.

А нам как раз надо было в этом доме, купленном для семьи Толика, проводку проводить. Попросили его там поработать. Он там три дня работал, у нас только ночевал, мы говорим: «Ты ехал помочь одному, а Бог тебя направил к другому. Бог знает, кому нужно помогать. Помогал им, считай, нам помогал». Он хорошо им помог, и сам доволен был.

Стали перевозить Толика, его детей в новый дом. Это рай для них! В доме чистота, порядок. Кастрюли, тарелки — все новое, постели постелили, диван поставили. Анна Ивановна осталась там немножко пожить, чтобы дети привыкли, готовила им еду. А я думаю: «Какая же ты молодец! А меня не заставишь пожить, может, я боюсь, ну не заставишь».

Потом Иван Александрович мне говорит: «А теперь нам с тобой надо поработать на старом месте, откуда детей перевезли, ты мне будешь подавать, а я буду сжигать». Мы такой костер там разожгли. Всю старую мебель, половички, одеяла, подушки — все в костер. Это нельзя было перевозить в новый дом, все было в таком состоянии, что только можно было сжечь.

И вдруг мы слышим, что Толик хочет старшего сына оставить в старом доме, потому что там ближе к училищу, где он тогда учился. И что он там делать будет один? Узнал об этом брат из Голопузовки, заехал к нам и говорит:

«Поехали за Сережей, там оставлять его нельзя». Приехали туда,

Серёжа в слезах, а рядом дружок его сидит и говорит: «Сережу забираете, забирайте и меня!»

А у него хотя и отец, и мать есть, но дети беспризорные. Мать спилась, отец неизвестно, чем занимается. Дети в училище побудут, а ночуют на лавках где-то на рынке или где придется. Летом ладно, а как они зимой живут — неизвестно. Но что делать?

— Тебя не заберешь, у тебя родители есть.

— Только меня заберите! — просит он со слезами.

Пошли к его матери, она там пьяная, говорит что-то непонятное:

— Да, и он Богу молится, — и на икону показывает.

Николай сумел как-то с ней поговорить. Хорошо он умеет разговаривать. Мать говорит:

— Забирай, если ты отвечаешь за него, забирай!

Забрали Сережу и его, сразу двоих к Толику привезли. Мы говорим:

— Раз взяли их, то поможем и прокормить. Постелей на всех хватит.

Анна Ивановна дала свои подушки. Проблем много было сначала, но все уладили. Документы на дом оформили сразу на семью Толика. Их служитель советовал нам оформить дом на себя, но мы не согласились.

* * *

Приехали снова туда, откуда вывезли эту семью, а там собрались беспризорные дети, друзья их, и говорят нам: «И мы с вами хотим».

И они, замерзшие, голодные, добирались до нашего села, кто пешком, кто на старом велосипеде, сначала в дом Толика, а от них шли к нам. Их много приходило. Я готовила каждый день, и они уже привыкли к нам. Я не у всех детей знала родителей. Они люди вольной жизни и детям говорят: «Вы сами прокладываете себе дорогу».

Тогда Николай устроил их в училище в селе Тербуны. А они то просят, то еще что-нибудь. И он ездил в Тербуны их будить, чтобы вовремя пришли на занятия. Ох, и повозился он с ними. А после занятий их надо кормить. В столовой их кормили, но они молодые, им этого не хватало. И они на автобусе или еще как-то приезжали в Набережное. Приедут и прямо к нам. Мы их кормили, снабжали какой-то одеждой. Но кормить их от души кормила: то оладьи нажарю, то супа наварю, то еще что-то — от печки не отходила.

Вспоминаю, как однажды надо было покормить детей, не этих, других, а нечем было, и думала: «Господи, чем же их покормить? Что же делать?» Смотрю, стоит соседка с кастрюлей, и пышка хлеба сверху, и говорит: «Милая, как же я тебя долго жду! Сейчас придешь, будешь как керосинке готовить. Когда ты будешь готовить? Это до утра, а утром тебе на работу идти. Вот тебе - корми детей, и сама ешь борщ с мясом». Так можно прожить, детей можно прокормить, наверное, неделю. Холодильников тогда не было, в холодную воду ставили. И вот, думаю, разве это не забота Бога?

А еще собирала вещи для этих беспризорных детей, сообщала своим в Америку, сколько носков надо, сколько брюк, сколько еще другой одежды, чтобы им было в чем ходить. Уж они тут героями были: и одеты, и обуты, и накормлены. И шли к нам как домой.

Мне, правда, некоторые в церкви выговаривали: «Ну и любишь ты возиться». «Вот и любишь...» А не любила бы их, оттолкнула бы, где бы они сейчас были? В том районе, откуда мы их вывезли, много таких несчастных было, много...

Мы учили их Богу молиться, вместе читали, рассуждали. Я обычно приготовлю, подам еду, одному рубашку дам, другому носочки и тоже присоединяюсь к их рассуждениям.

Как-то Алеша, один из мальчиков, перед уходом смотрит на свои носки и не знает, что делать: возвращать носки или нет.

— Алеша, снимать носки не надо, — говорю я ему.

— Это насовсем?!

— Алешенька, насовсем!

А Николай ему свой свитер перешил, он шить умеет, и дал ему надеть.

— Неужели и это насовсем?! — удивленно спрашивает он.

С Евангелием он не расставался. Куда бы дедушка ни шел, что бы он ни делал, Алеша говорил:

— Я с вами! Дедушка, я с вами! Бабушка, полы не мой, я сам помою!

Он был такой хороший, послушный и так он нам понравился, что мы

решили оформить на него опеку. Николай пошел в соцзащиту. Его там спрашивают:

— А как твоя жена посмотрит на это?

— Да она меня сама заставила: оформляй хоть троих! Поэтому и пришел.

А потом Николай сказал Алеше:

— Алеша, ты будешь жить у нас. Ты будешь наш!

— Я буду всегда жить у вас?!

— Ты будешь всегда жить у нас!

Но не пришлось ему пожить у нас. Документы оформили, он уже собрался переезжать к нам, и его сбивает машина, насмерть... У нас до сих пор лежат эти документы...

Потом четверо из этих беспризорных детей, которые к нам приходили, покаяться. Они из неблагополучных семей, они скитались, где могли. Один из них, который раньше особенно голодал, просил милостыню.

- Мне, — говорит, — подали копейку, я ее проглотил, а есть опять хочу.
- Сереженька, а ты не догадался хлеба купить?
- Нет. Я проглотил, думал, раз подали, значит, это будет мой хлеб.

Они там беспризорные с детства. Если по той местности поехать, увидишь много беспризорных детей. Еще там очень развито колдовство. Дети, что к нам ходили, говорили: «Нам все завидуют, что мы вот так пристроились».

А сейчас они уже взрослые, у них свои семьи. Мы не о всех знаем, как сложились их судьбы. Один крещение принял, в хоре поет, стал проповедником в Ельце, у него уже пятеро детей. Его на благовестие везде зовут, он не отказывается и всегда готов. Только скажи ему: «С бабушкой плохо!» — он сейчас же примчится, хотя живет от нас километров за сто пятьдесят. И один придет, и с женой. Как-то приехал к нам, а Анне Ивановне плохо было, она была при смерти. Я говорю:

- Хорошо, что приехал, она тебя хорошо помнит.
- Я ее проведаль. Но если с вами плохо будет, все брошу, сразу примчусь! — Он и в самом деле так сделал.

Вторая из беспризорников уехала на Чукотку, вышла замуж за верующего цыгана, четверых детей родила. Они шесть лет там жили, трудились проповедовали, и там образовалась небольшая церковь. Потом они оттуда вернулись и в гости к нам приезжали.

Другая занимается с детьми, тоже вышла замуж за верующего, живут хорошо.

Ну а один и в церкви был, и крещение принял, но женился на неверующей и говорит: «Я от Бога не ушел, я буду ходить в церковь!» А жена его говорит: «Он будет ходить в церковь, даю вам слово. И я тоже хочу ходить в собрание».

Я довольна, что дети, которые приходили в наш дом, в трудное для них время нашли тут приют, покаяться, уверовали. Сейчас они к нам все хорошо относятся, кто звонит, кто приезжает. Это не мы, это Господь. Разным путем Господь приводит к Себе, через разных людей.

Иногда я думала: вот, приехала я в это Набережное... И зачем я сюда приехала? Дети мои там, я тут. Но я благодарна Богу, что не зря я здесь оказалась, что хоть некоторым мы смогли помочь прийти к Богу, и через них уже пошли ростки веры и на Чукотке, и в Ельце. Для спасения людей Господь оставил небо, сошел на землю, принял страдания, чтобы спасти вас, грешников. И нам за них тоже надо какую-то жертву платить. Значит, не напрасно я тут, не напрасно.

У нас когда-то были ночи бдения, а сейчас: то голова разболится, то сердце заколет. Думаю: «Господи, Ты прости меня, до этого возраста Ты довел, теперь принимай такую, какая есть». Как-то лежу и думаю: «Совсем я негодная и всеми забытая». И сильно-сильно так заунывала. И прямо сердцем слышу: «Ты знаешь, что Я люблю тебя и никогда-никогда не оставлю тебя!» Как же я плакала, какой чудный Господь. И Он мне оказал: «Я никогда-никогда не оставлю тебя!» Оказывается, я такая старая еще Ему нужна! Он доведет меня до неба и до вечности. Я рыдала, просила у Господа прощения и говорила: «Господи! Помоги мне оценить Твою любовь, Твою заботу, ведь ни разу Ты не оставлял меня ни в голоде, нив нужде».

У меня была комната, где я молилась, я всегда молилась в определенном месте. Что бы ни было, я сразу оставляю все и иду на то место молиться. Любила я там молиться, как будто это мой молитвенный алтарь. Бог не оставлял, не оставлял ни разу. Неужели Он теперь меня оставит? Переживаю, чтобы не согрешить, не утратить веру, чтобы дойти до неба, до вечности. Посмотришь, сейчас есть пожилые больные, которые не соображают ничего, забывают имена детей, еще и какие-то негодные слова начинают говорить на старости лет. Я говорю: «Господи! Сохрани меня от этого! Когда нужно, забери меня, я прямо сейчас хочу к Тебе! Сохрани, Господи, мой разум, он мне очень нужен, я сейчас многого не помню, но милости Твои я помню!»

Милостям Его нет конца!

Безусловно, путь мой нелегок,
Но желаю ли я иного?
Тебя скорби мои смущают?
Было время, при виде их,
Разгулявшихся и беспощадных,
Я покоя не знал ни на миг

И мечтал, как о высшем блаженстве
О безветрии, о благоденствии.
Но понять всё года помогли мне,
Мои скорби — то правда проста —
Были первыми звуками гимна,
Что прославил верность Христа.
В Своей славе Господь велик,
Но в скорбях Его слава видней!
Не желаю жить без скорбей,
К ним я, будто к друзьям, привык.
И без них мне даже трудней.
Не смущен я, и ты не смущайся,
Дух очистится только в огне.
Есть в скорбях затаенное счастье,
И оно, что и радостно мне,
Их оправдывает вполне.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ о Клавдии Алексеевне Гончарук

С дорогой нашей тетей Клавочкой, Гончарук Клавдией Алексеевной, мы познакомились в 1971 году.

Мы жили в Сибири, в городе Прокопьевске. Наш папа, Захаров Павел Фролович, 1 июля 1971 года отошел к Господу. Это было в Краснодаре, там его и похоронили. После похорон мы ехали домой через Ростов-на-Дону в сопровождении Бгатова Виктора, члена прокопьевской церкви. Прибыв в Ростов-на-Дону, мы посетили богослужение. После собрания нас пригласила к себе тетя Клава. Пробыв некоторое время у нее, мы ощутили материнскую любовь и заботу о нас. Отцовское попечение о нас постоянно проявлял Д. В. Миняков. В мае 1973 года по его совету мы приехали к тете Клаве. Она приняла нас в свою семью как своих детей и стала для нас доброй, заботливой мамой. Она многому научила нас в жизни: как любить Бога, Церковь, принимать странников, помогать страждущим, научила нас вкусно готовить и содержать свой дом в порядке, во всем была добрым примером...

Через некоторое время после продажи дома в Сибири мы купили свой дом недалеко от тети Клавы. Каждый день вечерами мы собирались в ее доме, пели, молились. Двери ее дома всегда были открыты для всех странников. Много узников и их детей, тружеников прошло через ее дом. Всем она спешила помочь и нас привлекала к этому труду.

Помню, в Лабинск из Омска привезли детей-сирот Сигаревых с их бабушкой. Мама у них умерла, а папа отбывал срок. Тетя Клава и об этой семье по-матерински заботилась. Однажды она говорит: «Надо отвезти им аккордеон». Я повезла. Этого никогда не забуду, дети были очень рады, и я радовалась, что довезла, хотя ноша не из легких. Тетя Клава работала и все успевала. Когда в 1976 году конфисковали дом молитвы, она открыла двери своего дома для богослужений. Гонения усиливались... Многих членов церкви арестовывали на пятнадцать суток, и тетя Клава участвовала с нами в кормлении суточников. Она никогда не хвалилась тем, что делала, и о многом не знали даже сам неблизкие...

До конца ее жизни мы поддерживали с ней общение. Благодарны, что она молилась о нас и любила нас. Теперь она у Господа, а мы еще в пути! Верим, что встретимся!

Любовь Бублик (Захарова)

Мои мысли — не ваши мысли, ни ваши пути — пути Мои, говорит Господь.
Ис. 55, 8

Нет, лучше с бурей силы мерить,

Последний миг борьбе отдать,

Чем выбраться на тихий берег

И раны горестно считать.

Так сложилось, что с Клавдией Алексеевной я познакомился еще в молодости. Я о Боге знал, но самого Бога

не знал. В 1972 году она приехала в нашу местность с одной сестрой и пожелала со мной познакомиться, но я не захотел. В то время было много верующих узников. К ним на свидание согласно закону пропускали только тех, кто был записан в деле, или близких родственников. Одним из этих узников был мой брат. Родители предложили ездить с передачами и на общее свидание мне. Как это делается, я даже представления не имел. И поэтому мне настойчиво предлагали заезжать в Ростов-на-Дону на улицу Шевцова, а дальше мне помогут.

Так мы познакомились с сестрой Клавой поближе и стали большими друзьями на долгие годы, до конца жизни.

Когда я туда заезжал, передача уже была готова. Она была собрана с учетом лагерных особенностей и нужд. По дороге уже непосредственно в лагерь мне очень точно и подробно говорили, как себя вести, что, где и как говорить, чтобы я вел себя свободно. Со мной обговаривали вопросы, которые, как не член церкви, я не должен был знать. С их стороны это был риск, и я это понимал. Обходились со мной очень любезно, уважительно. Я хорошо понимал, что я этого не заслужил, и это действовало на меня располагающе.

Сестра Клава не только помогала мне в том, что касалось свиданий, ее цель была достичь моего сердца. Вся обстановка и то, как меня встречали, были такими, каких я не знал. Это были люди, которые полностью посвятили себя Господу. Личные дела, работа, здоровье — все отходило на второй план. На первом месте было то, что нужно Господу и братьям-узникам. И каждый раз, когда я приезжал туда, атмосфера была той же, что привело меня не только к покаянию, но и сформировало во мне такие же чувства, как и у них. После собрания в ее доме собиралась молодежь, приходили братья. Много пели, читали, молились. Чаще всего настоящего имени тех братьев, которые приходили, уходили, никто не знал. Такая доверчивость, любовь друг к другу меня не оставили равнодушным. И эту обстановку во многом создавала сестра Клавдия Алексеевна. Таким христианином я тоже хотел стать. И 4 мая 1975 года после воскресного богослужения в доме сестры опять собралось много друзей. Фактически, собрание продолжилось, и этот день стал днем моего обращения к Богу. Через такое отношение, незаслуженное, сердечное Господь Духом Святым коснулся моего сердца. У меня началась другая жизнь. Наши встречи, которые перешли в сотрудничество, продолжались.

Однажды прихожу в пятницу с работы, а меня поджидает сестра Клава с одной сестрой. Им стало известно, что с моим братом в лагере обращаются жестоко, нужно срочно посетить, узнать, вмешаться. А для этого нужен был родственник, который записан в деле. Сразу вылетели в город, в котором находился лагерь. Лагерное начальство сильно удивилось, откуда нам это стало известно. По настоятельному требованию разрешили краткосрочное свидание. После этого сразу пошли срочные сообщения и молитвы по церквям, и обстановка изменилась к лучшему. И в таких ситуациях сестра Клава всегда помогала самым деятельным образом, оставляя все свои дела.

Христос был распят не один. Он был распят еще с двумя разбойниками. Праведник оказался причислен к беззаконникам. Человеческое общество издает свои законы так, что под действие закона попадают отъявленные преступники, которые опасны для общества. Также к преступникам причисляют тех, которые ведут святой образ жизни. Когда «меняется стиль жизни, вместе с ним меняются законы, причем так, чтобы они подходили к изменениям, а не наоборот. И это затем, чтобы человек и дальше чувствовал себя порядочным и безгрешным. В конце концов, человек создает свою собственную религию, где мерой всему является „он сам"» (из книги П. Шаадт «Счастлив тот...»).

Но Христос является Светом жизни, и это Он доказал тем, что умер за грехи наши и воскрес для оправдания нашего. Так и Его последователи, которые имеют в своем сердце приговор к смерти, показывают своими делами и жизнью, что противоречащие Слову Божьему законы не властны над ними. Во время гонений многие братья, чтобы продолжать совершать служение, вынуждены были находиться на нелегальном положении. Им нужна была поддержка, нужно было где-то переночевать, где-то пообщаться, и это служение с большой любовью и жертвенностью совершали такие сестры, как сестра Клава. Она в любое время была готова по мочь, поехать, встать в проломе. Если в такое тяжелое для братьев время испытаний появлялись друзья-заступники, это для них было большим утешением и ободрением. У гонителей ослабевали силы, и они не могли продолжать свое недоброе дело. И это заступничество за братьев, терпящих гонения и скорбь за истину, являлось сильным свидетельством любви верующих друг ко другу. Также оно являлось яркой победой добра над злом. И это прославляло Бога, Христа, являлось сильным влиянием Церкви на этот мир.

Можно часто слышать, что мы вошли в удел тех побед и благословений, которые имели братья в прошедшее время. Да, это действительно так. Можно многому научиться, взирая на их жизнь, но освящение и пробуждение по наследству не передается. Поэтому каждое поколение, каждая церковь и каждый член церкви, должен пережить это сам. И эти воспоминания сестры Клавдии Алексеевны написаны с целью показать, насколько Господь открывает возможности послужить своим ближним тому человеку, который искренно отдает себя на служение Богу.

Генрих Данилович Петерс

Проводить в последний путь Клавдию Алексеевну мы с друзьями выехали из Москвы, как раз в самом начале

карантина. К этой поездке мы не готовились, собирались поспешно, и, сидя в машине, я мысленно представлял, как буду оправдываться перед сотрудниками ГИБДД за нарушение режима самоизоляции. Перебрав разные варианты, я понял, что с точки зрения закона это невозможно. Но для нас, верующих людей, есть другой закон, высший над всеми законами земными — христианская совесть. И пойти против этого закона я не мог. Ведь именно так и жила сама тетя Клава, так решили поступить и мы, поехавшие на ее похороны.

Христос обещал тем, кто ради Него и Евангелия оставят спокойную привычную жизнь, получают в подарок во сто крат больше. И среди этого богатства — много отцов и матерей. Одной из них и стала для меня «Клава из Ростова», так звали ее друзья, проходившие вместе с ней суровым путем гонений за христианскую веру. Я часто думал о том, что нас с ней связывало? Ведь мне не довелось знать ее в те годы, я пришел к Богу, когда явных гонений в нашей стране уже не было. Но любовь Христова пребывает вовек, она стоит над временами, над обстоятельствами и зарождается между людьми иногда так неожиданно и необъяснимо, а потом на протяжении десятилетий греет душу своей непоколебимой верностью.

Так получилось, что с самого начала я и познакомился с ней не как с героем веры, а как с дорогой подругой моей мамы, в бытовых житейских обстоятельствах. Однажды мама попросила помочь тете Клаве с ремонтом дома, где она тогда проживала. Как раз в это время Вася, сын ее, был проездом в Москве, я собрал инструменты, и мы вместе поехали. И вот первая встреча! Смотрю на нее: самая обыкновенная русская женщина, приветливая, гостеприимная, невысокого роста. Но взгляд необыкновенный, словно в душу заглядывает и пытается понять, что у тебя там. Вспоминая сейчас наши с ней откровенные беседы на протяжении всей жизни, понимаю, как помогало это мне самому заглядывать в свое сердце и испытывать свои слова, которые говорил часто опрометчиво. А ее взгляд спуска мне не давал. Да нет, судьей она не была и языком никогда не резала, — судила совесть. А она любила и служила. Служила, как и в те годы, когда, по ее словам, «тюрьма на каждом шагу подстерегала». Продолжала служить и теперь, в этом была ее сущность и радость жизни.

Наверно Господу было угодно, чтобы для меня, а возможно, и еще для кого-то, красота выплавленной в испытаниях души Клавдии Алексеевны открылась наиболее ярко по сравнению даже с ее самопожертвованием и верой, которые по словам апостола Павла есть ничто без любви. Ее материнскую память в молитвах и опеку я испытал на себе. Общение с ней — это была целая школа, в которой Господь учил мыслить и поступать не стандартно, а по влечению духа. Я понял, что это одно из неотъемлемых качеств любви, по-другому она не умеет.

Мне не раз приходилось удивляться, что при таком многообразии добрых дел, которые тетя Клава успела сотворить в своей жизни по отношению к другим людям, насколько более она умела ценить даже самые незначительные проявления добра и помощи по отношению к ней. Мне казалось, в этом не было ничего особенного, но для нее это значило всегда очень много. Она бережно хранила воспоминания о тех событиях, и в общении часто в подробностях не раз пересказывала, как кто-то ей когда-то помог. Часто вспоминала и мою маму, Таечку, как она ее ласково называла. Да... научиться бы иметь такое наполненное благодарностью сердце!

Для меня всегда особенно привлекательным был ее образ мышления. Даже пообщавшись с ней совсем недолго, я пришел к твердому и радостному для себя выводу: «Это не штамповка, это что-то! С таким человеком от скуки не помрешь». А рассказывать она умела, вроде бы и простым языком, но настолько насыщенно и увлекательно у нее это получалось, что после вечерних бесед за неизменно по-хозяйски радушно на крытом столом, потом долго невозможно было заснуть, — все рисовались в сознании картины и образы из ее рассказов. Но самое главное, от этих простых повествований я всегда ощущал реальность присутствия живого Бога, приносящее умиротворение и веру в победу, к которой Господь при ведет всех уповающих на Него.

Для тех, кто знает Бога как к Отца, и привязан к Нему сыновней любовью, наиболее ценный является одно из качеств Бога — Его неизменность. И я заметил это качество в Его истинных детях. В жизни все переменчиво, все непостоянно. Но в чем для души успокоение? В неизменности. Где найти ее? В Боге и в Его детях. Они любят всегда, они не предадут друзей, даже если они сами забыты всеми. Они всегда помнят и готовы открыть дверь своего дома, когда ты в беде. Они готовы окрылить тебя, когда все надежды разбиты. На них не влияют перемены ни в мирском обществе, ни даже перемены в христианском общественном мнении. Они неизменны.

Такой и была дорогая сестра Клавдия Алексеевна. Она прошла долгий и нелегкий путь, побывав в разных концах света. Ее общительность и круг друзей не знали предела и не зависели от расстояния. Телефон в доме не смолкал, она рада была слышать голос всех, кто желал с ней общаться. Дом всегда был открыт для гостей, а на стенах всех комнат висели фотографии близких и родных, которых несла в молитвах к Богу. До конца своих дней она продолжала заботиться и помогать бедным и сиротам. Господь подарил ей на закате жизни последнее пристанище на ее родине в Липецкой области, откуда она и ушла домой.

Незабываемым стало последнее расставание осенью 2019 года. Мы с сыном и друзьями сидели в машине, готовясь отправиться домой, а она стояла на крыльце своего дома и провожала нас долгим взглядом. Мы смотрели на нее с замиранием сердца от зарождающегося предчувствия. Вдруг она улыбнулась и говорит мужу своему, Николаю: «Смотри, плачет», и показывает на меня. Но слез у меня тогда не было, а душа действительно тосковала. Разглядела ведь! Подняв руку, она направила ее вверх, и я понял, что следующая наша встреча состоится в небесах.

Александр Синенков